

ПИОНЕР 9

СЕНТЯБРЬ • 1975 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Всесоюзный марш пионерских отрядов ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Девиз Марша: «БЕРЕМ С КОММУНИСТОВ ПРИМЕР!»

Марш посвящается **XXV СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.**

Всесоюзная линейка состоится во всех дружинах страны **2 ОКТЯБРЯ.**

Сборы пионерских отрядов «Мы делу Ленина и партии верны» пройдут **В ФЕВРАЛЕ.**

На **VII ВСЕСОЮЗНОМ СЛЕТЕ** пионеров летом 1976 года будут проведены итоги Марша.

Лучшие пионерские звенья за успехи в ученье, труде, спорте, общественной работе будут награждаться вымпелом «**ЛУЧШЕМУ ЗВЕНУ».**

Лучшим отрядам на Марше будет присваиваться звание **«ПРАВОФЛАНГОВЫЙ».** Почетная лента Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации украсит флаг такого отряда.

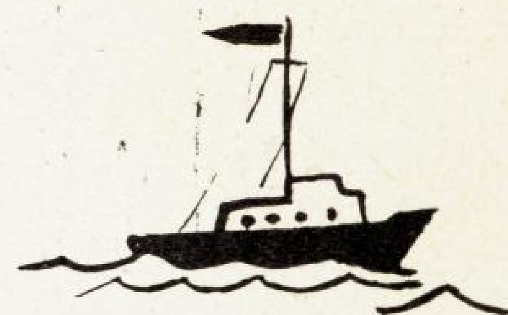
Правофланговые дружины будут награждены **ПОЧЕТНОЙ ЛЕНТОЙ** ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Самые активные пионеры — организаторы интересных и полезных дел на Марше — будут отмечены значком Центрального Совета пионерской организации **«ЗА АКТИВНУЮ РАБОТУ».** Имена лучших пионеров занесут в Книгу почета пионерской организации.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Всем пионерам страны, пионерским звеньям, отрядам, дружинам! Боритесь за право подписать рапорт пионерской организации XXV съезду КПСС. **АКТИВНО УЧАСТВУЙТЕ В МАРШЕ,** во всех его маршрутах:

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

Рисунок И. КРАСУЛИНА.

«МОЯ РОДИНА — СССР»

ПИОНЕР, ПОМНИ: ВСЕ, ЧТО СОЗДАНО НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ, СОЗДАНО ТРУДОМ МИЛЛИОНОВ.

Изучай историю нашей Родины, нашей родной партии, Ленинского комсомола. Знай, чем живет наша страна, каких огромных успехов она добилась.

«В СТРАНУ ЗНАНИЙ»

ПИОНЕР, ПОМНИ: ХОРОШАЯ И ОТЛИЧНАЯ УЧЕБА — ТВОЙ ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ, ТВОЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК XXV СЪЕЗДУ КПСС.

Объявляй бой лени, недобросовестному отношению к учению, во всем помогай твоему самому близкому другу в школе — учителю, вовлекай своих друзей в кружки, научные общества, конкурсы.

«В МИР ПРЕКРАСНОГО»

ПИОНЕР, ПОМНИ: ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ.

Знакомься с достижениями советского и мирового искусства, развивай свои способности в художественном творчестве, активно участвуй во Всесоюзном фестивале детского творчества, дружи с детскими писателями, композиторами, артистами.

«МИР И СОЛИДАРНОСТЬ»

ПИОНЕР, ПОМНИ: НАША РОДИНА — ЗНАМЕНОСЕЦ МИРА.

Ты должен знать, как успешно претворяется в жизнь Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС. Крепить дружбу с детьми трудящихся всех стран, знать, как живут, чем занимаются твои сверстники в странах социалистического содружества, активно участвовать в сборе средств в Фонд мира.

«ПИОНЕРСТРОЙ»

ПИОНЕР, ПОМНИ: ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ — ЭТО БОЕВОЙ КЛИЧ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ.

Уже сегодня вноси свой посильный вклад в трудовые дела пятилетки, участвуй в операции «Байкало-Амурской магистрали — пионерские рельсы!», во Всесоюзном соревновании «Миллион — Родине», активно охраняй природу, знай, как трудятся гвардейцы пятилетки.

«ТИМУРОВЕЦ»

ПИОНЕР, ПОМНИ: ТИМУРОВЕЦ СЕГОДНЯ — ТИМУРОВЕЦ ВСЕГДА!

Сыновний долг тимуровцев — заботиться о ветеранах войны и труда, о семьях погибших воинов, о малышах. Объявляйте бой всем, кого называют квакинцами. Будьте готовы оказать помощь тем, кто в ней нуждается, без всякой подсказки, без благодарности.

«СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ»

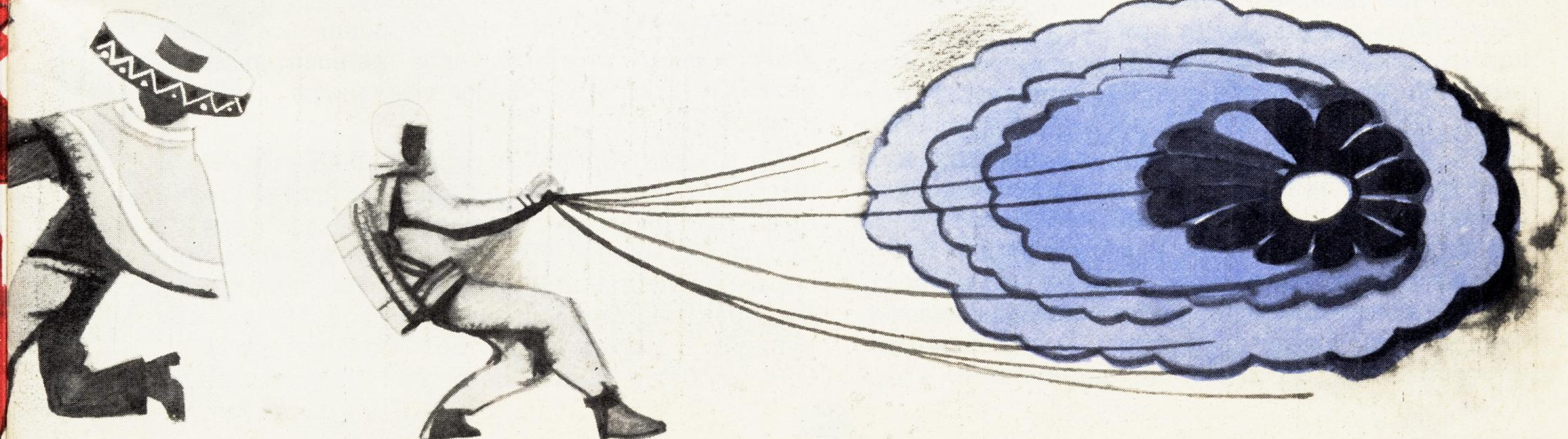
ПИОНЕР, ПОМНИ: СЕГОДНЯ СТАРТЫ ПИОНЕРСКИЕ, ЗАВТРА — ОЛИМПИЙСКИЕ.

Готовься к труду и обороне СССР, расти сильным, ловким, смелым, надежным защитником нашей Родины, знай героическую историю Советской Армии и Военно-Морского Флота, сдавай нормы на значок ГТО, участвуй в игре «Зарница».

«ЗВЕЗДОЧКА»

ПИОНЕР, ПОМНИ: РАБОТА С ОКТЯБРЯТАМИ — ГЛАВНОЕ ПОРУЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ЮНЫМ ПИОНЕРАМ.

Помогай октябрятам хорошо подготовиться к вступлению в пионеры, организуй неделю октябрят в своей школе, участвуй во Всесоюзном «Осеннем походе дружбы» в сельские начальные школы, организуй интересный отдых малышей.

Работай, учись и живи для

Вручая пионерской организации второй орден Ленина, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный сказал ребятам такие слова: **«Ваша сегодняшняя учеба — это тоже труд, труд нелегкий, требующий большого упорства и настойчивости, ведь нужно овладеть широким кругом знаний, которые очень быстро растут в наш век, век научных и технических открытий».**

Взрослые — учителя, родители, пионервожатые — часто говорят с тобой о том, что твое отношение к учебе должно быть добросовестным и заинтересованным.

Но иногда бывает так: ты получаешь хорошие оценки, тебе интересно учиться, и ты успокаиваешься, забываешь о том, что рядом с тобой учатся ребята, у которых есть двойки и тройки. Но ты прежде всего пионер, член пионерского отряда. Это значит, что ты отвечаешь не только за себя, но за каждого своего товарища. Вот об этом, по-моему, нельзя забывать.

В городе Новгороде в школе № 13 двойка — чрезвычайное происшествие. Ребята сразу выясняют в чем дело: если двойка из-за болезни или из-за того, что человеку трудно разобраться в новом материале, ему помогают, а если из-за лени, то в отряде идет принципиальный разговор. Но в любом случае ребята вмешиваются сразу, не ждут, когда у товарища появится вторая, третья двойка... Ребята этой школы дружат со своими шефами — рабочими треста № 43 «Новгород — Химстрой» и автоколонны 1406. И это помогает им в учебе. Потому что встречаясь со своими шефами, ребята рассказывают о том, как они учатся, а рабочие — как выполняют свой план. Ребятам не приходится краснеть — в этой школе нет ни одного двоечника, половина ребят учится на четверки и пятерки.

Тридцать — сорок человек в пионерском отряде, и каждый должен быть в центре внимания. Конечно, это трудно. Только дружному отряду, в котором ребята внимательно и чутко друг к другу относятся, это по силам. В Полтавской области пионеры создали в школах пункты «скорой помощи». Ребята-консультанты, которые хорошо знают математику, историю, русский язык, помогают своим друзьям.

На помощь пионерскому отряду и совету дружины должно прийти школьное радио, стенгазета. Иногда можно встретить в школе пожелтевшие от времени стенгазеты с неизменными скучными «Уголками юмора». Конечно, такая газета никому не нужна. А если поставить перед газетой, перед школьной радиопередачей цель — помогать ребятам идти маршрутом «В страну знаний»? Давать советы по НОТу школьникам, помещать информации о работе школьных кружков и научных обществ?

И ни в коем случае нельзя, чтобы вся работа с двоечниками сводилась к бесконечным «проработкам», к обсуждению их на советах дружины, экранам успеваемости, что встречается в некоторых школах. Если человека все время только ругать, у него опустятся руки, не будет никакого желания учиться и вообще приходить в школу, где его только ругают и «обсуждают». Хорошо, когда каждому пионеру в отряде учеба приносит радость, развивает в нем любознательность, интерес к знаниям.

Во многих городах и селах нашей страны существуют научные школьные общества, «Малые тимирязевки», лесничества, ученические производственные бригады. В них ребята приобретают настоящий интерес к научному поиску, практические навыки. В лесничестве «Берендей» в Карелии работает больше ста ребят. Они слушают лекции по биологии, сами пишут

народа

рефераты. Сажают деревья, охраняют лес от пожаров, ведут наблюдения за птицами, участвуют в экспедициях по Белому морю. И не случайно на Международном конкурсе по охране природы они заняли первое место. Ребята оказались подготовленными лучше, чем их сверстники из пятидесяти стран мира.

Все, кто бывает в винницкой школе № 4, сразу замечают, с каким удовольствием хозяева показывают гостям свою школу. Оборудовали школьные кабинеты сами ребята, многие сложные приборы в кабинетах физики и химии тоже сделаны ими. В школе есть уникальная коллекция минералов, собранная школьниками в походах. В этой школе работают общества менделеевцев, историков, математиков, и никто не жалуется на скуку, не говорит, что неинтересно учиться.

Но бывает иногда, что человеку интересно учиться, интересно узнавать новое, но... учиться он не умеет. Не умеет правильно распределять время, работать с энциклопедиями и справочниками. Поэтому получается, что он всегда чего-то не успевает. Увлечется одним предметом, запустит другой. На помощь таким ребятам должен прийти пионерский отряд. В школе № 159 города Новосибирска ребята организовали лекторий «Учись учиться». Рассказывают об основах НОТа, учат работать со справочной литературой. Некоторые занятия лектория так и называются: «Как мы готовим домашнее задание?» Совет дружины и совет отряда устраивают рейды: приходят к ребятам домой посмотреть, как они занимаются. Конечно, не для того чтобы «контролировать» и ругать, а чтобы объяснить, помочь, если что-то не так.

Совет отряда и совет дружины распределяют пионерские поручения. Что поручить каждому? Иногда никак не придумает совет отряда. Так нередко и появляются ответственные за поливание цветов на подоконнике, за вытирание классной доски. Отчего это происходит? Совет отряда не знает, что интересно ребятам его отряда. А если поговорить обстоятельно со всеми, можно услышать от ребят такие слова: «Люблю географию, могу провести беседу в своем классе или младшем». «Я мог бы рассказать много интересного по истории, но меня никто никогда не спрашивал, а сам я стесняюсь сказать об этом».

Пионерское поручение должно быть очень конкретным. Иногда назначат человека ответственным за маршрут «В страну знаний». А что он должен делать: проверять у ребят дневники, организовывать кружки в классе или покупать билеты в музей, он сам не знает.

Маршрут «В страну знаний» — это твой главный маршрут. От того, как выполняешь ты сейчас свою главную работу, зависит, каким ты войдешь в жизнь после школы. Хочется еще раз напомнить вам слова из речи Николая Викторовича Подгорного, обращенной к пионерам: **«Нас, взрослых, радуют ваши успехи в учебе, ваше трудолюбие, пытливость, любознательность. Хотя приходится порой огорчаться, когда встречаешься с нерадивым учеником, белоручкой или зазнайкой. Несомненно, в каждой школе, в каждом пионерском отряде хватит сил исправить таких ребят, сделать так, чтобы те, кто сейчас занимается неважно, учился лучше».**

Твои знания, твои успехи на самом главном маршруте Марша будут лучшим подарком нашему народу, XXV съезду КПСС.

А. ПОПОВ,
заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

На этих фотографиях ты видишь ребят из Молдавии и с Украины. Летом они работали в колхозах «Дружба» Одесской и «XX партсъезд» Кировоградской области.

Может быть, ты тоже привез домой фотографии — воспоминания о трудовом лете. В школе ты показывал их товарищам, рассказывал, как помогал молотить горячее от солнца зерно, складывать в копны душистое сено, как однажды прохладным утром в первый раз в жизни вывел в поле трактор...

Вы все, ребята, повзрослели за лето, многому научились. И поняли, как радостно знать, что ваш труд нужен стране, что он приносит пользу взрослым.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

ПЕРВЫЙ БОЙ

А. ТОЛМАЗОВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

После уроков все ушли на кросс. Все, кроме Леши. Он валялся на кровати и читал «Трех мушкетеров».

За окном было мокро и серо, уныло моросил дождь. Лешка поежился, отвернулся к стене и закрыл глаза. Перед ним ярко, как в кино, вспыхнула картина: прямо в море садилось оранжевое солнце, а вдогонку ему, лихо пришпоривая коня, летел Д'Артаньян с письмом королевы. Д'Артаньян был почему-то белобрыс и как две капли воды похож на него, Лешку.

Лешка вздохнул и, лениво потягиваясь, выполз в коридор. В интернате было тихо и пусто, как на каникулах. Он осторожно толкнул дверь в комнату девчонок, одолжил совок и помчался в туалет за шваброй...

Вот уже три месяца Леша убирал палату в одиночку. На стене висел график дежурных, утром после обхода в нем появлялись отметки, но никто не догадывался, что дежурит один-единственный человек — Леша Рыбкин.

Началось это так. Однажды Володя Жуков предложил Леше поменяться дежурствами. Леша согласился, даже обрадовался. Володя был любимцем отряда, легко учился и при этом нисколечко не зазнавался, рассказывал смешные истории и запросто ходил на руках. О таком друге можно было только мечтать... Когда подошла Володина очередь, Леша отдежурил за него сам. Так и повелось.

В комнате было пять коек. Одна из них пустовала. У дверей спал Женька Снетков. Ростом он не вышел, но в футбол играл лучше всех и считал себя важной птицей. За шкафом обитал Сашка Гусев, неповоротливый, шестидесятикилограммовый гигант. Три раза в неделю он ходил в секцию борьбы, а в остальные дни копил силы для новых тренировок. В один прекрасный день дежурить Сашке надоело, и Леше пришлось уступить.

Потом прицепился Снетков:

— Вобла! Подмети за меня! Мне некогда.

— Что я, рыжий, за всех убирать? — осторожно возразил Леша.

— До ужина не уберешь — двадцать персиков,— отрезал Женька.

Лешка долго размышлял: убирать неохота, подзатыльники получать — тем более. В конце концов порешил: ни нашим, ни вашим; у Женьки под носом со шваброй повертелся — и точка. Даже пыль вытирать не стал.

После обхода в графике выросла жирная тройка.

— Ты что, назло? — как коршун, налетел Женька.— Для Володьки на пятерочку убрал, а мне чуть двойку не влепили?

Он повалил Лешу на кровать и, оттягивая указательный палец, стал больно хлестать по затылку.

В этот момент скрипнула дверь. Женька струхнул, сбился со счета. В палату заглянул Володя. Леша встрепенулся, оторвал лицо от подушки: он ждал бури. Но бури никакой не случилось. Володя шепнул:

— Воспитатель в коридоре!

И закрыл дверь. Лешка зарылся в подушку и горько заплакал.

— Алеша! Ты что, оглох?

Леша вздрогнул и уронил швабру. На пороге стояла Татьяна Ивановна.

— Ты почему на кросс не пошел? Заболел?

Леша растерянно моргал. Воспитатели дежурили через день, и сегодня у Тани, как дважды два, был выходной.

— Долго будешь молчать? — нахмурилась Таня.

— Я дежурный,— очнулся наконец он и, подняв швабру, принялся мести пол.

— Уборка у нас вечером, после самоподготовки... Разве ты этого не знаешь? Ну почему, почему так получается: как интересное дело — ты в стороне?

Леша возил по полу швабру и молчал.

— А почему ты сегодня дежуришь?

— Моя очередь,— брякнул Леша и похолодел: вдруг Таня проверит график?

— Но вчера... Вчера я, кажется, тоже видела тебя со шваброй...

— Я помогал...

— Кому?.. Ну что же ты все время молчишь, Алеша? Я же тебе не враг. Объясни по-человечески...

Леша понимал, что молчанием своим он обижает Татьяну Ивановну, и это мучило его больше всего. Таня, Татьяна Ивановна, приняла Лешину группу год назад, сразу после института. В интернате ее полюбили, особенно мальчишки, хотя уроки она проверяла каждый день и за дисциплиной следила строже других воспитателей. Но зато ей можно было задать любой вопрос и получить на него ответ — точный и необидный. А главное, Татьяна Ивановна никогда не делала особенных поблажек девчонкам, ко всем была одинаково требовательна и всегда справедлива.

Вечером, после отбоя, Леша крался по ко-

ридору в туалет — Гусев послал его мыть кеды. Он уже был на полпути к цели, когда дверь в комнату девчонок неожиданно распахнулась и в коридор упала яркая полоска света.

— Ты куда это собрался? — спросила Татьяна Ивановна.

— Кеды мыть,— сказал Леша, на всякий случай спрятав руки за спину.

— А сразу почему не помыл?

— Не успел.

— Ты ведь на кроссе не был! — спохватилась Таня. — А ну-ка, повернись... И размер не твой. Чьи кеды?

Леша растерянно молчал. Татьяна Ивановна схватила его за руку и повела по коридору. Войдя в палату, она строго спросила:

— Это чьи кеды?

— Мои,— смущенно зашевелился в своем углу Саша.

— Ты что, Гусев, сам свою обувь помыть не умеешь?

— А что такого? — вмешался Женька.— Может, Вобла у него адъютант.

— Я жду,— сказала Таня.

Саша нехотя вылез из-под одеяла. Таня бросила кеды на пол и, прикрыв дверь в спальню, огорченно спросила:

— С какой стати ты для них лакеем сделался? Не стыдно? Какой из тебя мужчина получится?

Леша стоял, опустив голову, и молчал. Из палаты вывалился Гусев.

— А ну-ка, подойди сюда, голубчик. — Таня поманила Сашу к окну, где стояли столик и два кресла. Леша вернулся в палату.

— Ты почему превратил Рыбкина в адъютанта? Он что, не такой человек, как ты?

— Никто его не превращал,— вяло заметил Саша.— Это Женька придумал.

— А кеды?

— Он сам... предложил... Давай, говорит, помою.

— Сам? А за всех дежурит он тоже сам? И вообще он все время какой-то пришибленный, будто чего-то боится.

— Чего ему бояться? — пожал плечами Саша.

— Твоих кулаков, например?

— Враки! Мне драться нельзя. У нас за это из секции выгоняют.

— Хорошо,— помолчав, вздохнула Татьяна Ивановна.— Иди.

Гусев вернулся мрачный, будто потерпел поражение на ковре.

— Ну что? — поднялся ему навстречу Женька.

— Ничего. У Воблы спроси.

— Капнул?

— Кто к-капнул? — возмутился Леша. От волнения он начал заикаться.— Никто не к-капал.

— Она про дежурство узнала,— пояснил Гусев.

— Это еще доказать нужно...— испуганно

— Пошли! На воротах стоять научу!

протянул Женька.— Если Вобла не подтвердит...

Дверь в палату распахнулась.

— Почему после отбоя разговоры? — строго спросила Таня.

Щелкнул выключатель, стало темно. Таня вышла, но дверь в коридор осталась открытой.

— Вовка! Что это она? — зашептал Снетков.— Сходи, попроси свет оставить. Почитать хочется.

— Сходи сам,— предложил Жуков.

— Лучше ты.

Жуков нехотя влез в тапки и выглянул в коридор. В окно тускло светил уличный фонарь. Таня сидела в кресле, подперев голову рукой. В остальные палаты двери были закрыты.

— Володя, ты что? — Она поднялась ему навстречу.

Володя улыбнулся. Он нравился Тане и знал это.

— Татьяна Ивановна! Гусев Воблу не бьет, честное слово!

— Почему Воблу? Разве у Рыбкина имени нет?.. Если человек слаб, пользоваться этим подло и низко! Вчера Алеша у вас дежурил и сегодня? Почему?

— Наверное, поменялся...

— Не верю я в это,— твердо сказала Таня.— А то, что все это происходит в твоей палате, больно и обидно. Человечек ты хороший, честный. Но хорошие люди на вес золота не потому, что они сами по себе хорошие. А оттого, что вокруг них всегда правда и справедливость.

— Понятно,— сказал Володя и, позабыв, зачем вышел в коридор, пошел спать.

Через неделю появился новенький. Его привела Татьяна Ивановна и сказала:

— Знакомьтесь, ребята. У нас новый воспитанник — Сыроежкин Сережа.

Новичок ростом был ниже всех, у него были большие красные оттопыренные уши. Он доверчиво улыбнулся, и Женька обнаружил, что у Сыроежкина нет переднего зуба.

— Где это тебе зуб выбили?

— На футболе,— простодушно сообщил новенький.— Когда я на воротах за «Динамо» стоял.

— За «Динамо»? — недоверчиво переспросил Женька. Сам он никогда в настоящей команде не играл, и теперь ему грозила опасная конкуренция.

— Да, за «Динамо»,— кивнул Сыроежкин.

— Не загибай! — безапелляционно заключил Женька.

— Честно. За «вторых» детей.

— За каких таких «вторых»? Может, ты за ползунков стоял?

— Хватит тебе, Женька! — вмешался Володя.— Лучше бы мяч надул.

После полдника ребята затеяли футбол. Женька оделся раньше всех. Он встал посреди палаты в эффектную позу и, поправив гетры, принялся подбрасывать головой мяч. Раз-два-три... Жонглируя, он косил глаза на Сыроежкина, но тот сказал:

— У нас один парень так двадцать пять раз делал.

— Рассказывай сказки,—возмутился Женька и уронил мяч на пол.

Сыроежкин обиженно смолк.

— Сыр, ты пойдешь? Мы с третьей палатой играем. Хочешь, на ворота встанешь, — предложил Гусев.

Сыроежкин сухо сказал:

— Меня Сережей зовут.

— Смотрите, какой нашелся,— не унимался Женька.— Может, тебя еще по имени и отчеству называть? Пошли. За нас Вобла постоит.

Леша летел вниз по лестнице, не чувствуя под собой ног от счастья. Никогда, никогда еще ему не доверяли ворота, и вдруг...

Футбольное поле в интернате было небольшое, но ровное. В центре пятачком зеленела травка. Эх, если бы ворота другие. У этих верхние штанги прогнулись, и вратарь, прыгая за мячом, рисковал набить на макушке шишку. Сколько мальчишки ни ругались, завхоз каждое лето сушил на воротах пожарные шланги.

Началась игра. На поле, как всегда, распоряжался Женька. Он покрикивал на игроков, единоличничал, бестолково финтил, явно любуясь собой. Соперники, наоборот, играли в пас и, почувствовав беззубость атаки, стали все чаще переходить в наступление. И тут оказалось, что оборона первой палаты дырява, как решето. Сашка грозно пыхтел, суетился, но его преспокойненько обегали стороной. Лешка метался от штанги к штанге. В штрафной началась толчея, мяч то и дело куда-то пропадал. И вдруг он вынырнул совсем рядом! Леша метнулся вперед, бросился в чьи-то ноги, но... поймал пустоту. Мяч тихонько катился в ворота, а из центра уже мчался разъяренный Женька.

— Ты что, слепой? Такой шипунок пропустил! Проваливай отсюда!

Леша принялся стягивать свитер. Гусев подошел к Сыроежкину. Тот стоял неподалеку и наблюдал за игрой.

— Серж, выручай!

Сыроежкин молча взял у Леши свитер, и в этот момент случилось непредвиденное. Женька злобно сплюнул и, ни слова не говоря, пошел к бровке.

— Жень, ты чего? — удивился Гусев.

— Ничего!.. Или я, или он — выбирай!

Разгоряченный борьбой, красный, злой, Женька шел к угловому флагу. Он мог бы давно свернуть с поля, но упорно шел по бровке, словно был уверен, что его окликнут.

Гусев растерялся, пауза затягивалась.

— Начинай с центра,— твердо сказал Володя.— Что мы, без него не справимся?

Игра возобновилась и, как ни странно, пошла ровнее, хотя в Володиной команде было теперь на одного игрока меньше.

Вечером все разговоры вертелись вокруг игры. Женька брюзжал:

— Это все Сыроежкин. Вратарь называется. Такие пенки пропускать! Вобла и то лучше стоит.

— Ты же сам его выгнал,— заметил Гусев.

Женька промолчал.

— Еще хорошо, что ничья,— вздохнул Леша.

— Была бы победа! — подхватил Женька.

— Была бы,— согласился Володя,— если бы ты не сбежал.

— Кто сбежал? Я сказал: выбирайте.

— А кто ты такой, чтобы ультиматумы ставить?

— Просто ты, Снеток, зазнался,— сказал Гусев.

— Кто зазнался? — взорвался Женька.— Лучше бы молчали, мазилы. С трех метров выше ворот!

Вошел Сыроежкин, по пояс голый, с полотенцем через плечо.

— Закаляемся? Смотри коньки не отбрось,— съязвил Женька.

— Не бойся, не отброшу.— Сыроежкин улыбнулся открыто и приветливо, словно между ним и Женькой ничего не произошло.

Вставать на зарядку не хотелось. Сыроежкин, Саша и Володя выбежали в коридор. Леша посмотрел им вслед, сладко зевнул и отвернулся к стене. Пока не придет воспита-

тель, можно минутки две поспать. А если повезет, то и три.

— Вобла, вставай! — строго окликнул Женька.

— Чего тебе?

— Накрой меня одеялом! Волнами, как в прошлый раз.

Однажды, спрятавшись под одеялом, Женька проспал зарядку и теперь решил повторить трюк еще раз.

— Быстрее!

Едва Леша выполнил Женькино приказание, вошла Таня.

— Леша! Почему ты еще не одет? Быстренько на зарядку.

Ничего не оставалось, как спуститься во двор. Было и солнечно и морозно. Изо рта физрука шел пар. Леша встал в строй и запрыгал вместе со всеми, приноравливаясь к счету: раз-два-три, раз-два-три.

Женька появился под конец зарядки, заспанный и злой. Его обнаружила и вытащила из постели Татьяна Ивановна. После пробежки Гусев свернул к турнику. За ним потянулись остальные. Саша подтягивался тяжело, грузно. Женька считал. Дальше семи раз дело не пошло, Гусев спрыгнул вниз. Освободившись от груза, перекладина легонько тряслась.

— Кто следующий? — спросил Женька, взглянув на Сыроежкина.

К перекладине подошел Володя. Легко подбрасывая свое гибкое тело, он выжался десять раз. Перекрыть такой результат было трудно, и к турнику никто не шел.

— Пошли мыться,— сказал Гусев.

— Погоди. Сейчас Сыроежкин класс покажет,— подначивал Женька.

Сыроежкин покачал головой:

— У меня рука болит, на футболе вывихнул.

— Испугался? — хихикнул Женька.

Сыроежкин насупился и, шагнув вперед, повис на перекладине. Он выжимался необычно, раскачиваясь, как маятник.

— Так нельзя! — крикнул Женька.

— Можно,—возразил Гусев.— Лишь бы подбородок коснулся.

Сыроежкин подтянулся четыре раза, пять... Женька заволновался. Его рекорд был под угрозой. Сыроежкин остановился, повисел на вытянутых руках, потом, стиснув зубы, медленно пополз вверх, выше, выше. Вдруг, так и не достигнув цели, он рухнул вниз и, держась за больную руку, отошел в сторону.

— Слабак,— не совсем уверенно заявил Женька и, подпрыгнув, уцепился за перекладину. Первые три касания дались ему легко, потом дело пошло хуже. Напрягаясь изо всех сил, Женька хриплым голосом считал:

— Четыре, пять, шесть...

Отжавшись седьмой раз, он с победным видом спрыгнул на землю и обернулся к Сыроежкину:

— Вот, учись! Мы, между прочим, в командах не числимся.

Сыроежкин смолчал.

Высунув язык, Леша старательно раскрашивал контурную карту. Неделю назад по географии задали нанести природные зоны Африки, завтра истекал последний срок. За окном быстро таял короткий осенний день. Леша переехал вместе со столом поближе к окну. Сыроежкин учил физику. Перевернув страницу, он предложил:

— Пошли постукаем, пока светло.

Леша помотал головой.

— Почему? Ты уже кончаешь. Сахару закрасить, и все.

— Мне еще одну.

— Как?! — испугался Сыроежкин.—Больше ничего не задавали.

Леша молчал. Вторую Африку приказал ему раскрасить Женька, но говорить об этом не хотелось.

Сыроежкин обиженно уткнулся в книгу.

— Тебя что, Гусев заставил?

— Нет, Снетков,— нехотя признался Леша.

Сыроежкин пожал плечами.

— Я бы не стал. Была охота. Он ко мне тоже лез, чтобы я палату убрал.

— Раньше он меня всегда заставлял,— вздохнул Леша.

— А теперь?

— Теперь Володя защищает...

— Пошли,— твердо сказал Сыроежкин.— Почему ты за него задание делать должен?

— А если он драться полезет?

— Пусть попробует. Нас двое, а он один.

Делать карту Леше совсем не хотелось, но и на бунт решиться было нелегко. Себя он в расчет не принимал, а Сыроежкин, как пить дать, был слабее Женьки.

До самого ужина они гоняли во дворе мяч. Сыроежкин бил пенальти и учил Лешу падать за мячом. Леша бросался, как лев. В правый и даже в левый угол, о чем раньше он не мог и помышлять. Но сегодня падать было совсем не больно и земля казалась мягкой, как матрац. Никогда еще Леше не дышалось так легко.

Когда они вернулись, Снетков придирчиво осматривал карту.

— Здесь все правильно? — спросил он, грозно взглянув на Лешу.

— Кажется, все...—побледнел Леша, опустился на кровать и стал расшнуровывать кеды. Руки у него дрожали.

— Ты что, свою отдаешь? — возмутился Сыроежкин.

— А тебе что? — всполошился Снетков.— Не твое дело, и не лезь.

— Нет, мое.

— Персиков захотел? — удивился Женька.

— Захотел,— не отступал Сыроежкин.

— Что?.. Может, тогда во двор вый-

Задыхаясь от гнева, Леша вырвал у Снеткова пасту.

дем? — предложил Женька и схватил Сыроежкина за рубашку.

— Давай выйдем,— неожиданно согласился Сыроежкин и оттолкнул Женьку в сторону.

«Сейчас драка будет»,— с ужасом подумал Леша.

Но драки не случилось. Снетков повалился на кровать и неестественно заржал...

— С кем? С тобой?.. Сперва уши сбрей...

❄

В умывалке не было ни души. Леша, поеживаясь, чистил зубы и разгадывал загадку. Женька, грозный и страшный Женька Снетков, сейчас казался ему совсем не опасным, как старый, облезлый тигр. Но почему он отступил без боя? Испугался? Кого? Сыроежкина. Это было невероятно и смахивало на чудо.

— Алеша! Не копайся! Все уже в постели.

— Я сейчас,— крикнул Лешка.

Таня, не останавливаясь, прошла дальше по коридору. Леша зажмурился и ополоснул лицо. Когда он открыл глаза, перед его носом был кулак.

— Так, значит, с Сыроежкиным связался? — Снетков схватил Лешу за волосы и занес руку для удара.

Леша сжался, заслонил лицо руками. Но удара не последовало. Женька медлил, поглядывая на дверь: в любую секунду могла появиться Татьяна Ивановна.

— Пусти! — Неожиданно для самого себя Леша оттолкнул Женьку и шагнул к двери.

— Ах, так! — вскипел Снетков и хлестко ударил Лешу по щеке.

❄

Ночью Леша спал плохо. Сперва одолевали страшные сны, потом показалось душно. Он хотел встать и открыть форточку, но услышал шепот. Женька стоял на корточках у постели Гусева и энергично размахивал руками.

— Давай намажем! Чтобы не возникал,— говорил Женька.

— А ну тебя, я спать хочу,— сквозь сон промычал Саша и отвернулся к стене.

— Давай! — не унимался Женька.— Ему положено. Только приехал, а уже права качает.

Гусев не двигался. Раньше на такие дела он был охотник и вдруг... Женька махнул рукой и пустился в поход по тумбочкам. Леша почувствовал, что дрожит. В душе вдруг смешалось все: облегчение (первый раз собирались мазать пастой не его, а кого-то другого), страх, стыд... Он понимал — нужно что-то предпринять, разбудить Сыроежкина, но не мог пошевельнуть пальцем.

— Вобла, ты не спишь? — спросил Снетков.— Вставай, Сыроежкина мазать будем.

— Не буду,— твердо сказал Леша.

— Что я сказал? — Женька схватил его за руку, потянул с постели.

— Отпусти! — отбивался Леша.

— Ах, ты шуметь! — разозлился Женька и повалил Лешу на кровать.

Леша рванулся, но Женька был сильнее и прижал его к подушке. Леша не плакал. До боли сжав зубы, он ждал, когда Женьке надоест его бить.

Наконец Женька устал.

— Доволен? — спросил он и, сплюнув, полез в тумбочку.

Леша лежал ничком и не двигался. Взяв пасту, Женька направился к постели Сыроежкина, захихикал:

— Смотри! Усы будут, как у гусара!

Леша почувствовал, как бешено заколотилось сердце, стало трудно дышать. Он встал с постели, шагнул в темноту и, задыхаясь от гнева, вырвал у Снеткова пасту.

Г. ПЛОТНИКОВ, полковник, кандидат исторических наук.

К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РАЗГРОМА МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ И ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ

И на Тихом океане свой закончили поход...

Японские милитаристы давно зарились на наши дальневосточные земли. Еще в начале двадцатого века Япония отторгла у России южную часть острова Сахалин. Потом японские захватчики пришли на корейскую землю, превратив страну в свою колонию. В 1931 году они напали на Китай и отобрали у него северо-восточные провинции (Маньчжурию), подошли к границам Монгольской Народной Республики и Советского Союза. В 1938 году японцы устраивали военные провокации на нашей земле в районе озера Хасан. А через год напали на братскую Монголию в районе реки Халхин-Гол.

И хотя в 1941 году СССР и Япония договорились, что будут хранить нейтралитет в течение пяти лет, когда началась Великая Отечественная война, империалистическая Япония встала на сторону фашистской Германии и Италии. Она всячески помогала фашистам: вела шпионаж в пользу Германии, держала на Дальнем Востоке, у границ нашей Родины большую армию, что вынуждало нас сохранять там крупные силы, так необходимые для борьбы с фашистами, мешала торговому судоходству. Мы были озабочены безопасностью своей страны на Дальнем Востоке.

Корейский народ почти сорок лет находился под игом японского империализма. Корея была небольшой и отсталой страной, и ей трудно было бороться с таким противником, как Япония: силы были неравные.

8 мая 1945 года фашистская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции, но в районе Тихого океана война еще продолжалась. Советский Союз не мог оставаться равнодушным к бедствиям народов Азии.

В феврале 1945 года в Крыму, в городе Ялте, на конференции глав правительств трех союзных держав — СССР, США и Англии — Советское правительство в ответ на просьбы союзников согласилось выступить против Японии через два-три месяца после того, как кончится война с Германией.

8 августа 1945 года Советский Союз, верный этому обязательству, объявил войну Японии. Советская Армия на следующий день начала освободительный поход в Северно-Восточный Китай и Северную Корею.

Забайкальский (в составе которого были и монгольские соединения), 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Военно-Воздушные силы, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская военная флотилия вступили в бой с Квантунской армией.

Командовал нашими войсками в этой операции прославленный полководец, Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский.

С трех сторон наши войска наносили удар за ударом по неприятелю. И через десять дней, 19 августа, соединившись на Маньчжурской равнине, они окружили группировку Квантунской армии. Японское военное командование было ошеломлено таким молниеносным наступлением советских войск и капитулировало.

Советские воины принесли свободу и корейскому народу. В освобождении Северной Кореи участвовали соединения и части 25-й армии и 1-го Дальневосточного фронта, морская пехота и корабли Тихоокеанского флота. Они освободили корейские порты Унги, Начжин, Нанам и другие. Особенно тяжелые бои шли за порт и город Чхончжин, который был освобожден 16 августа. В конце августа 25-я армия под командованием генерала И. М. Чистякова, приветствуемая жителями, вошла в город Пхеньян. После образования Корейской Народно-Демократической Республики он стал ее столицей.

Советские войска пришли в Северо-Восточный Китай и Корею освободителями, они помогали народам восстанавливать разрушенные войной фабрики и заводы, налаживать хозяйство.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури», который бросил якорь в Токийской бухте, Япония подписала акт о капитуляции. Кончилась вторая мировая война, которая длилась шесть лет. Для народов всего мира наступил мир.

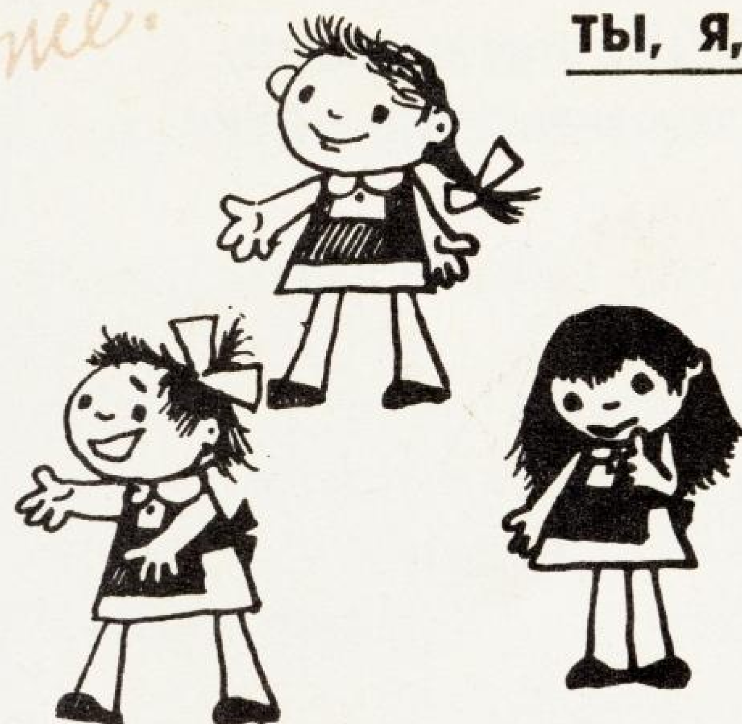
Несколько лет назад я побывал в Корейской Народно-Демократической Республике. В городе Вонсане, недалеко от порта, мы увидели обелиск. На нем были высечены слова: «Здесь покоятся воины Военно-Морского Флота Советского Союза, героически павшие за дело освобождения от японского ига и независимости корейского народа».

По всей стране стоят такие обелиски в память о мужестве советских солдат.

Кто лучше? Кто хуже?

Чтоб мальчишки

Вот уже сколько времени мой стол завален письмами ребят. Это читатели продолжают разговор, начатый «Пионером» в первом номере этого года,— «Мальчишки ушли, девчонки остались». Помните, о чем шла речь? Кто в отряде активнее — девочки или мальчики? Если девочки, то что это: закон природы или неправильная расстановка сил? Почему часто получается, что мальчишки, живые и активные в спорте, в игре, в озорстве,— в работе отряда оказываются в пассиве, в обозе? Не потому ли, что во главе отряда девочка — хорошая, послушная, но слишком тихая и нерешительная для того, чтобы вести за собой такой ершистый, занозистый народ — мальчишек?

Пишу сейчас, и почти каждая фраза оканчивается вопросительным знаком. Вопросы, вопросы. Все не так уж просто.

Вот письмо НАТАШИ ПАЛАГУШКИНОЙ из села Благовещенка, Джамбулского района, Казахской ССР.

Мальчишки любят подраться

«Вы пишете, как трудно быть председателем. Да, я это знаю. Сама до седьмого класса была председателем. Это трудная работа. Теперь у нас председатель Валя Литвиненко. Она смелая, решительная, но одержать победу над нашими мальчишками и ей никак не удается. Мы сколько раз оставались после уроков, думали, как скрепить наш класс. До седьмого мы были все дружными. Но пришел к нам Валера, с первых дней мы поняли, что он разбивает наш класс на две группы, уводит мальчишек. Мы даже просили директора, чтобы Валеру перевели в другой класс. Но у нас ничего не вышло. Никакой дружбы в классе больше нет. Мальчики сказали: «Зачем вы нам нужны, нам и без вас неплохо». Валера увел их в отдельный поход, а нас не взяли. С того дня никакой дружбы. Как нам быть?»

Задразнили

Значит, Валера, этот ужасный человек, рассорил дружный класс? А остальные ребята, что же, позволили ему всех разделить? Разве они не дорожили дружбой?

Пятиклассник из Киева СТАСИК ГОРЕЛОВ отвечает:

«В отряде должно быть равноправие. Нечего делить. Может, у Генки есть талант управлять всем отрядом? Нужно, чтобы не одни девочки принимали участие в делах класса, а хлопцы пускай им помогают».

Видите, до чего девчонки довели человека? Помогать и то не пускают. Он пишет о равноправии не потому, что девочки бесправны, а потому что бесправными оказались мальчики.

Дальше Стасик пытается анализировать недостатки мальчишек и девчонок:

«У мальчишек бывают сдвиги. От нечего делать начинают драться и вытирают всю грязь на полу или носятся друг за другом по коридору. Но и девчонки не очень-то. То орут на весь класс, то носятся, как ошпаренные. Все-таки никто не лучше и никто не хуже. В отряде должно быть равноправие».

Ты, Стасик, совершенно прав: в отряде должно быть равноправие.

Когда думаешь, кого выбирают председателем, звеньевым, то речь идет не о равноправии и никто не собирается доказывать, что мальчики лучше девочек или девочки лучше мальчиков. Зачем такую глупость говорить? Речь шла о том, кому больше свойственно руководить коллективом, командо-

Девочки тоже не очень-то

не ушли

Людмила МАТВЕЕВА

Рисунки Е. ГЛАДИКОВОЙ.

вать ребятами, вести за собой. У кого для этого больше энергии, активности, авторитета. У девочек? У вас так сложилось? А почему, как вы считаете?

ЛЮДА АРТИМОВСКАЯ из Белоруссии считает, что мальчишки — люди безответственные и недисциплинированные. А таким людям нельзя доверять серьезные дела.

Давайте разберемся. Отчего человек становится ответственным, способным делать работу? Может быть, как раз от доверия, от поддержки? Если человека все время ругать, говорить ему, какой он плохой, какой неумелый, какой несуразный,— он таким и будет. И верить в себя не сможет. И все из рук будет валиться.

Многие девочки в своих письмах написали, что мальчишки вообще-то люди хорошие, активные, смелые. А вот их мальчишки, из их класса, те никуда не годятся.

МАРИНА КОБЕЛЕВА И ЖАННА КРАСОЦКАЯ из Ташкента так и пишут:

«Все мальчишки нашего отряда живут своей жизнью, никто ни за кем не идет. Нет ни одного заводилы».

СВЕТА ДУБРОВИНА из Сочи написала:

«Есть у нас в классе мальчишки, которые заботятся только о себе. К счастью, таких немного, и их ненавидит весь класс. Когда я принесла «Пионер» в класс, чтобы моя подруга тоже прочитала тот разговор, который меня очень заинтересовал, к парте подошел один из таких мальчиков, прочитал вслух заголовок «Мальчишки ушли, девчонки остались» и сказал:

— Правильно сделали.

Меня очень возмутили эти слова, и я решила написать вам».

НАДЯ ШЕСТАКОВА из Марийской АССР пишет о своем однокласснике звеньевом Володе:

«Он ничего не делает. Спрашиваю, кто сколько кормушек сделал в его звене? А он не знает. Прошу составить план, он не составляет. Его звено всегда последнее. А вы говорите — мальчишек выбирать».

Нехорошо не выполнять поручения. И обязательно надо знать, что делается в твоем звене. И, конечно, не годится дразнить девчонок. И уж совсем не дело убегать со сборов и держаться в стороне от всех дел. Девчонки как будто правы, когда ругают мальчишек. Ну, а скажите, девочки, хорошо быть довольной только собой? Хорошо считать, что ты во всем и всегда права? И только ты заслуживаешь доверия и уважения, а другие не заслуживают? Хорошо считать, что ты хорошая, а они, мальчишки, плохие?

Не очень-то хорошо.

У мальчишек очень много недостатков, мы не спорим. Но и у девчонок не одни только достоинства. Согласны?

Это что такое?

Вот письмо:

«В прошлом году в нашем классе был председателем мальчик, как вы считаете, заводила. Но с общественной работой не справился. А девочки работают гораздо лучше мальчиков и смелее их».

Смелее? А написали письмо и не захотели подписать ни имени, ни фамилии. Да еще писали печатными буквами, сколько времени потратили, каждую буковку отдельно вырисовывали. Неужели предполагали, что мы приедем к ним в школу и будем по почерку устанавливать, какая из девочек написала нам письмо? Нет, уж если хочешь вести разговор, веди его в открытую. Письмо без подписи всегда неприятно. Как будто человек из-за угла выкрикивает, а показать лицо не решается.

Вот еще одно без подписи. В нем целый список фамилий. Девочка перечисляет мальчишек, которые, по ее мнению, всем мешают, не слушаются председателя, не хотят работать. Их фамилии и имена она присылает в журнал, чтобы мы напечатали про этих нехороших мальчишек и разругали их. А свою фамилию скрыла. Разве это благородный поступок?

Много писем и от мальчишек. Они тоже размышляют, почему так получается, что они, мальчишки, не идут впереди.

Вот что пишет САША БОГАЧЕВ из деревни Калачево, Калининской области:

«Когда в школе нет хоккейной и футбольной команды, мальчишкам будет скучно и не захочется включаться в дела».

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ из города Острова, Псковской области, говорит:

«В отряде девочки не должны быть тихонями — они должны быть смелыми и отважными. Но пусть не стремятся изо всех сил затмить и подавить мальчишек. Я в отряде барабанщик».

Это уже похоже на крик души. Затмить и подавить. Девочки, откровенно скажите: есть такой грех? Только не спешите возражать, что они, мальчишки, сами во всем виноваты. В чем виноваты, в том виноваты. Но бывают, бывают такие сверхактивные девочки, которые всех затолкают, всех раскидают — только быть первой, главной. Активность их направлена не на то, чтобы для всех сделать что-то хорошее, а на то, чтобы себя показать — вот я какая, самая главная, самая изо всех активистка.

Отряду от такой активности никакой радости.

Вы замечали, наверное, когда в отряде нет дружбы и нет интересных общих дел, тогда от скуки люди не знают, куда себя девать, и начинаются нелепости: сплетни, ссоры, дразнилки.

МАРИНА КОРОТКОВА рассказала такую историю:

«Игорь у нас новенький. Он пошел меня провожать, мы стояли в моем подъезде и разговаривали. А один мальчик увидел и всем в классе рассказал. Что тут началось! А еще говорят, что девчонки сплетничают. Мальчишка рассказал! Все стали шушукаться. Кто-то сочинил про нас стихи, а один мальчишка прочитал вслух: «Осторожно Игорь из калитки вышел, постучал в окошко, и Марина вышла». Какая глупость несусветная! А Игорь спокойно говорит: «Между прочим, она живет на втором этаже». Он сказал твердо, и вдруг все успокоились, больше стихов не сочиняли. Не шушукаются».

Вот такое письмо. Есть и еще письма о том, как от скуки люди делают всякие глупости. Один мальчишка хотел показать свою удаль, выпрыгнул из окна, сломал ногу. Нагородили портфели над дверью класса, вошла учительница физики, новенькая, первый урок в жизни. Портфели рухнули вниз, разбили физический прибор, который несла учительница.

Да мало ли вздора, жестокой ерунды приходит в голову, когда она ничем не занята. Безделье, скука — источник многих бед и зол.

Нескольких девочек рассердила фраза в нашем разговоре. «Мужчины любого возраста, даже двенадцатилетние, даже еще моложе, существуют на земле, чтобы быть главными».

Девочки из города Николаева написали: *«Это неправда и никогда не может быть правдой!!! Человек не зависит от своего пола!»*

Зачем же так категорично?! Конечно, человек делами заслуживает уважение других людей и может стать уважаемым независимо от того, мальчик это или девочка, мужчина или женщина. С этим никто не спорит. Разговор о другом. Есть равноправие, с ним тоже все согласны. А есть непонимание своей роли в коллективе, в обществе, если хотите. Слово «женственность» означает что-нибудь? Или оно ничего не значит? Подумайте сами. Еще вопрос. Мальчики в вашем отряде далеко не совершенны, мы верим вам. Кто должен помогать им? Вы, девочки, не должны?

Одна девочка с возмущением спрашивает: *«А почему это мы должны? Хотят быть людьми, пусть сами подтягиваются».*

Вопрос «Почему я должна?» возникает у тех, кто не друг. У друзей, у людей, связанных в целое, такой вопрос не появится. Должна. Потому что тебе нужен этот человек, дорог тебе. Ты не равнодушный наблюдатель, а живой, добрый товарищ, болеющий за другого. Разве достойное дело—торговаться, кто кому должен?

Всем хочется, чтобы был дружным класс и отряд. Валерия К. из Краснодара, Зина Михайлова из Мурманска, Таня Мусейченко из Ростовской области — почти во всех письмах ребята говорят, каким бы хотели видеть свой отряд.

Чтобы был он веселым, боевым, дружным. Чтобы мальчики и девочки ходили в походы и занимались спортом. Все вместе горы сдвигают. И помогут в трудную минуту. И никто не насмешничает, все уважают друг друга. САША ВОРОБЬЕВ написал: *«Чтобы мальчики были мужественными, а девочки это ценили. И тогда мальчики будут еще лучше, собранными будут и отлично себя вести».*

Всем людям на свете нужно понимание. И внимание. И уважение. Нельзя сказать:

«У нас отряд дружный, только мальчики недружные». Значит, отряд недружный. Значит, он раскололся, и не могут девочки считать, что они все делают правильно. Надо, значит, еще раз подумать, как сделать, чтобы девочки остались, а мальчишки не ушли.

ВОПРОСЫ, НА КОТОРЫЕ ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» ХОЧЕТ ПОЛУЧИТЬ ОТВЕТЫ В НАЧАЛЕ УЧЕБНОГО ГОДА

(Подробные. С предложениями и размышлениями. С конкретными примерами из жизни класса, отряда и твоей собственной.)

Вопрос ученикам:

В ЧЕМ ПРИЧИНА твоих троек и двоек?

Вопрос учителям:

В ЧЕМ ПРИЧИНА троек и двоек ваших учеников?

Вопрос родителям:

В ЧЕМ ПРИЧИНА троек и двоек ваших детей?

Вопрос ко всем:

КАК исправить положение?

ЕЩЕ ВОПРОСЫ УЧЕНИКАМ

(просим обдумать ответы на них вместе с товарищами и взрослыми):

КОГДА ты идешь в школу с радостью, а когда тебе не хочется идти в школу?

НА КАКИХ уроках тебе интересно, на каких скучно, почему?

КАКОГО учителя ты любишь больше других, за что?

Во многих пионерских отрядах и дружинах неуспевающих вызывают на сборы, на советы отряда и дружины — обсуждают, ругают, заставляют исправить плохие отметки. Иногда выпускают «молнии», высмеивают в газетах и в передачах школьного радио. Вот и все способы борьбы с двойками и тройками.

Вопрос ученикам:

КАК помогать отстающим?

Вопрос учителям:

КАК помогать отстающим?

Вопрос родителям:

КАК помогать отстающим?

ЕЩЕ ВОПРОСЫ УЧЕНИКАМ

(ответы на них просим обсудить на совете отряда):

ДЕЙСТВУЕТ ЛИ в вашем отряде закон: «Один за всех, все за одного?»

ВСЕГДА ЛИ уверен ты, что тебя поймут твои друзья по отряду и вовремя придут на помощь?

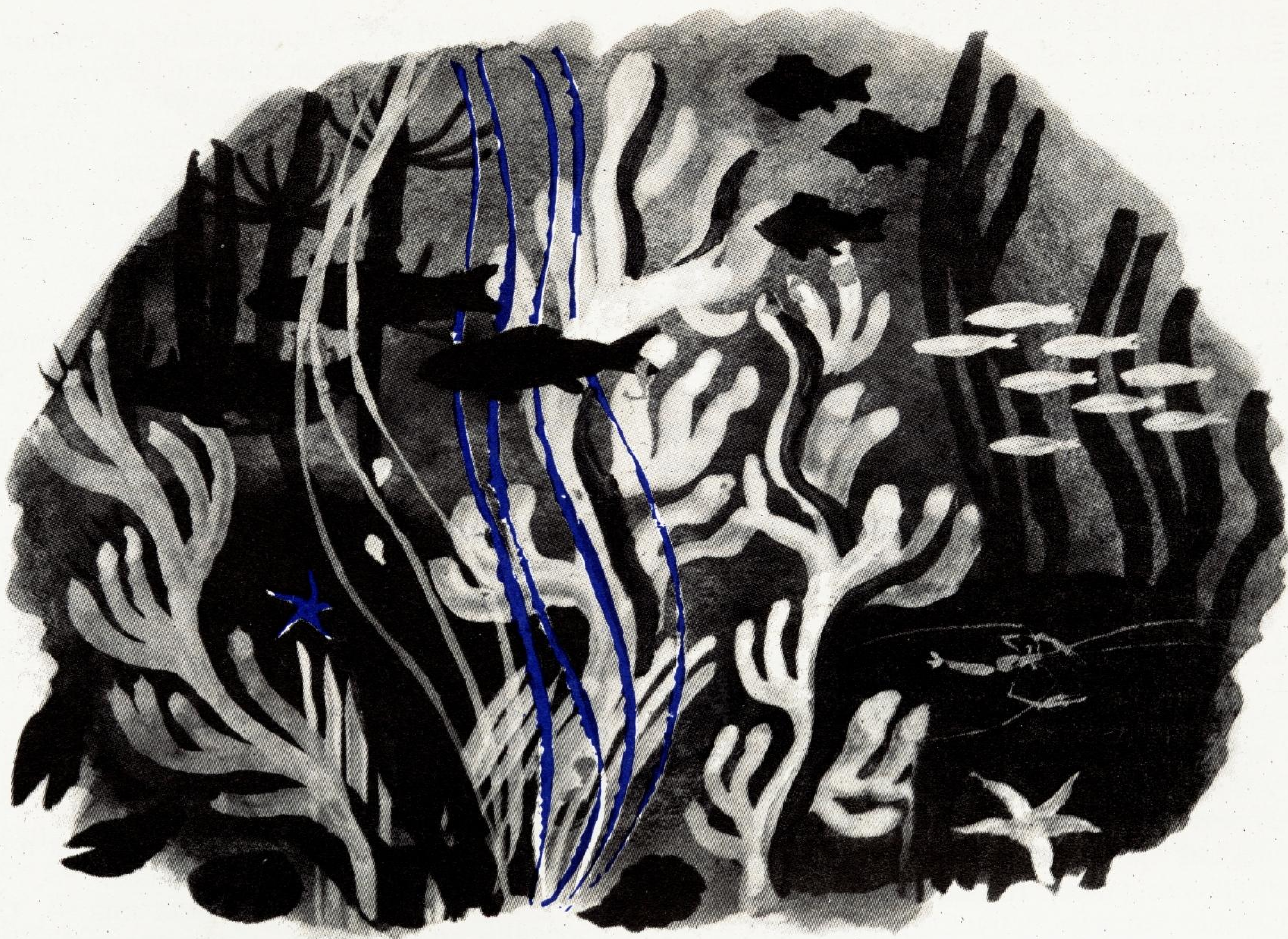
ЧЕМ могут помочь в учебе родители, шефы, старшие товарищи — комсомольцы, пионерские вожатые?

ЗАДАВАЛ ЛИ ТЫ СЕБЕ ЭТИ ВОПРОСЫ РАНЬШЕ?
Когда?
В каких ситуациях?

Надеемся получить ответы быстро! Они нам нужны, чтобы помочь тебе и твоим друзьям в ученье!

Л. ЯХНИН

ШЕСТАЯ БЕЛОМОРСКАЯ

ХРОНИКА ОДНОЙ ШКОЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Окончание. Начало в № 8.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

АЛЕНА

Вот и Данька с Лерой перестали шептаться. Спят, наверное. Все спят. А я не могу, хотя мне надо обязательно выспаться, чтобы завтра не клевать носом.

Шутка сказать, вместо Капитаныча пойду на драгировку. Буду сидеть на кормовом весле, тянуть драгу. Конечно, мне все знакомо. Капитаныч меня считает взрослой. Так и говорит: «Дети и Алена». А для ребят какая я взрослая? Подумаешь, девятый класс! Разве они станут меня слушаться? А на драгировке нужна дисциплинка ой-ой!

Прежде всего распределиться надо. Я — на кормовом. Лера записывает пробы воды, температуру, соленость. Леша с приборами. Данька и Толик на второй паре весел. Когда драгу тянем, Лера и Леша...

Что-то чайки раскричались. Тоскливые у них голоса. Прямо стонут. И почему это чайку считают символом моря? Они злые и суетливые. Яйца у гаг воруют. Недавно я видела, как серебристая чайка унесла в хищном загнутом клю-

ве крохотного гагачонка. А поморы считают чайку предвестницей беды.

Как я завтра со всеми управлюсь? И драгу надо самой тянуть. Ее надо вести по самому дну. Легко сказать! Вести! За камень не зацепись, а то канат не выдержит, драгу утопишь. Долго по дну не веди, потому что илу много набьется в кошель. Слишком рано тоже не вытаскивай — пустая будет. Попробуй угадай! Ты в лодке, а драга на дне.

Капитаныч говорит, что здесь нужна интуиция, которая приходит или не приходит после сотни драгировок. Ему хорошо говорить. Он, может быть, тысячу драгировок за свою жизнь сделал.

Не о том я думаю. Распределиться надо. Значит, Лера на записи. Леша с приборами. Я на драге. Ой, мамочки! Утоплю драгу — позор до конца дней.

Взрослая, называется. А уверенности — ну ни чуточки. Хотя взрослость тут ни при чем. Это характер.

Что же это я? Распределиться надо! Лера и Леша у меня заняты. Драга на мне. Еще и Данька поможет. А грести кто будет? Данька и Лера на первой паре. Когда Лера записывает, ее подменяет Леша или Толик. Но Толик же на второй паре! Совсем запуталась. Была не была! Хватит мучиться. Спать!

Или распределиться? Завтра поздно будет — неразбериха начнется...

— Ду-у! Ду-у! — гудел Толь. Его голос назойливым комаром проникал в спальные мешки.

— Побудка! — кричал Толь. — Завтрак готов. Стынет утренняя кашка!

Мансарда молчала. Толь попытался потрясти спальные мешки, но они мычали и брыкались. Толь отошел к двери, скрестил руки на груди.

— Спите, спите, голубчики, — сказал он, — на драгировочку без завтрака отправитесь.

Его сапоги загромыхали по лестнице. Тут же все мешки, как по команде, сложились пополам и приняли сидячее положение. Из них высунулись всклокоченные головы.

— Ушел? — спросил Данька.

— Вот теперь поспим! — сказала Лера.

Но Данька уже выпростал ноги из мешка и стал натягивать свитер.

Толик сидел с закрытыми глазами, додремывая. Алена крепко зажмурилась и потрясла головой, чтобы прогнать сон. А Данька уже бегал, размахивая полотенцем.

— Кто со мной на ру́чей? — Он произносил «ру́чей» с ударением на первом слоге. Так, по утверждению Славки, говорили поморы.

К ручью, единственному источнику пресной воды на острове, ходили обычно два раза в день. Утром на умывание и днем за водой для кухни.

До ручья шли долго. Сначала вдоль губы по плотной илистой кромке берега, открытого отливом. Потом лесом, среди торфяных кочек, сплошь укрытых черничными кустиками и кое-где торчащими стебельками желтой морошки. И, наконец, по узким деревянным мосткам, проложенным на болоте, на зыбком сплетении травяных корней. Шли, поеживаясь от утренней свежести и от еще не сброшенного сна. Обратно неслись вперегонки с гиканьем и визгом.

— Данька, подожди, я с тобой, — сказала Лера.

— Ну, скорей, старушка, вытряхивай кости из мешка. Я внизу подожду! — крикнул Данька.

Он обмотал полотенце вокруг шеи и, пригнувшись, шагнул наружу сквозь низкий проем двери.

Матовый ровный блеск пустынного моря на мгновение ослепил его. Потом проявились, словно пропечатались на серебристом слое фотобумаги, сиреневые очертания островов, высветленная солнцем полоса на воде, округлые макушки валунов, увенчанные продолговатыми телами стоящих на них чаек.

Данька спустился вниз и сел на нижнюю перекладину отвесной лестницы.

— Посторонись! — крикнула Лера и сбежала по ступенькам, балансируя руками.

— Ни ветерка! — сказала она. — Ох и поработаем мы сегодня — все дно морское обшарим! Пять драгировочек, считай, в кармане.

Они шли по литорали — широкой влажной полосе отлива, усеянной бурыми валиками водорослей и гроздьями раковин мидий. Со стеклянным хрустом крошились под ногами пустые створки раковин. Красноклювые кулички-сороки перескакивали с валуна на валун, опережая их на несколько шагов.

— Смотри, — сказала Лера, — кулички любопытствуют, о чем это мы говорим.

— А мы с тобой молчим, как медузы, — засмеялся Данька.

Лера нагнулась, подняла смытую волной раковину мидии с белым известковым наростом, похожим на крохотную башню старинного русского города. Подержала ее на раскрытой ладони.

— Это верно, — сказала она, — мы друг друга тыщу лет знаем. Все говорено-переговорено.

— Может, следующую тысячу обсудим?

— Какую тысячу? — не поняла Лера.

— Ту, что нам предстоит прожить.

Лера остановилась, искоса посмотрела на Даньку. И он вдруг увидел, что глаза ее с твердым зеленым ободком и тонкими зелеными лучиками, идущими к зрачку, похожи на маленькие велосипедные колеса. Он хотел оповестить Леру об этом своем открытии, но вдруг смутился и поспешно отвернулся. А Лера громко рассмеялась.

— Ты чего? — растерянно спросил Данька.

— Я представила нас с тобой тысячелетними стариками!

— Твои глаза похожи на маленькие колеса со спицами, — неожиданно для себя сказал Данька.

— Ты тоже заметил? — обрадовалась Лера.

— А кто еще? — спросил Данька, неприятно удивленный этим «тоже».

— Я, — просто ответила Лера, — давно, в детстве. И придумала, что это моя колесница счастья. Правда же, счастье видеть все, что творится на белом свете? Вот море. У берега оно прозрачное и ломкое, как ледок. А там, у дальних островов, тяжелое, гранитное. Вон скрюченная сосна, похожая на бабу-ягу. А эти смешные кулички-сороки в черных шапочках играют с волной. Смотри, захлестнет волна камень — куличок подпрыгнет, стечет вода — он снова на камне стоит. Прыг-скок, прыг-скок, как девчонка через веревочку.

Она помолчала, подбросила на ладони ракушку и тихо добавила:

— Только ты не смейся и никому не рассказывай. Ладно?

— Дай-ка посмотреть ракушку, — сказал Данька.

Он взял из Лериной руки черную скорлупку, устланную с изнанки радужным слоем перламутра, словно подбитую тонкой шелковой подкладкой. Из башни-нароста неожиданно высунулись две прозрачные белесоватые метелки, и тут же прыснул вверх фонтанчик воды.

— Морской желудь, — сказал Данька, — Утеха туристов.

— Ой, верно! — сказала Лера. — Надо прихватить домой несколько штук. На подарки.

— Лера, — сказал Данька, — я-то никому не стану говорить про твои... ну в общем, про колесницу. Но ведь и без меня могут заметить, так что ты тогда не думай, будто это я разболтал.

— Не подумаю. Только до сих пор никто не замечал. Кроме тебя.

— Лера, — сказал Данька, — ты не обижайся на мои шутки, хорошо? А если тебе неприятно...

— Что ты, Данька, — перебила его Лера, — у тебя всегда смешно получается и не обидно. Разве что иногда, чуть-чуть. И потом я понимаю: у тебя характер такой.

— Правильно, — сказал Данька и тяжело вздохнул, — характер. Я иногда сам не пойму, как из меня выскакивают всякие шуточки. Смотри, Толь к нам скачет.

Лера оглянулась и увидела Толя. Он несся огромными шагами, перепрыгивая через валуны и оставляя позади себя цепочку быстро наполняющихся водой следов. Крохотная пуночка — «северный воробей», — суетливо перебирая ножками, отбежала в сторону и подозрительно посмотрела на Толя.

— Эй, Данька, Лера! — кричал Толь, размахивая руками. — Капитаныч велел вас найти. Все завтракают. На драгировку опаздываете. Умоетесь в кухне.

— Эх, будет нам разносик! — сказала Лера.

Данька взъерошил волосы и голосом Капитаныча зарокотал:

— Работать сюда приехали, а не умываться!

БОРТЖУРНАЛ

Тяжела ты, доля дежурного! Капитаныч поднял меня в пять утра. А я, благородная душа, Славку решил не будить, пока не натаскаю воды с ручья и не вскипячу оба ведра — для чая и для каши.

Каково же было мое удивление, когда я застал ее за растопкой печи! Оказывается, Славка тоже благородная душа.

Мы быстро приготовили завтрак. Оставалась самая неприятная обязанность — будить всю команду. Справился я с ней блестяще. Меня даже не побили.

После завтрака был оглашен приказ. Вот он:

ПРИКАЗ № 18

О. Кряжов, год шестой.

В соответствии с планом работ по изучению видового состава Белого моря приказываю:

1. Алене, Даньке, Лере, Толику и Леше выйти в море на борту «Бокоплава» для проведения драгировок в районе банки Урастериас.

2. Судном командует Алена. Знак ее власти — кормовое весло. Все ее приказы выполняются немедленно и без обсуждений.

3. Выход в Большую и Малую салмы, то есть в отдаленные от острова проливы, запрещается. Фарватер «Бокоплава» прокладывается только в пределах видимости с северной оконечности острова.

4. При выходе в море поднять на мачте голубой вымпел с белой полосой в знак принадлежности «Бокоплава» к славному флоту гидробиологических судов Советского Союза.

На мачте «Бокоплава» подняли голубой вымпел с белой полосой.

«Бокоплав» ни при каких обстоятельствах не спускает свой флаг!

После такого приказа оставалось только отсалютовать славному судну мощным залпом береговых батарей, а провожающим, то есть мне и Славке, утирать платочками слезы разлуки. Но ничего подобного не было. Вместо орудий гремел на берегу голос Антона Капитоныча, а слезы, по-моему, утирали уходящие в море: Данька, ответственный за аварийный запас пищи, чуть не забыл про хлеб и тушенку. А Леша впопыхах порвал шпагат лота.

«Бокоплав» отчалил и быстро пошел из губы. Рабочий день начался. Антон Капитоныч засел за проверку вчерашних фиксаций, а мы со Славкой глубоко задумались: предстояло сочинить обед.

Толь.

Алена сидела на корме и вполголоса командовала:

— И-и р-раз! И-и р-раз! Данька, табань. Толик, не части. И-и р-раз!

Надо было отойти красиво, держа нос на волне, чтобы Капитаныч потом не сказал: «Гребли, как похлебку ложками черпали». И-и раз! И-и раз! Четыре весла взлетали почти одновременно.

Треугольный лоскут моря, вырезанный изгибами острова, лежал подобно опрокинутому парусу. Мелкая рябь покрывала его холстинную поверхность. Легким утюжком скользил «Бокоплав», оставляя за собой на воде гладкую полосу. Его отражение, дробясь, проваливалось в многослойную глубину моря.

— Парус поставим? — спросил Леша.

— Рано, — сказала Алена, — выйдем из губы, развернемся по ветру, а там под парусом до самой банки Урастериас.

— Ребята, объясните мне, пожалуйста, что это за такая банка Урастериас? — спросила Лера. — Я смотрела в лоции, там ее нет.

— Неужто не знаешь, Лерочка? — оживился Данька. — Обыкновенная банка со звездами. Urasterias. Ее Алена еще в прошлом году в море обронила.

— А теперь мы должны ее выловить, — подхватил Толик.

Алена улыбнулась, но тут же спохватилась, что она сегодня сидит на кормовом весле, и строго скомандовала:

— Левый борт, выгребай сильней! И-и р-раз! Банка — это приподнятый участок морского дна. Капитаныч в прошлую экспедицию это место открыл рядом с Бараньими лбами. Там действительно много морских звезд.

Нос «Бокоплава» ухал по волнам. Тугие пласты коричневой воды, словно земля под плугом, отваливались от борта. По учащенному ритму волн можно было понять, что уже вышли из спокойной губы. Вдали покачивался Лосиный остров. Вдоль берегов его неровной цепочкой тянулась корга — россыпь еще не скрытых приливом черных валунов. Алена вынула из кармана куртки медный корабельный компас — гордость экспедиции — и принялась высчитывать, часто поглядывая на зубчатый лесистый силуэт Лосиного.

Данька резко вырывал из воды тяжелое весло, стараясь пронести его совсем низко над волной и не срезать ее острой верхушки. Он налегал на весло, откидывался назад и ненароком, краем глаза видел профиль Леры. Она натянула на голову белую полотняную кепочку, убрала под нее волосы, гребла старательно, глядя вперед.

Интересно, куда она сейчас укатила на своей колеснице счастья? Данька посмотрел на море. Какое оно? На что похоже? «На измятую рубашку, — усмехнулся Данька. — Да, на моей колеснице далеко не уедешь».

— Алена, парус пора ставить, — снова сказал Леша, — чего зря мозоли натирать, по ветру идем.

Алена аккуратно завинтила крышку компаса.

— Первая пара, весла по борту. Вторая пара, подгребать на ветер! — скомандовала она.

Данька и Лера вынули из воды весла.

— Поставить парус, — продолжала Алена, — Данька, Данька, шкоты не запутай! Нижние давай мне, верхние укрепим по бортам.

Тяжелое полотнище четырехугольного паруса рвануло ветром. «Бокоплав» круто осел на левый борт.

— Алена, меняй галс! — завопил Толик.

Алена сидела на корме, как кучер на облучке. В руках она крепко зажала шкоты — трепещущие нейлоновые шпагаты, прикрепленные к нижней рее паруса.

Она потянула левый шкот на себя. Тугая, словно затвердевшая на ветру скоба паруса перекинулась по другую сторону мачты. «Бокоплав» выровнялся на воде, будто послушная лошадка, и рванулся вперед. Слышно было, как вода струится под килем, с легким шелестом закручиваясь за кормой в узкую пенистую косу.

Алена навалилась на кормовое весло. Она держала направление на восточную оконечность Лосиного острова — там начиналась банка Урастериас.

— Приготовиться к драгировке, — сказала Алена. — Толик, за тобой лот. Леша бросает опрокидывающийся термометр. Лера готовит этикетки и пишет данные. Мы с Данькой на драге.

Все приборы самодельные. Где достанешь настоящее оборудование? К тому же и стоит оно недешево. Работают в заповеднике по договору, да только заработанных за лето денег на все не хватит. Леша — молодец: все приборы сам, своими руками сделал.

Вот, например, батометр. Им берут пробы воды на разных глубинах для определения солености. Леша заткнул бутыль пробкой, а пробку прикрепил к шпагату сложной системой проволочек. Отмечаешь по шпагату глубину и резко дергаешь. Пробка выскакивает, бутыль наполняется водой. Теперь тяни ее на борт, проба готова.

Но самая большая гордость его — опрокидывающийся термометр для измерения температуры придонного слоя. Простым термометром точно не измеришь — пока тянешь его вверх, ртуть обязательно подскочит на один-два градуса: у поверхности-то вода теплее!

Лешин термометр похож на настольную лампу с абажуром. Опускаешь его в воду — под «абажуром» стоит пузырь воздуха. Ударился термометр о дно, перевернулся, и в «абажур» набралась вода самого холодного, придонного слоя. Термометр окунулся в нее и до самой поверхности не успевает нагреться. А пузырь воздуха несется вверх, будто медуза. Выскакивает из воды и взрывается. Это сигнал: пора тянуть термометр.

— Спустить парус, — сказала Алена. — Банка Урастериас. Весла на воду. Толик, лот! Данька и Лера, на весла! Держать «Бокоплав» на месте!

Она сама удивилась, какие точные команды у нее получаются. Толик опустил за борт медную гирьку лота и завертел в руках катушку, разматывая бечеву.

— Глубина десять метров, — крикнул он, — Лерка, давай сменю на веслах! Иди записывай данные.

А Леша уже вытягивал на поверхность батометр, переливал из него воду в бутылки для проб.

«Пошла работа!» — весело подумала Алена.

«Бокоплав» начало немного сносить. Толик и Данька лихорадочно заработали веслами. Полетели брызги. Лодка, виляя носом то вправо, то влево, с трудом удерживалась на месте. Пошел на дно опрокидывающийся термометр. Эту работу Леша никому не может доверить.

— Ребята, осторожней! — кричал Леша. — Данька, порвешь веслом шпагат — термометр упустим, Толик, табань! Данька, подгреби немного. Готово!

Он с силой дернул шпагат и припал к борту.

— Пузырь! Тяни, Леша, тяни! — закричала Лера.

Леша, ловко перебирая руками шпагат, поднял на поверхность термометр. В «абажуре» плескалась вода.

— Записывай, Лера, — сказал он. — Придонная температура — семь с половиной градусов.

— Леша, Лера, на весла! Бросаю драгу, — сказала Алена.

Она с трудом перевалила за корму драгу с привязанным к ней камнем — грузом. И начала отпускать канат.

— Теперь внимание, — сказала она, — грести точно по команде. Подниму левую руку — гребет сильнее левая пара, правую руку — поднажать правому борту. Драгу надо вести точно по оси лодки. Начали! И-раз! И-раз!

Драга легла на дно, и все сразу это почувствовали: лодка, словно заякоренная, пошла туго. Канат натянулся. Алена, упершись коленями в корму, изо всех сил тянула канат на себя. Она ощущала по его натяжению, как драга медленно ползет по дну, набивая свою широкую пасть водорослями, илом, моллюсками.

«Только бы не села, только бы не зацепилась, — думала Алена, — метров десять — пятнадцать протянуть и хорошо. И можно вытаскивать».

Корма медленно развернулась влево. Алена выкинула в сторону правую руку, и Данька с Лешей — правая пара — навалились на весла. Так навалились, что корма теперь рванулась вправо. Алена подняла левую руку. И пошло! Вправо — влево. Вправо — влево. Лодка виляла на воде, словно рыбий хвост. Алена с трудом удерживала канат.

— Алена, помочь? — спросил Данька.

— Греби, каторжник, — сердито выдохнула Алена.

— Сама же распределила меня на драгу, — обиделся Данька.

— И-раз! И-раз! — сказала Алена. — Разговорчики!

Она знала: если сейчас хоть на миг потерять ритм, лодку занесет в сторону, начнет бить волной в борт — и прощай, драгировка! — драга сядет, зароется в ил. Не вытянешь. Алена из последних сил удерживала канат.

— Еще, ребята, еще метров пять, — шептала она. — Ну, еще, еще... И-раз! И-раз! Левая, табань! Данька, бросай весло, помоги вытаскивать!

Данька с готовностью ринулся на корму, на ходу надевая брезентовые рукавицы.

Канат крупными кольцами ложился на дно лодки. Алена и Данька, красные от натуги, тащили его и тащили. Они были похожи сейчас на рыбаков, тянущих сеть, полную рыбы.

— Расстилай клеенку! — крикнула Алена. Драга показалась над кормой. С ее сетчатого мешка, набитого бурыми от ила водорослями, струилась вода. На расстеленную клеенку вытряхнули все содержимое драги. Ребята побросали весла, наклонились над клеенкой, стукаясь головами.

По ломким клеенчатым складкам стекали струйки воды. В середине возвышалась гора перепутанных водорослей с гирляндами мидий. Неподвижно застыли быстро тускнеющие на воздухе оранжевые морские звезды. Извивались нитяные щупальца офиур. В небольшой лужице на изломе клеенки застыла, пошевеливая усиками, маленькая, величиной с кузнечика, креветка.

— Лера, — сказала Алена, — возьми на корме банки, набери морской воды и раскладывайте зверей, пока они еще живы.

Толь безнадежно смотрел на мешочки с рисом, вермишелью, мукой. Сшитые из разноцветного ситца, они стояли на полках под навесом, прислонясь один к другому пухлыми боками. И будто бы даже покачивали головами, приговаривая: «Что же ты, милый, и супа сварить не можешь?».

На раскаленной плите булькала вскипевшая в ведрах вода.

— Чем суп заправлять будем? — спросил Толь. — Может, концентратами? Рецепт я знаю: семь пакетиков на ведро.

— Надоели концентраты, — сказала Славка. — Сейчас бы трески наловить. Дед мой знаешь как тресочку томленую делает? Треска — рыба сочная, ей и масла не надо: в своем соку томится. Поначалу дед печень тресковую раскладывает на донышке сковородки, чтобы все сплошь покрывала. Потом рыбу. Плотно кладет, рядком. На огонь сковородочку ставит — и все. Сиди, жди, пока она под крышкой побулькивает. А пар во все стороны струйками так и прыскает.

— Хорошо, — мечтательно сказал Толь.

Подошел Капитаныч. Он зачерпнул кружкой холодной воды из бачка, выпил залпом. Поставил кружку, подошел к кипящему ведру, принюхался.

— Не чувствую ароматного запаха супа, — сказал он.

— Сочиняем.

— Долгонько. А я хотел, чтобы вы помогли мне. Много у нас банок с зафиксированными пробами накопилось. Хорошо бы все проверить еще раз и упаковать в ящики.

Капитаныч подошел к полкам с продуктами, вынул из картонной коробки пакетик «Супа грибного с вермишелью».

— А такого не хотите сварить? Вкусно и быстро. Я, например, съел бы с удовольствием.

— Можно, — обрадовался Толь. — Пятиминутное дело.

— И рецепт простой: семь пакетиков на ведро, — засмеялась Славка.

— Валяйте, — сказал Капитаныч. — Жду вас в лаборатории.

Через полчаса в лабораторию пришел Толь.

— А Славка где? — спросил Капитаныч.

— Компот варит. Сейчас явится.

— Пока начнем. Я буду смотреть качество фиксации, проверять этикетки. А ты упаковывай.

На столе перед Капитанычем стояли широкогорлые банки с аккуратно вставленными в них пучками пробирок. Некоторые пробирки, плотно заткнутые ватными тампонами, рядами торчали в гнездах деревянных подставок, словно шеренги игрушечных солдатиков. Капитаныч рассматривал пробирки на свет, читал надписи на этикетках, что-то записывал в блокнот.

— Еще одна-две экспедиции, и мы сможем написать монографию, — сказал он. — «Бентос Белого моря». Звучит?

— Звучит, — сказал Толь, — а можно так: «Жизнь морского дна». Тоже звучит.

— А что? Соберем материалы за все Беломорские — от первой до последней. Серьезная книга может получиться. Работы у нас добротные. Пробы...

Капитаныч вдруг замолчал. Толь поднял голову и увидел, что он вертит в руках большую банку с водорослями.

— Пробы у нас, хотел я сказать... — медленно продолжал Капитаныч.

Неожиданно он резко поставил банку на стол, отвинтил крышку, снял прокладку и двумя пальцами осторожно вытащил промокшую в формалине этикетку.

— Та-ак, — протянул он, — Толь, все, что упаковано, вытаскивай обратно. Придется проверять еще раз. Внимательнее.

— Что случилось-то? — спросил Толь.

— Случилось самое неприятное. Я обнаружил недобросовестную работу.

— Чью?

— На этикетке Лешино имя.

В лабораторию вбежала Славка.

— Ох и компот получился! — крикнула она с порога.

— У нас тут свой компот, — мрачно сострил Толь.

Капитаныч отставил вскрытую банку в сторону, придвинул к себе уже просмотренные пробирки. Славка дернула Толя за рукав.

— Что это он?

— Леша схалтурил в разборке дночерпаний, — тоже шепотом ответил Толь.

— И как же теперь?

Толь пожал плечами. Он присел на корточки и молча стал вынимать из ящика только что вставленные туда банки.

Волны ударялись о нос «Бокоплава», и тогда высоко вверх взметались узкие фонтанчики брызг.

Лодку кидало с борта на борт. Грести становилось все труднее. Весла то зарывались глубоко в воду, то летели по воздуху.

— Возвращаемся, — сказала Алена. — Шторм начнется.

— С одной драгировочкой вернемся? — сказал Данька. — Волны испугались? Струсили? Так?

— По такой волне драгировать невозможно. Драгу посадим, — сказала Алена.

— Переждем, — сказал Данька.

— И правда, Алена, — сказала Лера, — переждем где-нибудь на острове, море успокоится, и еще две-три драгировки сделаем.

— Хлеб и тушенка у нас есть — с голоду не помрем, — подхватил Толик.

Алена заколебалась. Ей и самой не очень хотелось возвращаться почти с пустыми руками из первого самостоятельного выхода в море. Но она командир, отвечает за работу, за ребят, за «Бокоплав»...

...А вдруг ветер спадет, и через час можно будет снова забросить драгу?

— Сейчас и к берегу-то не пристанешь, — сказала она с сомнением, — ударит о камни.

Данька почувствовал, что Алена сдается.

— С подветренной стороны зайдем, — сказал он. — Давай на Лосиный. Он ближе всех, и бухточки там есть.

— Ты, Данька, не командуй, — сказала Алена. — Кто на кормовом — я или ты? Правая, табань. Левая, поднажми! Держать на Лосиный.

Прилив быстро гнал воду. Каждая волна разливалась на шаг дальше предыдущей.

Лосиный — остров небольшой. На нем даже лесника не держат. Но легкий шалашик поставлен: приезжают иногда сюда сотрудники заповедника на полдня, на день, а то и с ночевкой.

«Бокоплав» удалось заякорить под прикрытием больших валунов. Волна сюда добегала сильно ослабевшей и лишь покачивала лодку.

Банки с водорослями и моллюсками, добытыми в первой драгировке, Лера взяла с собой. Леша прихватил опрокидывающийся термометр.

— Оставь в лодке, — сказала Алена.

А Леша что-то буркнул в ответ, но с термометром не расстался.

— Ребята, а помните, как нас послали на Лосиный в помощь Аптекарю гагачьи выводки считать? — сказала Лера.

— А черника тогда еще не поспела. Не то, что сейчас, — сказал Толик, отправляя в рот горсть покрытых сизым налетом ягод.

— И Аптекарь нам тогда еще казался строгим до невозможности, — в тон ему сказал Данька.

— Конечно, Лерка у каждого гнезда ахала: «Ах, какие миленькие птенчики!» А птенчики эти обмирали со страху, — засмеялся Леша.

— Вспомни лучше, Леша, какие ты силки изобрел, — сказал Данька. — В них не только птицы, Аптекарь однажды попался.

— Странно, — сказала Лера, — всего-то полтора месяца мы здесь, а кажется, будто всю жизнь.

— А ты хотела бы всю жизнь? — спросила Алена.

— Конечно.

— Нет, я бы не смог, — сказал Данька. — Вот Аптекарь — молодец! Поехал сюда от библиотеки, от университета, от научной атмосферы...

— Как красиво заговорил: «Научная атмосфера», — передразнила Лера. — Биолог просто обязан быть вместе с природой. Вот его атмосфера. Био-логия — это наука о жизни. О водорослях, о жучках Аптекаря, о деревьях. Каждая травинка, каждое дерево — это живое существо. Кто-то мучает кошку, ему говорят: «Фу, бяка!», а сами потом идут и выламывают из орешника удилище подлинней. Мучить животное и ломать дерево — одно и то же... Это называется варварством!

Данька изумленно смотрел на Леру.

— Лерочка, — сказал он, — не агитируй меня! Но ведь есть ученые-практики, а существу-

ют еще и кабинетные ученые. И это вовсе не обидно быть кабинетным ученым. Помнишь байку про Ньютона? Для того, чтобы открыть закон всемирного тяготения, ему не нужно было носиться по всему земному шару и подпрыгивать в каждой его точке. Ему хватило одного-единственного яблока, упавшего на голову в собственном саду. Уметь сопоставить факты, найти закономерность, сделать выводы — вот что главное в науке.

— Ты, значит, считаешь, что биологу не обязательно знать природу, любить, чувствовать ее? — спросила Лера.

— Знать и чувствовать — разные вещи. И вообще это все — эмоции.

— А ты видел, как орнитологи подсчитывают птиц на острове? По голосам! Идут по маршруту и слушают. И точно определяют, какие птицы и сколько их.

— Ну и что?

— А то, что биолог, для которого природа только предмет для изучения, — не биолог, а... а, — Лера замолчала, подбирая сравнение, — а синий помидор! Вот!

Данька расхохотался:

— Лера, а чернику можно есть? Она тоже живая.

— Разрешаю, — засмеялась Лера. — Чур, вон та кочка моя!

Когда они появились у шалаша, все уже сидели на плоских замшелых камнях.

Ветер усиливался. Он гудел не в верхушках сосен, а низко, между стволов. Деревья упруго раскачивались и скрипели. Море словно задыхалось в порывах ветра, и неровные удары волн о прибрежные валуны сменялись угрожающим шипением вспененной воды.

— Зря я тебя послушалась, Данька, — сказала Алена, — правильно Славка говорит: «Умный-думный, да неразумный». — И добавила: — Пошел бы ты, умник, глянул, как там «Бокоплав».

— Есть, капитан! — сказал Данька и побежал к морю.

Два часа кряду Капитаныч, Толь и Славка пересматривали пробы, рылись в полевых дневниках, разыскивая старые записи. Капитаныч был неумолим. Заставлял читать ему вслух этикетки, заново определять виды некоторых уже давно зафиксированных моллюсков, просматривать таблицы драгировок и дночерпаний, вклеенные в бортжурнал.

Постепенно Толь и Славка даже увлеклись этой работой. Они показывали друг другу интересные экземпляры, вспоминали самые удачные драгировки.

— Помнишь, как мы первую драгу со дна подняли? — спросил Толь. — Вывернули ее на клеенку и давай плясать. Чуть «Бокоплав» не потопили. А хорошо бы сейчас июнь был! Во всем разобрались, теперь бы и начинать работать.

— Хочешь ягод дважды на год, — сказала Славка.

— Толь, — сказал Капитаныч, глядя на часы, — сбегай посмотреть, не идет ли «Бокоплав». Пора им возвращаться.

Толь вышел из лаборатории, спустился к морю. Волны прилива уже почти скрыли илистую литораль, подкатывали к прибрежным зарослям тростника, и пенистые брызги ударялись о его сабельные стебли. У горизонта море горбилось. Далекие острова то появлялись, то почти скрывались за острыми верхушками волн. Толь постоял, поглядывая из-под ладони в море, вернулся в лабораторию.

— Не видно, — сказал он, — и ветер поднялся.

Славка выглянула в окно.

— Гуляет море, — сказала она, — а ветер низовой. По такой волне на веслах все руки оттянешь.

— Аптекарь не уехал? — спросил Капитаныч.

— Сейчас узнаю, — сказал Толь, бросаясь к выходу.

— Стой! Я сам пойду.

Аптекарь был занят своей коллекцией жуков, наколотых на пенопластовые пробочки. Он разглядывал их в большую лупу и что-то записывал в тетрадь.

— Этот экземпляр мне попался в прошлом году на Большом Гальмуке. Обычный короед, полоса распространения ограничена средними широтами. И вдруг здесь, в Заполярье! Странно, — сказал Аптекарь, не оборачиваясь.

— Кеша, — сказал Капитаныч, — я бы хотел воспользоваться вашей моторкой. На час, не больше.

— Пожалуйста, — сказал Аптекарь. — Только волна сейчас нехорошая. Не стоит выходить. А вам зачем?

— Дети мои в море на «Бокоплаве». А при

Капитаныч вертел в руках большую банку с водорослями.

такой погоде — как ты сказала, Славка, — на веслах руки оторвешь?

— Оттянешь, — поправила Славка.

— Вот именно. Спасибо, Кеша, — сказал Капитаныч и вышел.

— Будет Леше разнос, — сказал Толик.

— За что? — спросил Аптекарь.

— Схалтурил, — сказала Славка.

Аптекарь отложил в сторону лупу, повернулся всем телом к ребятам.

— Ну-ка, ну-ка выкладывайте!

Когда они вышли, Капитаныч, подняв отвороты бахил, по колено в воде возился у моторки.

— Совсем забыл, — сказал Аптекарь. — Я на лудах силки поставил. Надо бы проверить, может, птицы попались. Окольцую и сетки сниму, а то как бы ветром их не порвало.

— Поехали, — сказал Капитаныч.

— Стоит ли вдвоем? Мне все равно ехать, так уж и ребят заодно прибуксирую. Где они?

— У Лосиного. На банке Урастериас.

Аптекарь впрыгнул в лодку. Стоя на носу, он пытался оттолкнуться багром от прибрежных валунов. Но сладить с волной было нелегко. Прилив быстро гнал воду. Каждая волна разливалась по берегу на шаг дальше предыдущей. Моторку разворачивало боком, а запускать мотор на мелководье было опасно — можно покалечить лопасти о каменистое дно. Славка и Толь навалились на корму лодки. Она медленно пошла от берега. Аптекарь кинул багор на дно лодки, запустил мотор. Легкий дымок выбился из-под кормы и, сбитый волной, рассеялся в воздухе. Моторка зашлепала носом по волнам, оставляя за собой бурун вспененной воды.

— Поехал! — сказал Толь и подмигнул Славке.

— Перемигиваетесь? — спросил Капитаныч. — Перехитрили, защитника нашли, да? Друга выручаете?

Он махнул рукой и пошел к лаборатории. Славка и Толь нагнали его, забежали вперед, заглядывая в лицо.

— Антон Капитоныч, — сказала Славка, — не сердитесь. Леша больше не будет.

— А пробу повторим и все тут, — добавил Толь.

Капитаныч остановился, обнял Славку и Толя за плечи.

— Ничего вы, ребята, не поняли, — сказал он. — Не в Леше дело и не в этой злосчастной пробе. Мы же настоящей работой занимаемся. Получит заповедник наш отчет, включит его в свои исследования. И станет маленькая халтура, как ржавчина, расползаться! — Он остановился, помолчал, потом добавил: — Все. Хватит! Я думаю, что Леша не меньше нас всех дорожит честью Шестой Беломорской. Кстати, честь и честность — слова одного корня.

— Ясно, — сказала Славка. — Впрямь долбил Данило, да вкось пошло долбило.

Алена лежала, закинув руки за голову, и смотрела в небо. Верхушки сосен над ней сомкнулись широким конусом. Казалось, что красноватые стволы медленно поворачиваются, кружатся, словно сказочные великаны, положив руки друг другу на плечи, топчутся в неуклюжем танце.

— А-а-а, — услышала Алена и, приподняв голову, насторожилась.

— Э-эй! — донеслось снова.

— Данька! — воскликнула Лера и вскочила на ноги.

— Сюда-а-а! — уже явственно долетел до них Данькин голос. Лера сорвалась с места, за ней бросились остальные.

Данька стоял по пояс в воде, всем телом упираясь в борт «Бокоплава». «Бокоплав» швыряло на валуны, а Данька, скользя ногами по склизистым подводным камням, пытался удержать его.

Железная кошка-якорь была закинута в лодку, и в воду свисала только петля каната.

— Данька, ты зачем его с якоря снял? — крикнула Алена, подбегая.

— О камни мочалило. Отвести хотел. Ну помогите же!

Леша с ходу прыгнул в мокрые шевелящиеся водоросли. Вода залилась в сапоги. Показалась ледяной. Леша попытался нащупать носком сапога камень, нога ступила в пустоту, и он сразу окунулся по грудь.

— Семь и пять десятых градуса, — крикнул Леша, — сам замерял.

— Держи лодку, — сказал Данька, — а я потащу за канат. Лерка! Тебя тут не хватало! Не лезь.

Но Лера уже стояла в воде, держась за корму «Бокоплава». За ней ринулся Толик.

«Бокоплав» медленно, словно нехотя, отвалил от камней. Волны заплескивали через борт. На дне лодки вода стояла узкой черной лужицей. В ней плавал, постепенно намокая, Лерин полевой дневник — маленький красный блокнотик.

— Ой, записи намокнут! — испугалась Лера.

Она перегнулась через корму, пытаясь дотянуться до блокнотика, но как раз в этот момент Данька всем телом навалился на канат. «Бокоплав» дернулся, Лера не удержалась и плашмя плюхнулась в воду.

Еще три драгировочки сделаем!

— А-ах! — услышал Данька, оглянулся и увидел испуганные Лерины глаза. Данька, забыв отпустить канат, рванулся к ней. Лодка, увлекаемая канатом, ткнулась ему в спину.

Данька поскользнулся, Толик и Леша одновременно бросились ему на помощь. «Бокоплав» накренился, волна резко ударила его в борт, весло, закрепленное в уключине, соскользнуло в воду, уперлось лопастью в камень и — крак! — переломилось.

— Весло! — крикнула Алена.

И вот уже она тоже оказалась в воде, но было поздно. Обломок весла свисал с борта, словно треснувшая кость огромного животного.

— На одной паре весел по такой волне не выгребем. Да еще против ветра... — сказал Леша, выжимая на себе мокрые брюки.

— Что я теперь Капитанычу скажу? — ужаснулась Алена.

— Ничего говорить и не потребуется, — сказал Данька. — Сам увидит.

— Не спустит он нам этого дела, — сказал Леша.

— Помните, что он еще в интернате говорил? — сказал Толик, — Данька, изобрази.

— Да чего тут изображать, — Данька махнул рукой, — каждый и так помнит: «В экспедиции, дети, шкала наказаний короткая. Наказания «черной» работой я не признаю по той причине, что работа черной быть не может. Поэтому штрафные дежурства по кухне исключаются. Остается отстранение от работы на разные сроки и как крайняя мера исключение из экспедиции».

— Ну и память у тебя, Данька! Как у слона, — восхитился Толик.

— Ребята, а вдруг он к нам крайнюю меру применит? — сказала Лера.

— Скажешь ты, Лерка, — засмеялся Леша, — а кто же, по-твоему, в экспедиции останется? Толь да Славка?

— Зря, Лешенька, смеешься. Мало ты Капитаныча знаешь.

— Есть хочется, — сказал Толик, — может, разъедим наш аварийный? Все одно пропадать.

— Тащи, Толик, из «Бокоплава» всю провизию, — сказал Данька. — Хлеб я в полиэтиленовый мешок засунул. Не намок, наверное.

Толик принес две банки тушенки, хлеб, чай в огромном термосе. Все набросились на еду.

— Эх, Данька, — сказала Алена, — и зачем ты «Бокоплав» с якоря снял!

— За носопрыгающим гонялся, — невозмутимо ответил Данька, запихивая в рот кусок хлеба.

— За кем, за кем? — переспросила Лера.

— За но-со-пры-гающим, — по слогам повторил Данька. — Хотел я «Бокоплав» получше заякорить и вдруг слышу: чихают! Эдак чух-чух, чхи-чхи! Чихнет и взлетит, чихнет и взлетит.

— Кто чихает? — не понял Толик.

— Носопрыгающие, — сказал Данька. — Понимаешь, у них такая удлиненная носоножка. Морфологически-то она нос, а практически — ножка. Нет, наоборот, морфологически — ножка, а фактически — нос. В общем, она совмещает в себе функции органов чувств и одновременно органа передвижения. Причем в ноздре, или, вернее, в пяточной части носоножки, есть что-то вроде сопла. Таким образом, способ передвижения носопрыгающего можно назвать сопливным, или попросту реактивным.

— Что за чушь ты несешь, Данька? — засмеялась Алена.

— Подожди, Алена, интересно же, — сказала Лера. — Ну и что, поймал?

— Ха, — сказал Данька. — Сидел бы я сейчас с вами! Давно бы отбыл на международный симпозиум. Дело в том, что до сих пор ни одного экземпляра носопрыгающего не обнаружено.

Данька потянул к себе консервную банку, но мяса в ней уже не было.

— Данька, — спросила Лера, — а почему они чихают?

— Ноги в сырости держат, — сказала Алена.

— У меня тоже ноги в сырости, — сказал Толик. — Ребята, может, костерок сложим?

— На заповедном острове костер? С Луны свалился! — сказала Алена.

— Кто узнает? — сказал Леша.

— А если никто, так можно? — спросила Лера.

— Тут и замерзнуть недолго, — поежился Леша.

— А ты пробегись до «Бокоплава», снеси термос и хлеб — согреешься, — посоветовал Данька.

— Верно. Сбегай, Леша, — сказала Алена, — заодно посмотришь, какая волна. Может, попытаемся на одной паре весел дойти. Не сидеть же здесь до ночи.

Леша нехотя поднялся, подхватил термос, хлеб и ушел. Но не прошло и двух минут, как он с криком: «Моторка!» — прибежал обратно, размахивая термосом на длинном ремне. Ребята понеслись к берегу.

Намокшие, взъерошенные, они стояли на валунах, напряженно вглядываясь в зыбкую, нависающую над морем туманную мглу и стараясь рассмотреть неясный силуэт лодки. Гулкий перестук мотора долетал к ним над поверхностью воды.

— Моторка Аптекаря, — сказала Лера.

— Мимо, наверное, шел и увидал «Бокоплав», — предположил Толик.

— Идея! — крикнул Данька. — На моторке же запасные весла есть! Попросим у Аптекаря и еще пару драгировочек сделаем.

— По такой-то волне? — сказал Толик.

— Попробуем, вдруг получится, — сказала Лера. — Правда, Алена?

Алена понимала, что по такой волне с непарными веслами не очень-то поработаешь. Но ей так хотелось из первого своего «капитанского» рейса вернуться с выполненным заданием!

— Попробуем, — сказала она.

Аптекарь направил моторку в небольшую бухточку. Здесь море было спокойное. Метров за

Поначалу идти было легко и даже приятно...

десять от берега Аптекарь выключил мотор. Лодка плавно скользнула по воде и закачалась у самой кромки прибоя. Тут же Аптекарь выбросил за борт кошку, канат скользнул через борт лодки и упруго натянулся. Аптекарь выскочил из лодки.

— Еле нашел вас, — сказал он. — А что это вы такие мокрые?

— Весло сломалось, — ответила Алена.

— Иннокентий Кузьмич, — попросил Данька, — одолжите запасное весло от вашей моторки. Нам еще пару драгировочек бы сделать, а потом мы вернем.

— А сколько вы сделали?

— Одну.

— Действительно, маловато. — Аптекарь задумался. — Я бы вам дал, но у «Бокоплава» весла чуть ли не в два раза длиннее моих. Не сможете вы драгу тащить.

— Сможем!

Аптекарь с сомнением покачал головой.

— Ну вот что, — сказал он, — я ваш «Бокоплав» на буксир возьму. Три драгировки за час сделаете?

— Пять сделаем! — крикнул Данька.

— Не так это просто, — сказал Аптекарь, — с моторкой шутки плохи: чуть драга сядет — или канат порвете, или сами за борт вылетите. Кто на драге?

— Я, — сказала Алена и добавила: — с Данькой.

— Хорошо, — сказал Аптекарь, — попробуем на малом ходу. Леша, будешь подстраховывать Алену с Данькой.

— Ребята, в «Бокоплав»! — скомандовала Алена. — Леша, тащи свой термометр и носки с банками.

Аптекарь уже перебрался в моторку. Данька кинул ему из «Бокоплава» канат, прикрепленный к носу.

— Готовы? — спросил Аптекарь. — Крепче кормовое весло держите, а то начну буксировать — носом будете вилять.

— Двинули! — крикнул Леша.

Аптекарь завел мотор, канат натянулся, и «Бокоплав», тяжело переваливаясь на волнах, устремился за легкой моторкой. Алена сидела на кормовом.

БОРТЖУРНАЛ

На банке Урастериас и в районе острова Лосиного сделано четыре драгировки. Материал разобран и зафиксирован. По вине команды сломано весло.

Алена.

Мне поручено написать о большом РЗН. (Для тех, кто будет готовиться к Седьмой Беломорской по нашему бортжурналу, поясню: РЗН — разнос).

Старожилы не упомнят такого РЗН, какой ждал нас, когда мы вернулись с драгировки. Коротко суть дела. Леша при разборке одного из первых дночерпаний зафиксировал в одной банке неразобранную часть пробы. В связи с тем, что для многих видов требуется разная концентрация формалина, некоторые «звери», зафиксированные вместе с водорослями, испортились.

За такой проступок по всем правилам полагается исключать из экспедиции. «Гнать без разговоров, — уточнил Капитаныч. — Но, — добавил он, — учитывая серьезную и добросовестную работу Леши по оснащению экспедиции и исследованию характеристик морской воды, к крайней мере не прибегать».

А так как за такую провинность меньшее наказание назначить невозможно, то Капитаныч сказал, что «оставляет этот инцидент без видимых последствий». Попросту на совести Леши, который должен завтра с помощью Капитаныча взять дночерпательную пробу и самостоятельно в свободное от основных обязанностей время разобрать ее.

Все-таки Васина машина — гениальное изобретение: она не только знает все на свете, но и спасает от наказаний.

Данька.

Нельзя балагурить по каждому поводу. Я считаю, что в Лешиной халтуре отразилось его отношение к общей работе. И дело тут не в наказании.

Алена.

Леша не бездельник и не халтурщик. Он, может быть, больше всех работает в экспедиции. Зачем же так изводить человека? Будто бы мало того, что его проступок записан в бортжурнал и останется теперь на веки вечные? Тем более, что завтра Леша все исправит.

Лера.

Как обычно, после завтрака дежурные выставили на стол банку сгущенного молока «на растерзание». Вскрытая жестянка пошла по кругу. Капитаныч медленно прихлебывал из широкой эмалированной кружки свой «капитанский» кофе. Он любил эти несколько свободных минут перед длинным рабочим днем. Словно бегун перед стартом, он расслабился, стараясь не думать о предстоящих делах.

Неожиданно и, как всегда, незаметно под навес вошел Аптекарь. Поздоровался, присел на край длинной скамьи.

— Я вам нужен, Кеша? — спросил Капитаныч.

— На кольцевание иду, — сказал Аптекарь, — хотел попросить ребят в помощь.

— Ура! — закричал Толик.

Капитаныч укоризненно взглянул на него. Тот смущенно затих.

— А сколько человек нужно?

— Все. Я кольцевать собираюсь на Лодейном. Там несколько озер, а пройти их надо за день, без ночевки: сторожки на острове нет.

Капитаныч развел руками:

— Раз надо, так надо.

Аптекарь встал.

— Ребята, — сказал он, — всем взять полную смену одежки, включая кеды и носки. Еду тоже захватите. Прошу побыстрее. Все в моторку не поместятся, поэтому перевозить придется в два захода. Жду.

На кольцевание мечтали пойти давно. Но Аптекарь все откладывал. То погода не та, то появлялись у него другие неотложные дела. А теперь тянуть было невозможно: выводки подросли, и утята вот-вот должны были научиться летать настолько, что ловить их будет совсем непросто.

Ребята с шумом понеслись к мансарде. Дежурные спешно принялись мыть посуду, готовить бутерброды и термосы с чаем. Через полчаса собрались на берегу, у моторки Аптекаря.

Алена отвела Лешу в сторону.

— Леша, — сказала она, — тебе же дночерпательную станцию брать.

— Успеется!

— Скажи Капитанычу, — настаивала Алена.

— Чтобы он меня оставил? Нашла дурачка. И потом он ясно сказал, что едут все.

— Ты должен остаться и сделать свою работу, — твердо сказала Алена.

— А тебе больше всех надо, что ли? — огрызнулся Леша.

Алена пожала плечами, швырнула сверток со своей одеждой в моторку.

Лодейный, небольшой заболоченный остров, был одним из основных прибежищ уток на всем архипелаге. Длинная цепочка озер, протянувшихся в глубину острова, окружена была редким лесом и густыми зарослями тростников.

Аптекарь собрал ребят в кружок.

— Слушайте внимательно, — сказал он. — Все, что я скажу, запомнить точно. На озерах шуметь нельзя: спугнем уток. Поэтому работать будем молча. На острове три больших озера — Лодейное, Долгое и Черное. Утки сидят в тростниках. Будем идти вдоль озера цепью. Спугнутые утки обычно устремляются к воде. По берегам, в местах, которые я укажу, расставим сети на шестах. Но каждое озеро окружить сплошь сетью невозможно. Поэтому двое, Данька и Толь, должны идти с узкой сеткой в воде, стараясь не отставать от цепочки идущих по берегу. Пойманных птиц передавать мне. Я их

буду взвешивать, обмерять, кольцевать. Все. Двинули.

Аптекарь взвалил на плечи мешок с сетью и первый зашагал в глубь острова по тропинке, виляющей меж торфяных кочек. Ребята один за другим потянулись вслед за Аптекарем.

Поначалу идти было легко и даже приятно. Ноги мягко утопали в толстых подушках мха. Высокие кочки сплошь заросли кустиками черники. Подернутые синеватым тусклым налетом, словно припыленные, ягоды торчали пучками над мелкими лаковыми листиками. Не нагибаясь, на ходу можно было ухватить сразу целую горсть черники.

Иногда дорогу пересекал трухлявый ствол давно упавшей сосны. Мох укрывал его так плотно, что о существовании ствола можно было догадаться лишь по округлой продолговатой форме.

Постепенно тропинка становилась все менее заметной. Под ногами хлюпала выступающая на поверхность от каждого шага черная болотная вода. Начался спуск к озерам. Теперь вместо кочек с черникой тут и там торчали прямо из короткой щетки мха тонкие стебельки с желтыми фонариками спелой морошки.

Аптекарь остановился, жестом подозвал Даньку и Лешу.

— Сейчас в низине будет озеро Долгое, — шепотом сказал он, — поставите три сетки. Вешки там торчат с прошлого года. Сами увидите. Я с ребятами пойду ставить на других озерах. Управитесь — идите вперед. Я вас встречу.

Вешки удалось найти не сразу. За год они ушли глубоко в ил. Развернули первую сетку. Данька пошел впереди, осторожно ощупывая ногой зыбкий коврик мха. Но вот мшистый островок кончился. Под ногами Данька почувствовал упругую сеть густо перевитых корней, похожую на грубо сплетенную рогожу. Эта рогожа словно бы плавала на воде. При первом же шаге она подалась, опустилась. В крупные дыры просочилась вода, и Данька тут же промок по щиколотку. Поморщился, но в этот самый момент нога попала в зияющую между корней дыру и по колено ушла в темную холодную воду.

Данька коротко вскрикнул.

— Тише, ты! — зашипел на него Леша. И мгновенно провалился по пояс.

Через пять минут они, насквозь мокрые, с прилипшей к телу одеждой, смело шагали по воде, выпрямляя вешки, привязывая к ним сетки. Густые облачка мошкары и комаров висели над их головами. Они поставили последнюю сеть и выбрались на сухое место. Теперь самые недоступные заводи и заливчики были перегорожены скрытыми в тростниках, провисающими на вешках сетями.

— Двинули, — сказал Данька, отдирая от спины и груди мокрую рубашку.

От него шел пар. В облепленных коричневым илом кедах хлябала вода. Но ему не терпелось скорей пойти за Аптекарем, чтобы тот увидел, как быстро и ловко управились они с Лешей на Долгом.

Оказалось, что Аптекарь с ребятами успел уже поставить сетки на двух других озерах и теперь сидел на сухой кочке, раскладывая вокруг себя пластмассовые весы-тарелочку, гирьки, штангенциркуль, блокнот.

Когда все собрались, он вручил Толе и Даньке длинную сеть, растянутую на двух палках, как транспарант.

— Помните, что от вас требуется? — спросил он.

— Идти по воде вдоль берега. Попавших в сеть уток передавать вам, — четко ответил Данька.

— Точно, — сказал Аптекарь, — только смотрите, в азарте не задушите какого-нибудь птенца. Выпутывать из сети осторожно. Остальным построиться цепью. На шаг один от другого, чтобы утки не проскочили между вами. Не спешите. Обшаривайте каждый пучок травы. Утки могут затаиться.

Цепочка ребят вытянулась поперек заболоченного озерного берега. Шли согнувшись, перебирая руками стебли тростника. Метр, другой, третий... И вдруг — фр-р! — у Леши из-под руки выпорхнула утка. Она ринулась к воде, рассекая тростниковые заросли и громко хлопая крыльями. Данька и Толь растерялись, приподняли сетку, и утка, поднырнув под нее, выскочила на середине озера. Она закружилась на воде, громко и тревожно крякая.

— Упустили! — ахнула Лера.

— Тихо, — громким шепотом прервал ее Аптекарь, — ищите выводок: он где-то рядом.

— Есть! — тут же завопил Толик, бросаясь грудью вперед. Он поднял над головой перепуганного сучащего широкими черными лапками утенка. Осторожно передаваемый из рук в руки, утенок достиг Аптекаря. Тот сунул его в авоську.

Ждать в одиночестве утенку долго не пришлось. Еще двоих поймали Лера и Леша. Третий, успев проскользнуть к воде, запутался в сети. Когда обошли все озеро, у Аптекаря в авоське оказалось шесть утят. Еще двоих держала Славка. А Леша гордо прижимал к себе утку, которую он поймал почти на лету в героическом прыжке.

— Неплохая добыча! — сказал Аптекарь, усаживаясь около весов. — Алена, будешь записывать данные измерений.

Он вынул из авоськи первого утенка. Тот судорожно вытягивал шею. Клюв у него был смущенно приплюснут. Аптекарь принялся обмерять утенка штангенциркулем. Клюв. Лапки. Крылья. Хвост. Наконец посадил утенка на тарелочку весов, погрозил ему пальцем:

— Сиди смирно, а то я тебя неправильно взвешу. Молодец. Теперь давайте мамашу. О-о! Да она линяет. Повезло нам. Чудесно, великолепно, — приговаривал он, измеряя твердые пеньки новых перьев. — Алена, записывай. Первое, третье хвостовые — пеньки. Шестое тоже пенек. Ах, какая ты умница, что нам попалась! Ну-ну, сейчас кончу. Вот только окольцую вас обоих и отпущу.

Он вынул из кармана горсточку алюминиевых полосок, согнутых в полукольцо, и плоскогубцы. Осторожно обжал одну полоску вокруг утиной лапки. То же самое проделал с лапкой утенка.

— Ну вот, теперь вы не беспризорные птицы: у вас есть адрес, — сказал он.

— Иннокентий Кузьмич, — попросил Данька, — можно я одного окольцую?

— Ладно, — сказал Аптекарь, — следующий твой.

Ребята по очереди окольцовывали птиц и выпускали. Утята, неуклюже кувыркаясь в воздухе, исчезали в тростниках. А утка, выпущенная Лешей, с криком пронеслась к озеру. Крылья ее трескуче прихлопывали, словно полотенца на ветру.

Только к вечеру удалось прочесать оба оставшихся озера. Поймали двадцать девять уток. Аптекарь сказал, что это почти рекорд: на этих озерах он в прошлом году смог окольцевать штук двадцать, не больше.

Сняли сетки, отмылись, переоделись в сухое, съели подчистую все бутерброды. Теперь уже не надо было таиться и говорить шепотом.

— Самое замечательное, — рассказывал Аптекарь, — что взрослые гаги улетают осенью без своих птенцов. А те, как только станут на крыло, летят вслед за родителями. Одни и в первый раз. Но берут то же направление и находят где-нибудь в Африке свою стаю. И выяснили эту поразительную вещь с помощью кольцевания.

— Ребята, а я запомнила номер своей окольцованной утки, — сказала Лера.

— И я, — сказал Толик.

— И я, — сказал Данька, — надо же!

— Я тоже номер своей первой птицы запомнил, — засмеялся Аптекарь.

— И что? — спросила Алена. — Где она теперь?

— Не знаю, — сказал Аптекарь. — Но жду о ней письма. Откуда-нибудь из Африки.

— Я тоже буду ждать, — сказала Лера.

Над входом в лабораторию висело объявление:

ЗАВТРА ОТЪЕЗД!

Вечером торжественный ужин-отходная.

Меню:

Каша пшенная по-беломорски с печеными мидиями и брусникой.

Салат «Ламинария» из морской капусты.

Треска, томленная по-ярославски (по рецепту Ярославы).

Пирожки с черникой.

Морошка на стебельках.

Порции не ограничиваются!

Этот плакат дежурные Данька и Толик вывесили еще утром, но вокруг стояла такая суета, что никто не обращал на него внимания. Девочки мыли и аккуратно складывали лабораторную посуду. Толь вбил в землю три колышка и деловито обегал их по кругу, таща за собой канат. Тяжелые кольца каната, наброшенные на колышки, высились наподобие колодца. Этот способ упаковки каната Толь придумал сам и всех проходивших мимо останавливал, втолковывая гениальность своего устройства. Леша, усевшись в сторонке, возился с машиной, развинчивая ее на блоки.

— Представляете, девочки, — сказала Лера, — еще целых десять дней до школы!

— Дома погощу и к деду на Кенозеро заеду, — сказала Славка. — Лера, Алена, поедем со мной к деду. Он столько всего порасскажет! Рыбки половим...

К ним подошел Леша. Постоял молча. Вынул из кармана тряпочку.

— Алена, — сказал он, — сшей мешочек.

— Какой еще мешочек?

— Всяко-разные детали упаковать. А то потеряются.

— Оставь. Сошью, — отрывисто сказала Алена.

Леша положил около нее тряпочку, помялся, переступая с ноги на ногу. Вздохнул и побрел к своей машине.

— Зря ты с ним так, — сказала Лера, — человек места себе не находит, а вы все на него и не смотрите. Капитаныч-то молчит, будто ничего и не было. Может, забыл?

— Он просто виду не показывает, — сказала Алена.

— А то поговорим с Лешей? — сказала Славка. — Если сегодня взять пробу, то и разобрать еще успеет.

— Да говорила я с ним! — сказала Алена. — Когда на кольцевание ходили. Без толку все.

— На кольцевание он зря тогда пошел, — сказала Лера, — но после же у него и правда времени не было: то драгировки, то санитарная чистка леса, то еще что-нибудь.

— Что же, так и не выполним дночерпание? Пропадет проба? — сказала Славка.

Вдруг она вскочила с места, подбежала к Леше, потащила его за рукав. Леша, упираясь, нехотя пошел за ней.

— Ну чего ты? — сказал он, вырвавшись.

— Сядь, — сказала Славка, — разговор долгий, а ноги не волки, их и пожалеть можно.

Из кухни прибежал Данька, повязанный вокруг пояса полотенцем. Следом шел Толик. Руки его, по локоть залепленные засохшими корочками теста, были похожи на чешуйчатые рыбьи хвосты.

— Помощь нужна, — сказал Данька, — женские руки. Лерка, у нас пирожки не лепятся. Пойдем, поможешь.

— Ладно, — сказал Леша, — я пошел.

— Погоди, — сказала Славка, — ты скажи, что делать с пробой?

Данька присвистнул.

— Вон оно что. Тогда уж всех зовите. Толь! — крикнул он. — Иди сюда. Дело есть!

— Ни к чему это, — сказал Леша, — всякоразные разговоры. Все равно завтра домой.

— А раз так, то пропадай все пропадом, да? — сказала Алена.

— Он считает биологию ерундой, — вставил Толик.

— А зачем в экспедицию ездил? — спросила Алена.

— Машину испытывать, будто не известно, — усмехнулся Данька.

— И ничего такого я теперь не считаю, — буркнул Леша, — а машина всем была полезна. Соленость и температуру для дночерпаний как узнавали? С машины.

— А пробу чего не переделал? — спросил Толь.

— Я собирался. А потом, как все на меня стали коситься, я решил: ну и пусть.

Леша замолчал, исподлобья поглядывая на ребят.

— Может, попросим Капитаныча остаться на денек? И все сделаем, — предложила Славка.

— Я сам, — сказал Леша, — сам останусь. А вы отправляйтесь.

— Так ты ж тут провозишься один, а мы раз-два и готово! — сказал Толик.

— Сам я, — повторил Леша упрямо.

Данька ткнул его в бок.

— Верно, Толька! Ох, прости, Леша. Я бы тоже один остался.

В дверях лаборатории показался Капитаныч с грудой чашек Петри, уставленных одна в другую столбиком до подбородка.

— Девочки, возьмите, пока не разбил, — сказал он, — это уж последние.

— Антон Капитоныч, а как же дночерпание? Ну, та проба? — спросила Лера.

— Поздновато вспомнили, — резко сказал Капитаныч и, уходя, добавил: — Через часок соберу всех. Тогда скажу.

Собрались прямо на улице, у дверей лаборатории. Капитаныч взобрался на связки упакованного Толем каната. Посмотрев на его всклокоченные волосы и густую бороду, Данька шепнул Лере:

— Памятник Робинзону Крузо.

Лера даже не улыбнулась. Она сердито отмахнулась от Даньки и украдкой глянула на Лешу. Тот сидел поодаль на камне, сосредоточенно наматывая на палочку тонкие разноцветные провода. Подошел Аптекарь, стал позади Леши, что-то спросил у него. Леша пожал плечами.

— Данька, — спросил Капитаныч, — обед готов?

— Так рано же еще, Антон Капитоныч. За обед через час примемся, мы пока ужин готовим.

— Отставить ужин, сделайте бутерброды и чай. Перекусим и пойдем на дночерпание. Надо взять пробу и тут же ее разобрать. Будем работать без обеда.

— Фал тянуть? — спросил Толь.

— Обойдемся без фала. Одну точку я и по ориентирам найду.

— Антон Капитоныч! — громко сказал Леша.

Все обернулись к нему. Леша встал с камня, подергивая в руках тонкий проводок.

— Антон Капитоныч, — сказал он, — можно, я останусь и один все сделаю?

— Останешься? Один? — поразился Капитаныч. — Ты шутишь. Да я же за вас всех отвечаю.

— Я понимаю, — тихо сказал Леша.

Он сильно рванул проводок. Яркая пластиковая оболочка лопнула, и в руках у Леши оказались два обрывка с медными игольчатыми кончиками. Леша резко повернулся и направился к своему камню. В этот момент к нему подскочила Славка.

— Меня оставьте с Лешей, Антон Капитоныч, — сказала она, — я-то в море, как в своей каморе. Не потону. Честное слово!

Славка вдруг покраснела, веснушки ее сделались белыми. Словно оправдываясь, она добавила:

— А Леша обязательно сам должен сделать!

— Оставьте их, Антон Капитоныч, — сказал Данька. — Они тут вдвоем всю живность со дна соскребут.

— Помолчи, Данька, — сказала Алена. — Антон Капитоныч, оставьте с Лешей меня. Все же я в экспедиции не первый год.

— Я никого не могу оставить, — твердо сказал Капитаныч. — Сколько увез, столько и привезу обратно.

— Оставьте Лешу со мной, — вдруг вмешался Аптекарь. — Он, кстати, хотел мне мотор перебрать — барахлит что-то. А потом я его прямо в поезд посажу.

Капитаныч обвел взглядом ребят, потер ладонью бороду.

— Ну что решим, дети? — спросил он.

— Оставьте, Антон Капитоныч, — сказала Лера.

— Судить да рядить — не бредень водить, без конца можно, — сказала Славка. — Чего решать-то? Оставьте, и все тут.

— Будет мне в интернате хороший нагоняй, — сказал Капитаныч.

— Разнос, — поправил Данька.

— Вот именно, — сказал Капитаныч, — Леша, отложи себе десяток чашек Петри, пробирки, бутыль формалина. В общем, все, что надо. Дночерпатель и приборы потом вместе проверим. Данька, готовь обед. Все остальные — за упаковку. Не болтать сюда приехали.

Он повернулся и пошел к лаборатории. Ребята обступили Лешу.

— Ты, Леша, по ночам не работай, а то джастернак придет, — сказал Данька.

— Ладно тебе, — отмахнулся Леша.

— Леша, — не унимался Данька, — если руку джастернака добудешь, чур, на двоих!

— Чур, на всех, — сказала Лера.

Она наклонила голову, посмотрела на Даньку снизу вверх. И Данька увидел, как зеленые лучики, бегущие к твердому ободку, замелькали, отражая небо, и море, и большое малиновое солнце. В Лериных глазах крутились крохотные велосипедные колеса.

БОРТЖУРНАЛ

Белые перышки на волнах плыли нам навстречу, словно снежинки. И ветер холодный. И море тяжелое. Август не кончился, а кажется, будто зима наступила. Прощай, Кряжов! Прощай, Белое море! Шестая Беломорская уехала. Жди Седьмую!

Лера.

ПРИКАЗ № 29

Северный архипелаг

1. Всем, кто хочет вернуться к Белому морю, обувь, сношенную на островах Северного архипелага, выбросить за борт в районе луды Большая Палашка.

Данька свои рваные кеды закопал на Кряжове. Не видать бы ему впредь Белого моря, как своих ушей, если бы не Лера. Она отдала ему совсем еще новые хрустальные башмачки. И этот злодей кинул их в море, к подножию Большой Палашки.

Алена.

Не хрустальные, а дерматиновые. Не башмачки, а босоножки.

Лера.

Пулат МУМИН

Яблоко

Во дворе у Адылджана
Яблоня, яблоня,
Спелый плод не удержала
Яблоня, яблоня.

С ветки яблоко упало —
В руки мальчику попало.
До чего ж душист и ярок
Старой яблони подарок!

Все в полосках,
Словно в блестках
Яблоко, яблоко.
С алым боком,
Сладким соком
Яблоко, яблоко!

Улыбнулся Адылджан —
Сам отведал бы, да жаль!
Очень хочется, да жаль.
К маме мальчик побежал.

В мягкой маминой ладошке
Яблоко, яблоко,
Видно, нравится ей тоже
Яблоко, яблоко.

— Вот спасибо, мой хороший,
Вот спасибо!
Ну, а все же
Лучше бабушке домой
Отнеси подарок свой.

Мальчик бабушке приносит
Яблоко, яблоко,
И ее отведать просит
Яблока, яблока.

Смотрит бабушка на внука,
Улыбаясь, прячет руку:
— Загляни-ка ты в сарай,
Деду яблоко отдай...

Щурил глаз от света яркого
Дедушка.
Долго, долго нюхал яблоко
Дедушка.

И сказал потом лукаво:
— Это яблоко — на славу!
Одному такое съесть —
Велика для деда честь!

...Было вкусным, было сочным
Яблоко, яблоко.
Всем досталось по кусочку
Яблока, яблока!

Перевел с узбекского
Ю. КУШАК.

М. СЕГАЛЬ

Как спасти

ЗНАМЕНИТОЕ МОРЕ-ОЗЕРО

Древние римляне называли Азовское море Меотийским озером. Действительно, это пресное, мелкое и зацветающее летом водное пространство никак не походило на привычное им соленое Средиземное море.

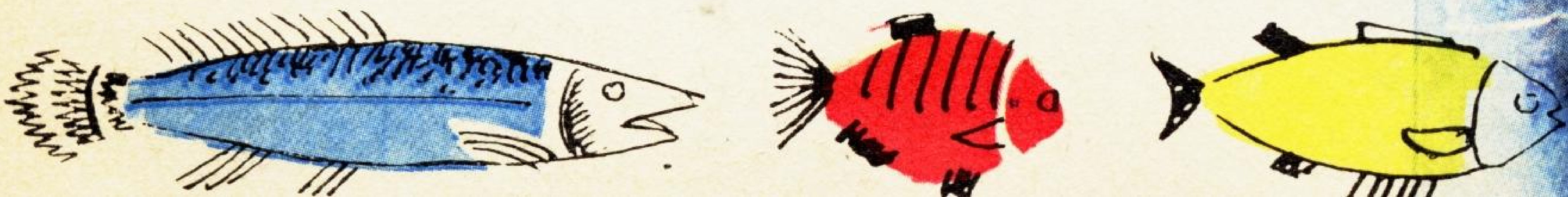
Секрет пресноводности Азова прост: в него впадают большие полноводные реки Дон и Кубань. Реки не только опресняют море, они несут питательные вещества и плодородный ил. И славилось Азовское море издавна своими рыбными богатствами: улов с одного квадратного километра был здесь в двадцать пять раз больше, чем в Черном море! Знаменито было Приазовье красной рыбой, судаком, рыбцом... Ломились от рыбы свежей, вяленой и копченой прилавки базаров в приморских городах, обозы с рыбой отправлялись отсюда даже в Москву. Еще совсем недавно, в тридцатых годах, рыбаки Азова давали пятую часть всей рыбы, добываемой в нашей стране.

Но громкая слава Азовского моря в прошлом. Сейчас море беднеет на глазах. В сетях рыбаков все меньше крупной пресноводной рыбы. Зато больше стало тюльки, хамсы, бычка — мелкой морской рыбешки.

Что происходит со знаменитым морем-озером, почему скудеют его рыбные запасы?

Ученые отвечают: причина в том, что все солонее становятся воды Азовского моря...

Пресноводные рыбы могут жить в солоноватой воде (такой она и была раньше). Но они погибают, когда соли становится больше нормы. В первую очередь погибают беззащитные мальки. Зато привольно чувствуют себя в Азовском

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

АЗОВСКОЕ море?

море пришельцы из Черного. Плывут через Керченский пролив медузы, ползут по дну крабы. Они-то и пожирают рыбий корм и миллионы икринок...

— А почему так получилось, — спросите вы, — ведь тысячи лет мирно уживались оба моря, не мешая друг другу?

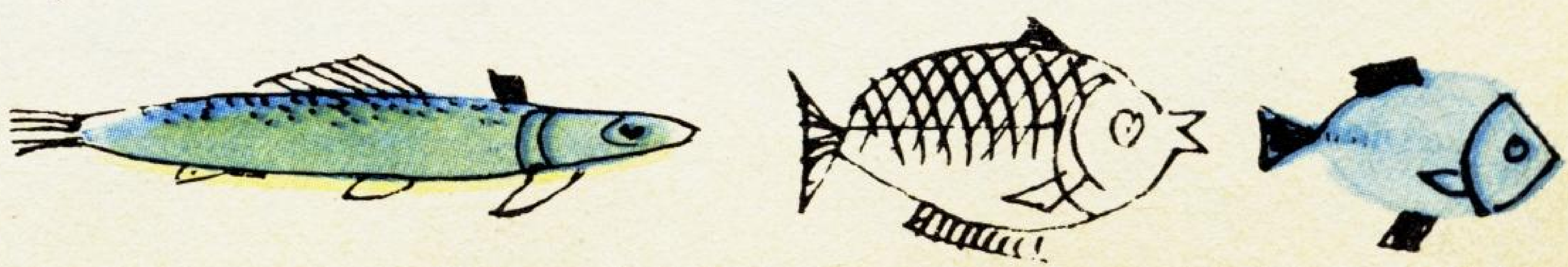
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Давайте посмотрим на карту. Берега моря, долины Дона и Кубани густо усеяны большими и маленькими кружочками. Это города и поселки. В районе Азовского моря живет сейчас сорок миллионов человек! Работают сотни фабрик, заводов и шахт. Промышленность и города «выпивают» много воды. И сельскому хозяйству нужна вода: дождь в южном крае не частый гость. Поля здесь орошают речной водой. Большая часть этой воды испарится и уже не возвратится назад. Значит, все меньше становится пресной воды в знаменитом море-озере...

Но уровень воды в море не меняется, он остается таким же, как и в древности. Нехватку пресной речной воды тут же восполняет соленая, из Черного моря. По закону сообщающихся сосудов воды Черного моря вливаются в Азовское через Керченский пролив.

Специалисты подсчитали, что к 1985 году Азовское море будет получать вдвое меньше пресной воды, чем теперь. Для лучших сортов рыбы — осетра, судака, леща — это означает гибель.

И все же ученые считают, что спасти гибнущее море можно. Можно восстановить и его прежнее богатство.

$\frac{V}{8}\int\int\int \rho^2 \sin\theta\, d\rho\, d\theta\, d\varphi = \int d\varphi$

$1 = \int \frac{2dz}{z^2-c}$

СЛОЖНО, НО ВЫПОЛНИМО

Я решил разыскать главного специалиста по проблеме Азовского моря и расспросить его о планах спасения водоема. Но разговор не состоялся. Главного просто нет. Оказалось, что проблемой занимаются более тридцати научных учреждений Москвы, Ростова, Баку, Киева и других городов. Несколько сотен людей самых разных специальностей.

В живой природе за миллионы лет создалось прочное равновесие. Поспешное, непродуманное вмешательство может его нарушить. Правило «семь раз отмерь — один отрежь» тут не годится. Отмерять нужно гораздо точнее, нужно все учесть. Вот почему эту проблему решают ученые разных специальностей.

Часть работы уже завершена. Это несколько объемистых книг. На обложках надпись: «Технический проект» — проект инженерного сооружения, которое спасет море.

Проект готовился много лет. Спорили, обсуждали... Найти истину помогли математики.

Задача о море и рыбе настолько сложна, что одолеть ее под силу только современным, быстродействующим ЭВМ.

Математики смогли языком цифр выразить то, что происходит и будет происходить с Азовским морем. Они провели расчеты на электронно-вычислительных машинах и получили данные, которые убедили всех.

Математическая модель Азовского моря помогла проверить и защитить «технический проект» инженеров.

МОРЕ И МАТЕМАТИКА

Прежде чем построить новую машину, обычно делают маленькую ее копию — модель. Изучают в лаборатории, стараются на модели проверить «характер» будущей машины. Так поступают строители самолетов, кораблей, автомобилей. Можно построить и модель плотины в лаборатории и исследовать ее поведение. Но модель моря со всеми его течениями, климатом, с его обитателями, с притоком пресной воды из рек и соленой из моря — такую модель сделать в лаборатории невозможно.

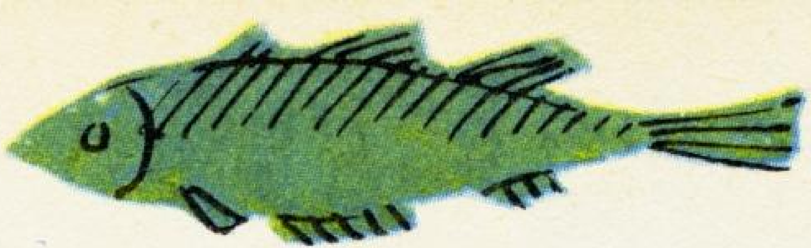
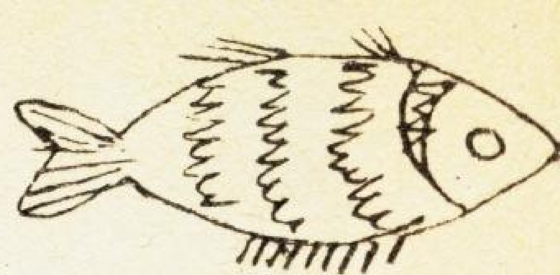
...В школе вы решали задачу о бассейне с трубами. Но никто не строил на уроке модель такого бассейна. Вы составляли уравнения, решали их и получали ответ. Эти уравнения тоже были моделью, математической моделью бассейна.

Математическую модель Азовского моря — неизмеримо более сложную, чем ваши школьные уравнения, — создали математики. Состояние моря, а значит, и количество рыбы в нем зависят от многих причин. Тут надо учесть и климат, и направление подводных течений, и загрязнение воды заводами, и испарение ее на полях. Даже ветер, летящий над долиной Дона или над Черным морем, влияет на Азовское море!

Математики из Ростовского университета разделили всю модель на несколько «этажей», тесно связанных друг с другом. Ученые стремились сохранить в своей модели ту же сложную взаимосвязь, какая существует в природе.

НИЖНИЙ «ЭТАЖ». РАСЧЕТЫ И ПРОГНОЗЫ СОЛЕНОСТИ АЗОВА

Об этом я попросил математиков рассказать поподробнее. Мне показали листы, заполненные формулами и цифрами. В этих формулах ответ на очень важный вопрос о состоянии воды в море. Что же для этого пришлось учитывать? В первую очередь — сколько вольется в Азовское море пресной воды из рек и сколько соле-

$$-2\frac{1}{2\sqrt{C_1}}\ln\frac{z-\sqrt{C}}{z+\sqrt{C}} =$$ $$= \ln\frac{\sqrt{2ae^{y}+C_1}-\sqrt{C_1}}{\sqrt{2ae^{y}+C_1}+\sqrt{C_1}}$$

ной из Черного моря. Затем — направления морских течений и закономерности, по которым перемешивается азовская вода. Ведь соленость в разных частях моря разная. Близ впадения Дона и Кубани вода почти пресная, а у Керченского пролива — очень соленая.

Два года суда гидрологов бороздили воды Азова — изучали течения. В архивах добыли сведения о погоде на море за добрую сотню лет. Опираясь на прошлое, составили прогнозы на несколько десятилетий вперед.

В результате получили те страницы формул и уравнений, которые мне показали математики. Программисты перевели их на язык, понятный машине. И мощная ЭВМ принялась за работу, вычисляя соленость воды в море при различных условиях, скажем, в будущем засушливом году или, наоборот, в дождливом, при суровой зиме или мягкой.

ВЕРХНИЙ «ЭТАЖ». РАСЧЕТЫ И ПРОГНОЗЫ БУДУЩЕГО УЛОВА

Поголовье рыбьего стада зависит от многих причин. Первую мы знаем и умеем определять — соленость воды. Вторая — количество корма. Это определяется еще на одном «этаже» математической модели.

У рыб масса врагов. Они поедают икру, мальков, корм. У рыб свои болезни и даже эпидемии. Все эти процессы математики тоже выразили десятками уравнений. Мало того. Уравнения составили для каждого вида рыб, живущих в Азовском море. Тут математики, конечно, не обошлись без помощи ихтиологов и биологов, получили для расчетов данные об особенностях каждого вида рыб, о том, при каких условиях им лучше живется в море. Скажем, хамса заходит в Азовское море только при температуре воды не ниже восьми градусов тепла.

Чтобы составить прогноз будущего населения Азовского моря, нужно соединить расчеты, полученные на всех «этажах» модели.

Работа эта очень сложная. Но она поможет понять, как лучше использовать воды Азова и рек, как разумнее строить работу предприятий в Приазовье.

НЕОБЫЧНАЯ ПЛОТИНА

Теперь настало время рассказать о том сооружении, которое должно спасти море, о плотине. Она перекроет Керченский пролив — закроет лазейку для соленой черноморской воды.

Математическая модель помогла узнать, что будет с Азовским морем после постройки новой плотины.

Уже через пять лет соленость воды снизится до допустимого уровня. А еще через десять лет рыбы в море будет столько же, сколько было до войны.

А что будет через двадцать — тридцать лет, спросите вы. Не опреснится ли совсем Азовское море? Нет, не опреснится. Плотина недаром называется «регулирующим сооружением». В ней будут большие ворота, которые можно открывать. Они же пропустят рыбу из одного моря в другое.

Есть и другие выгоды у проекта. Плотина будет мостом для поездов и автомобилей, мостом, который соединит Крым и Кавказ.

Ширина Керченского пролива в том месте, где будет плотина, около пяти километров. Опыт у наших строителей большой — все крупнейшие в мире плотины построены в СССР. Специалисты подсчитали уже, сколько нужно техники и рабочих, чтобы построить такое сооружение. Даже срок известен — шесть лет.

Работа над проектом продолжается. Ученые, инженеры снова и снова тщательно взвешивают все «за» и «против», прежде чем загудят моторы и двинется мощная техника.

Недолго нам осталось ждать возрождения Азовского моря.

Воздушные паутинки

Ю. КАРПОВА

Рисунки автора.

Вологда, Во-ло-гда (слово какое певучее!) — лесной край с тихими речками и голубыми озерами.

Еще хорошо сохранились здесь дома с террасами из еловых бревен, окрашенные временем в густой коричневый цвет. Магические коньки смотрят с крыш. Изящные дымники из прорезного железа сторожат дома.

Безымянные зодчие наряжали свои дома в узоры, в деревянное кружево. Ниточка этих традиций плетется из дальней дали, от деда к отцу, от отца к сыну. И каждый вносит свое, сберегая и продолжая мотивы древности.

...Черным кружевом в окна Дома пионеров заглядывают ветки.

Сидят маленькие кружевницы. Перед каждой валек — подушка на подставке. К подушке прикреплена бумага с рисунком.

Ты умеешь плести косичку из трех прядей? А из десяти, из пятнадцати?

Эти девочки умеют плести косичку из сорока и больше нитей. Чтобы нитки не перепутывались, на концах у них коклюшки — деревянные палочки для наматывания ниток. Девочки, как будто играючи, перекидывают коклюшки из одной руки в другую, и получаются у них «вилюшки», «плетешки», «насновки», «паучки», «полотнянки», «сеточки», «решетки», — так ласково называют вологодские кружевницы элементы, «буквы», из которых потом сложится «слово» — кружево.

Плетут, плетут, растет узор. Потом воткнут в подушку булавочку с цветным шариком на конце, закрепят узор, снова плетут.

Не умолкая, поют коклюшки. Ни перепутать, ни сбиться нельзя — узор строгий, красота его в точном повторении узелков и петель. Музыкальный перезвон стоит в комнате, словно кто-то невидимый играет на ксилофоне. И в быстром мелькании рук возникает чудо, тончайшие, замысловатого рисунка кружева.

Что такое кружева? Воротнички? Салфетки? Накидки? Покрывала?

А может быть, это музыка? Белые цветы? Сказка березовой коры? Или ветки в инее за окном?

— Девочки, на сегодня хватит, занятия окончены, — говорит руководитель кружка Надежда Владимировна Еремичева.

Девочки осторожно заворачивают подушки вместе с булавками, рисунком и кружевами в пестрые платки и несут домой. Не могут расстаться с ними. Им и дома хочется плести кружева.

Старая бабушка вышла на крыльцо. Увидела узлы в руках у маленьких девочек:

Где увидела этот нежный узор мастерица? Цветы ли весенние расцвели в лугах, или зимним вечером оконце серебрилось, морозом разукрашенное...

И в давние-давние года мелькали коклюшки, мерцала лучина — так плели кружева вологодские мастерицы...

— Неужели кружева плетете?

— Плетем, — ответили девчонки.

Бабушка вспомнила свою молодость, она мастерица была плести кружева.

Многие из них мечтают после школы поступить в профессионально-техническое училище, которое находится тут же, в Вологде. Там такие мастерицы, что их кружева знают во всем мире.

Их показывают на выставке в Москве. На ВДНХ можно увидеть кружева, сплетенные Людой Дятловой, Леной Бердега, Ниной Лебедевой. Все они учатся в ПТУ.

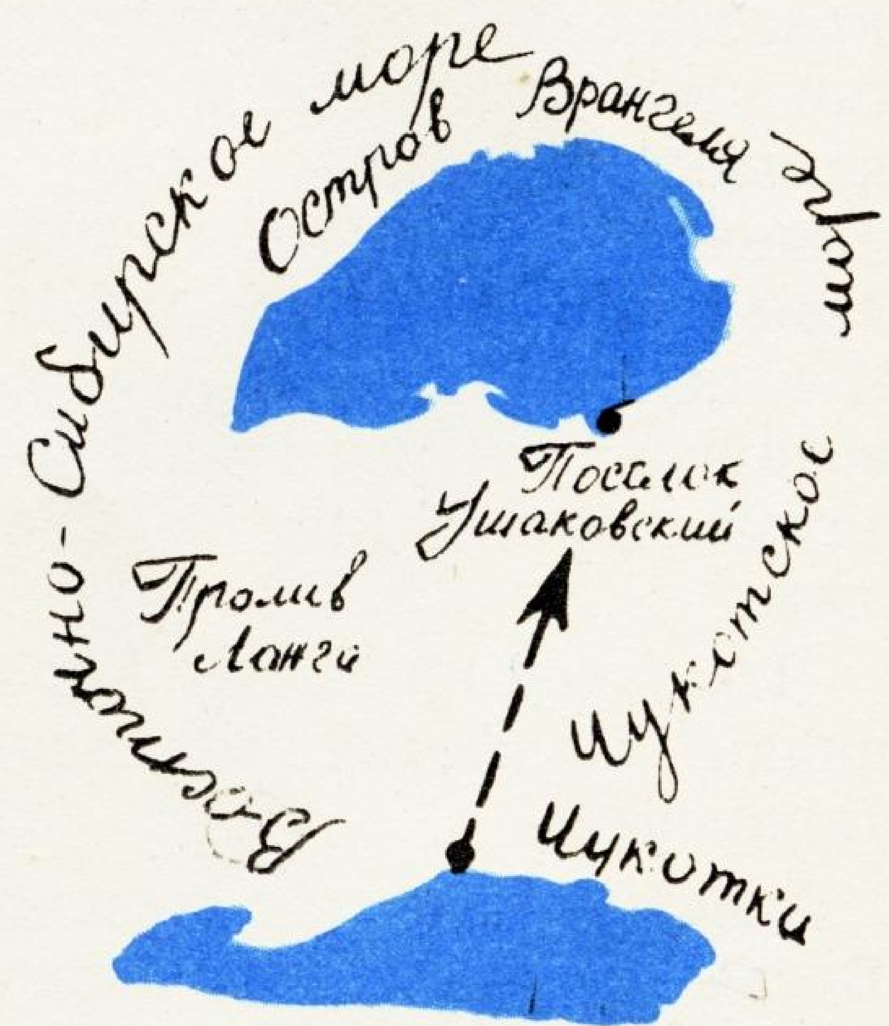
Старинное искусство славится и за границей: медаль Гран-при в Париже, золотые медали в Брюсселе, Монреале, в Пловдиве отмечают умелых вологодских мастериц.

Плетение кружев — замечательное народное искусство. Оно живет и сегодня.

И всегда будут люди преклоняться перед красотой. Неважно, в чем она, в воротничке, в накидке, в занавеске или в снежном узоре веток за окном...

Петр БАГИН

Путешествие за Полярный круг

Рисунки автора.

Лет пятьсот назад возникли слухи о неведомой земле к северу от Чукотки. Земля эта якобы шла от Америки до Северного полюса и соединялась перешейком с сибирским берегом.

Найти эту землю поручили экспедиции лейтенанта русского флота Ф. Врангеля.

В 1821 году Врангель выехал из Нижнеколымска на собачьих упряжках. Он обследовал сибирский берег, но перешейка не нашел. Потом экспедиция направилась по льду на Север.

1822 год. Вторую неделю Врангель пробивается на Север. Но путь ему преградили льды и открытая вода. Кто-то из спутников вдруг увидел три синих холма. Все решили, что это и есть остров. Но дунул ветер, и земля сдвинулась. Это были синие пары, выходящие из трещин. Пары окутывали ледяные глыбы, и путешественникам казалось, что они среди большого озера, окруженного скалами.

1823 год. Врангель повстречал береговых чукчей. На вопрос, нет ли к северу земли, чукотский старейшина — камакай — утверждал, что летом в ясные дни в море видны горы, покрытые снегом.

Нагрузив нарты провизией и кормом для собак, Врангель снова двинулся на Север. На его пути встали двадцатиметровые торосы, глубокие трещины и широкие разводья.

Окончание. Начало см. в № 7.

Ломаются нарты, собаки до крови сбивают ноги.

Однажды поднялся штормовой ветер. На льду появились трещины. Они быстро увеличивались, превращались в полыньи.

Люди и собачьи упряжки оказались на льдине. Всю ночь их носило по морю, а к утру прибило к ледяному полю.

Они еще долго шли вперед. Что же было впереди?

Врангель потом писал: «Мы влезли на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины его, увидели только необозримое открытое море. Величественно ужасный и грустный для нас вид!»

И Врангель повернул назад. От земли, которую потом назовут его именем, он был в тридцати милях.

Остров

Лежит во льдах гористый остров. Снег на высоких вершинах не тает круглый год. На западе и востоке поднимаются отвесные скалы. На севере горы переходят в кочковатую болотистую тундру.

Мрачен остров зимой. Дуют метели. Лишь изредка загорится черное небо, полыхнет холодным светом полярное сияние, расцветит свинцовые снега. Бродят белые медведи, мелькнет светлой тенью песец, пролетит ворон.

Весной оттаивает замерзший остров.

Цветут цветы на коротких ножках. Стелется по земле карликовая березка... Лед, снег, камни.

Камни с рыжеватыми подтеками, серо-голубые с красным крапом. Среди сизых пластин сланца заледенел, сверкая гранями, хрусталь. Как снег, белеют куски кварца, поросшие черным мхом.

Из зарослей на белый простор выбегает потревоженный красный клопик. Замер. Метнулся влево, вправо. И повернул назад в спасительные заросли мха. Затих.

Лед, снег, камни...

Кулик-плавунчик

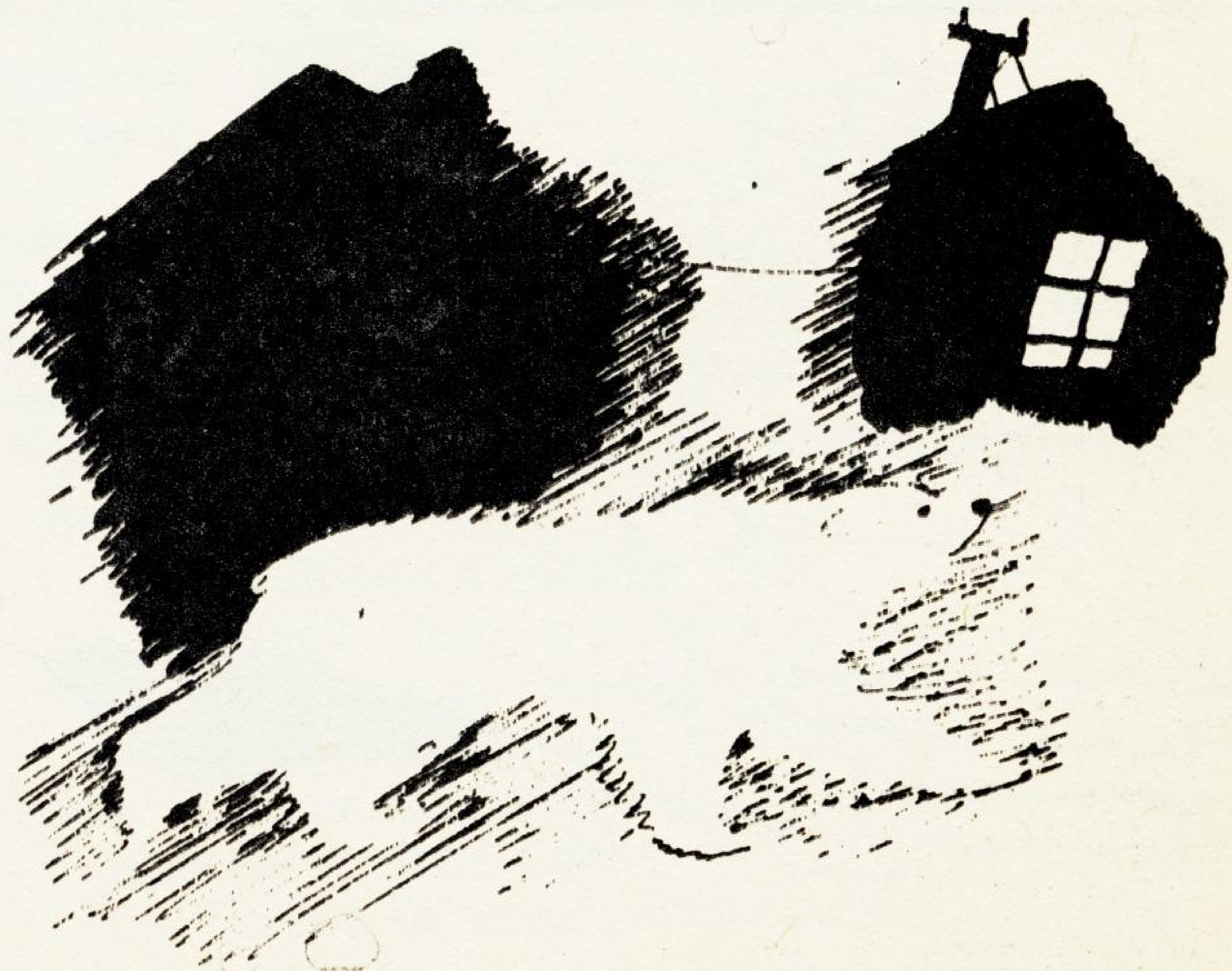
В одной из луж на песчаной косе плавал сероватый куличок с рыжей грудкой. Чуть больше воробья.

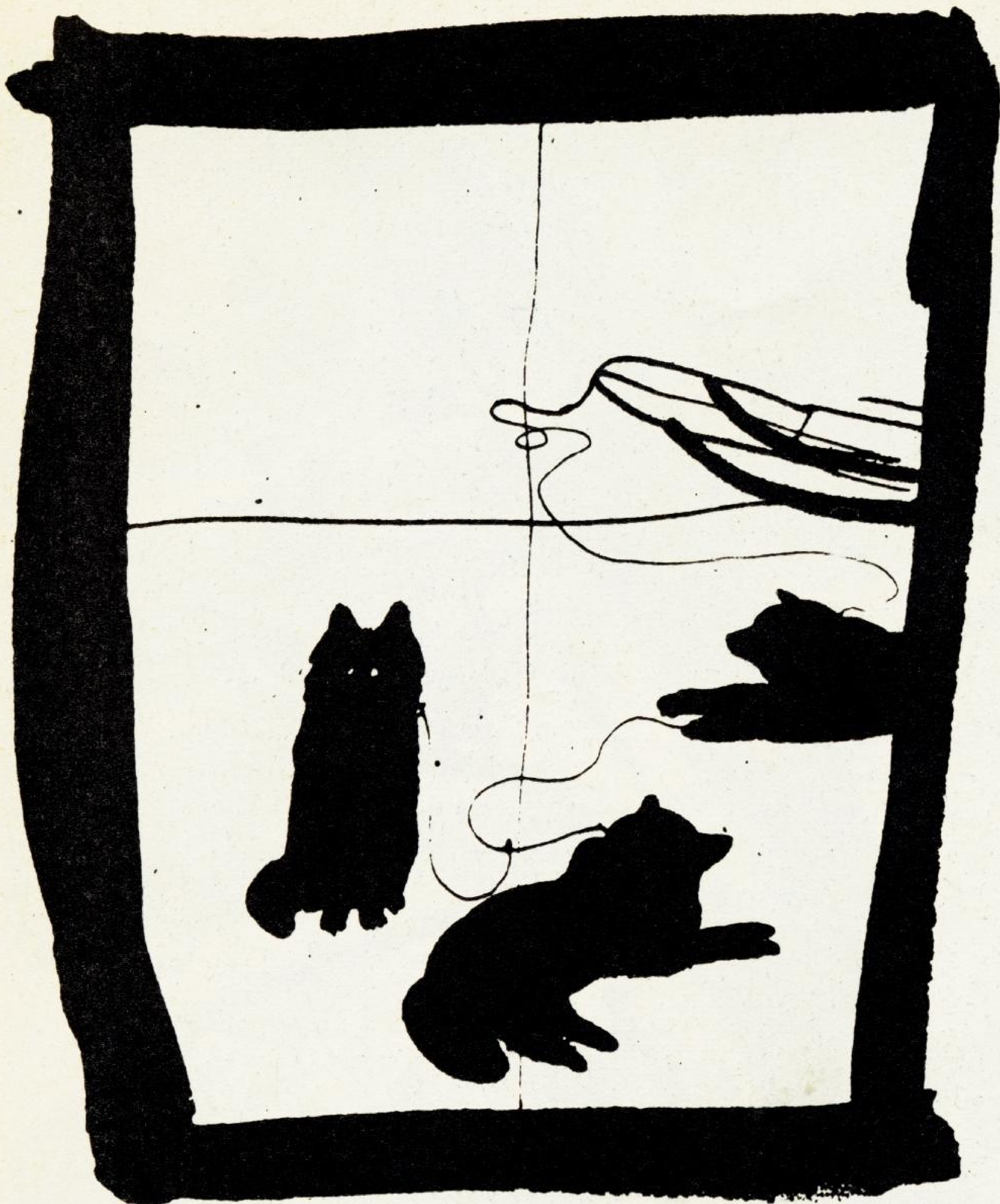
И не просто плавал — кружился на месте, время от времени опуская в воду голову с плоским клювом.

Лапками он задевал ил, наверх поднимались всякие личинки, рачки. Их-то и тюкал плавунчик.

От него расходились волны, смывая с берега соринки.

Вертится плавунчик, вертится. И как у него голова не закружится?

— Неужели поверили?

— Поверили!

Пока я, глядя в окно, рисовал собачью упряжку, Леня слепил из оленьего копытца чудесных черных зверей: оленя и медведицу с медвежонком.

Сегодня он достал из кармана кусок зеленого пластилина. Покатал в руках, кусок округлился в зеленый огурец. Потом огурец на моих глазах превратился в зеленого моржа с зелеными клыками.

— Кеглючин! — говорит Леня.

— Кто? — не понимаю я.

— Морж-разбойник! Бывает так: моржиха погибает, а моржонок остается. Живет один. Ест что попало: рыбу, падаль. Привыкает к мясу. Появятся клыки — ловит нерпу. А когда вырастает совсем, то нападает и на моржих с моржатами и даже на вельботы с охотниками... Страшный зверь!

И впрямь страшный зверь получился! Голова маленькая, клыки большие, глазки крохотные, злющие.

Зеленый морж

Лене — лет тринадцать. Он часто приходит в школу, где я живу.

Первый раз Леня появился с вертолетом из пластилина. Соединил какие-то проводки. Внутри зажужжало, и винт завертелся.

В другой раз он принес оленье копытце из черного пластилина.

— Вот этим копытцем я наследил, и все поверили, что это олененок прошел.

Баня

— Нельзя ли помыться в вашей баньке? — спросили мы на Полярке.

— Отчего же нельзя! Можно!

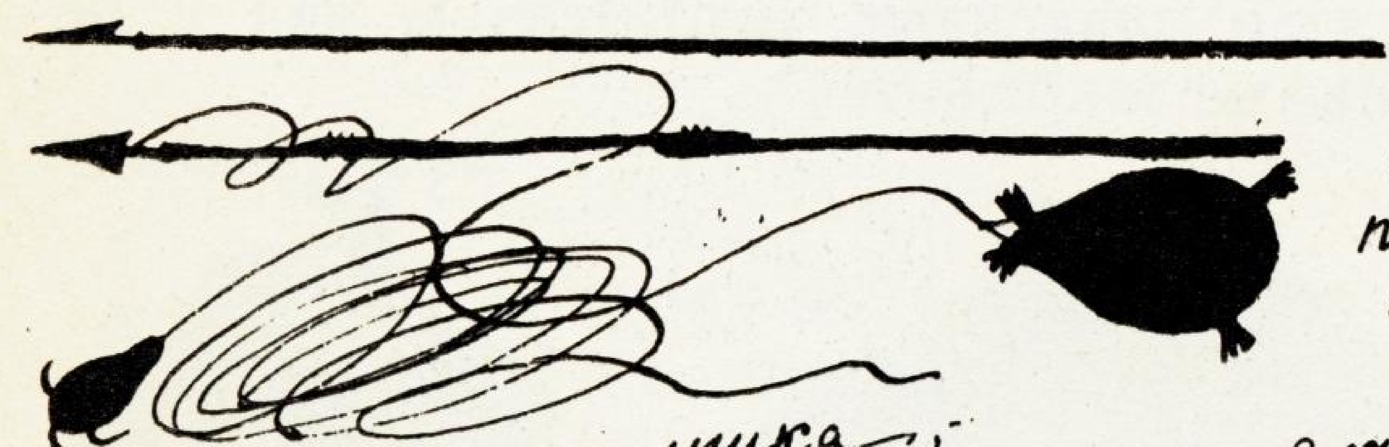
И подают нам ножовку и лопату. Потом показывают на сугроб во дворе и говорят:

— Вот ваша вода! Напилите, набросайте в цистерну вон в том здании. Будет вам горячая вода.

Стал я пилить сугроб. Пропилю с трех сторон и снизу подхватываю лопатой. Готов кубик снега!

Сверху снег свежий, недавно выпавший. Ниже пошел плотный, как бетон. Пила звенела, застревала.

Кое-как допилил сугроб и принялся за второй.

А мне говорят: «Хватит! Поэкономней надо быть. Этот сугроб для следующей бани».

Была вода горячая, была — холодная. И славная получилась баня.

Полярная сова

Взмахнув крыльями, с сухого бугорка срывается громадная птица, низко скользит над землей.

Вот она на мгновение коснулась земли и полетела дальше вверх по склону. В когтях ее бьется полярная мышь — лемминг.

«Наверное, к гнезду летит», — подумал я и пошел за ней вверх по склону.

Сова теперь сидела на каменистом выступе, в белом оперении с коричневыми пестринами. Изредка она поворачивала большую круглую голову с немигающими ярко-желтыми глазами.

Посидела сова, плюхнулась в лужу и давай купаться! Летят брызги во все стороны.

Купается, а сама нет-нет да и посмотрит вокруг. Хотя чего ей бояться? Нет на острове птицы сильнее совы.

Ее острых когтей побаивается и песец. Гуси, как бы зная это, устраивают свои гнезда поближе к гнезду совы.

Отчего ворон черный?

Давным-давно это было.

Дружили Ворон и Сова. И были они белые-белые.

Как-то Ворон и говорит Сове:

— Давай, Сова, я раскрашу тебя!

Выдернул перо из своего хвоста, макнул в светильник с жиром и целый день раскрашивал. На каждом пере нарисовал пятнышко.

Красивой стала Сова!

— Теперь ты меня раскрашивай!

Сидит Ворон, не шелохнется, глаза зажмурил от удовольствия.

Раскрашивает Сова и видит, что Ворон красивее ее получается.

Рассердилась она и выплеснула жир на белые перья. Почернел Ворон, обиделся и улетел.

И сейчас живут на острове Ворон и Сова, но никто не видел их вместе.

Пурга в июне

Вечер был тихий, теплый.

Ночью вдруг засвистело, завыло за окном.

Между рамами выросли холмики снега. Снаружи стекло покрылось коркой льда.

Я наскоро оделся и вышел на улицу. Кто-то невидимый швырнул в меня охапку снега, сорвал шапку. Шапка покатилась, зацепилась за нарты.

Около нарт, свернувшись в клубок, замерли собаки. В густую шерсть забился снег. Их все больше заносило.

На куче с отбросами копошились пуночки, искали пищу. Сильные порывы ветра опрокидывали их и уносили в белый мрак.

Дня через два, к полудню, ветер стих. Поселок вдруг осветился лучами солнца.

Лишь далеко на горизонте лиловела туча и взвивались снежные смерчи.

Наделала бед пурга. Померзли пуночки, кулики. В тундре погибло много оленят. Гусынь, сидевших на гнездах, занесло по шею снегом.

Цветущая кочка

У подножия гор на кочках цветут мелкие, с воробьиный глаз, фиолетовые цветы. На них садится огромный черный шмель с золотыми полосками и сразу накрывает десяток цветов.

Он гудит, ползет, поднимая лапами лепестки.

Травинкой, как хворостиной, я подгоняю его. Шмель басит, тяжело взлетает.

От примятых цветов идет тонкий запах.

Улетая домой, я захватил несколько стебельков с цветущей кочки.

Цветы уместились в крохотной рюмке. Дома они пахли так же хорошо, как на острове.

КОНЕЦ.

Владения БЕРЕНДЕЕВ

Рисунки
А. БОРИСОВА.

НА КАРТЕ — ЗАПОВЕДНЫЙ ЛЕС

Переверните страницу — перед вами карта, составленная заставой берендеев — учениками 65-й школы города Сочи. Живут ребята в одном из красивейших мест Кавказа — Красной Поляне. В учебное время по выходным, в каникулы каждое утро горными тропами движется дозор. Берендеи обходят свои владения: десять гектаров заповедного леса.

Что в этом лесу растет, кто в этом лесу живет,— все это вы узнаете, рассматривая карту и познакомившись с рассказами ребят. Прочитайте их внимательно — в них слышится шорох трав, шум листвы, хруст ветки под копытом зверя. Словно ожила сама карта и рассказывает чудесную лесную быль.

Свою карту и рассказы ребята прислали для нашей Красной тетрадки.

ТОЛЬКО У НАС НА КАВКАЗЕ

Только у нас на Кавказе сохранились гордые горные козлы — туры. Той легкости, с которой они поднимаются по почти отвесному склону, позавидуют самые опытные альпинисты. Объясняется это особым устройством копыт. Сильно развитая мякоть пальцев, как гуттаперчевая подушка, слегка выступает за края рогового вещества и не дает копытцу скользить.

Увидеть тура издали нелегко, еще труднее суметь подойти к нему поближе. Мы счастливы, что нам это удалось.

Мы пробрались, прячась за скалы, против ветра, чтобы туры не учуяли запах человека. И вот на головокружительной высоте перед нами изумрудная, покрытая яркими цветами альпийская лужайка. Здесь, у ручья, мы увидели стадо туров. В лучах заходящего солнца их светло-коричневая шерсть отливала серебром.

Некоторые из туров паслись, пощипывая низкорослые альпийские травы, другие отдыхали на каменистой осыпи, неподалеку от сбегающего в долину холодного и чистого ручья.

Почти два часа мы наблюдали за турами, неподвижно лежа на земле. Никто из ребят не шелохнулся: мы видели то, что не каждому дано увидеть!

Лина Кольценко,
старшая пионервожатая.

КОПИЛКА ВИТАМИНОВ

Наблюдать — это тоже наука. Один идет по лесному лугу безразлично и видит всего-навсего зеленую траву, другой присмотрится и различит отдельные растения в этой чаще стеблей. Травы, как люди: у каждой своя биография. Я хочу рассказать о необыкновенных свойствах обыкновенной крапивы.

На нашей карте заросли крапивы и других целебных растений обозначены одним знаком.

Во-первых, это копилка витаминов. Витамина «С» в ней в два раза больше, чем в черной смородине. Есть необходимый для роста витамин «А». Когда же крапива зацветет, в ее листьях появляется витамин «К», останавливающий кровотечение. Об этом свойстве крапивы знали еще древние греки. Если капнуть соком, выжатым из побега крапивы, на ранку, кровь перестает течь. Если ранка загноилась, к ней прикладывают промытые свежие листья крапивы. Куры несутся зимой, если им скармливать сухие побеги крапивы, а коровы дают больше молока.

Люди всегда стремились изучать лекарственные травы. Гиппократ знал двести растений. Авиценна, мудрейший человек, знал их тысячу четыреста! А мы хотим узнать все лекарственные растения нашего леса.

Витя Андрияшин,
командир заставы берендеев.

ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОГО

Когда я смотрю на тисс, на самшит, на падуб, на папоротники, на рододендрон, на чернику, я думаю: «Вот здорово! Я вижу то, что видел первобытный человек!» Мы бережно охраняем эти реликты, древнейшие растения доледникового периода. Некоторые из них растут только у нас, их нигде больше нет на земном шаре.

Три тысячи лет может жить вечнозеленый тисс. Его древесина не гниет в воде, изделия из тисса способны служить человеку очень долго. Во время раскопок в Египте были найдены саркофаг и мебель из тисса, изготовленные пять тысяч лет назад. Они прекрасно сохранились!

Долгожитель и самшит, чья древесина настолько тяжела, что тонет в воде. Раньше из самшита изготовляли гравировальные доски и ткацкие челноки. Растет самшит только на известняках, в сырых ущель-

ях. Его узловатые корни, как змеи, оплетают землю, ствол всегда покрыт мхом. Сберегая влагу, мох предохраняет дерево от излишних испарений и колебаний температуры.

Осенью мы собираем семена реликтов и высаживаем их по северным склонам гор. Хотим, чтобы больше было этих удивительных растений.

Костя Петанов, восьмиклассник.

ПОРОСЯТА И ВЕРТОЛЕТ

В нашем лесу много диких свиней, потому что корма им вдосталь: диких груш, яблок, орехов, каштанов, желудей.

Однажды по лесу шли десять полосатых поросят с мамой — дикой свиньей. Она усердно рыла в папоротниках сырую землю, выкапывая и поедая червей. А поросята старались ей подражать.

Вдруг низко над землей пролетел вертолет. От испуга поросята попадали кто на бок, кто на колени, и так лежали долго, неподвижно. А свинья, наверное, раньше видела вертолет, она продолжала пастись.

Некоторые дикие свиньи не боятся человеческого жилья. Были случаи, когда они приходили в село, вместе с домашними свиньями.

Туров мы не видели. Мы, младшие берендеи, не уходим так далеко в горы, как старшие, наши посты для наблюдений недалеко от поселка. Но вот косуль и нам посчастливилось увидать! Косули очень любят молодые побеги черники и нежную листву бука. Зимой их надо подкармливать. Мы сами заготовляем корм нашим любимцам. Спинки у них оранжевые, глаза большие, черные, грудь и ножки розовые. Красивей косуль на свете нет животных!

Таня Андрияшина, Лена Савелова, пятиклассницы.

КАШТАН-ПАТРИАРХ

Каждая встреча с лесным великаном для нас радостна. Мы гордимся им: второго такого нет! На высоте одного метра окружность его ствола больше восьми метров. Этот гигант совершенно здоров!

Мимо него проходит дорога в древнюю крепость. Расчищая неподалеку родник, мы обнаружили остатки глиняных кувшинов. Девушки-горянки ходили сюда за водой, адыгейские воины в бурках проносились на быстрых конях... Сколько он повидал на своем веку, старый каштан!

Он окружен потомками, деревьями разных возрастов, но и далеко от него, в лесу, появились маленькие каштаны. Это мы посадили их, собрав семена лесного патриарха. Выбрали место, менее доступное для диких свиней, которые питаются каштанами. Мы хотим, чтоб не переводились в нашем лесу такие богатыри и красавцы, как наш лесной великан!

Витя Замчалкин, член штаба берендеев.

А У ВАС ЕСТЬ КРАСНАЯ ТЕТРАДКА?

Внимание, члены школьных лесничеств, голубых и зеленых патрулей! А вы составили карты своих владений? Завели Красную тетрадку? Присылайте нам карты, рассказы о животных и растениях, которые вы охраняете.

минеральный источник
Дерево-патриарх
родник
след небольшого
посев для медведей
р. Бешенка
Краснополянская средняя школа №65
форель
рысь
луг с лекарственными травами
змея
дикий кабан
р. Бзе
след косули

Иван ЦЕКОВИЧ

МОЙ ДОМ

Мой дом — весьма уютный дом,
Не хуже птичьих гнезд.
Мой дом —
Он полон солнца днем,
А ночью полон звезд.

Мышей летучих много в нем,
Они на чердаке
Вниз головою дремлют днем
В укромном уголке.
В нем пауки,
Как рыбаки,
Раскидывают сеть.
Часами могут, чудаки,
Не двигаясь, висеть.

В нем бабушка у очага
Сидит, в огонь глядит,
Седа, как горные снега.
И сказку говорит.

Но чем еще мне мил мой дом —
Тем, что мечты гнездятся в нем!

Он в Черногории моей
Хотел бы замком стать,
Иль кораблем, чтоб гладь морей
Форштевнем разрезать.
Для работящих муравьев
Он горкой хвои стать готов,
Для светляков —
Ночною тьмой —
Пускай себе горят!
Для трав — землей,
Для рыб — водой,
Игрою — для ребят.

И стал я спрашивать его:
— Ответь, мой милый дом,
А все же
Более всего
Мечтаешь ты о чем?

И дом сказал в конце концов:
— Побольше нужно мне
жильцов!

В ПУТЬ-ДОРОГУ!

В путь-дорогу, в путь-дорогу
Собирайся понемногу!
Пробирайся средь былинок
Работягой муравьем
Иль по речке средь кувшинок
И шумливых стай утиных
Остроносым челноком.

Надо выйти очень рано,
Вслед за птицами пуститься,
Открывать моря и страны,
Перешагивать границы
И приблизиться к порогу
Вечной сказки на закате.
В путь-дорогу, в путь-дорогу,
Хоть на детском самокате!

От истоков выйти к устьям
Скромным, маленьким ручьем,
По межзвездным захолустьям
Реять солнечным лучом —
Нам и это нипочем!

В путь-дорогу! В путь-дорогу!
И по взгорью, и по логу.
На мустанге и в кибитке,
В песне, в книге, на открытке!

КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ ТО, ЧТО ПОЖЕЛАЕТ!

Здесь все:
Благоуханье сада,
Рассветный, зябкий
Посвист зяблика,
В тени листвы
Румянец яблока.
Пожалуйста —
Кому что надо!

А вам чего?
Из моря — соли?
С горы — вершину?
С неба — звезд?
Пожалуйста —
Вот чисто поле,
Дремучий бор
Во весь свой рост.

Вот отблеск солнца
С апельсина,
Тумана пряди,
Крик орла,
Вот волны
И прыжок дельфина,
А это —
Ваши два крыла.

Рисунки С. ОСТРОВА.

Берите —
Вот простор для взгляда,
Вот грустный шорох
Листопада,
Вот летний зной,
А вот прохлада,
Пожалуйста —
Кому что надо!

ДВА УЧЕНИКА И ДВА ПОРТФЕЛЯ

Шагают два ученика
От школьного порога.
Они ученики пока,
Но впереди дорога!

Шагают два ученика,
Несут свои портфели.
Плывут над ними облака,
Стоят седые ели.

Шагают два ученика
И машут в такт рукою.
В портфелях — школа, дом, река
И всякое другое.

Шагают два ученика
За горные отроги.
Кто скажет нам наверняка,
Что ждет их там, в дороге?

САМЫЙ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД НА СВЕТЕ

Был бы я зодчим,
Тетрадь и учебник
Я бы забросил
И взял карандаш.
Я бы работал,
Будто волшебник,
Город бы рос —
За минуту этаж!
Я бы такой
Спроектировал город,
Чтобы в нем летом
Не знали про зной,
Чтобы зимой
Забывали про холод,
Чтобы в нем было
Всегда, как весной.
Я обязательно
Каждому дому
Дал бы по малому
Ракетодрому,
Чтобы все люди,
Особенно дети,
Сколько охота,
Катались в ракете
И, захватив
Бутерброды и булки,
По выходным
Совершали прогулки.
Недалеко —
На Луну бы, к примеру,
Или подальше —
На Марс и Венеру.
Около дома
Плескалось бы, скажем,
Чистое озеро
В чаще лесной
С рыбой, с дельфинами,
С солнечным пляжем,
С радугой вечной,
С целебной водой.
Плавали б в озере
Яхты, гондолы,
Даже немного
Больших кораблей.
Были б на нем
И плавучие школы,
Чтобы учеба
Пошла веселей.
Был бы я зодчим,
Я взял бы и создал
Город на зависть
Другим городам,
Слава о зодчем
Летела бы к звездам,
А иногда залетала б
и к нам!

Перевел с сербского

Альсира Легаспи де АРИСМЕНДИ,
член ЦК Коммунистической партии Уругвая.

Мы будем свободными

Моя Родина — Уругвай. Уругвай находится в Латинской Америке. Вы знаете, что этот континент несколько столетий назад был поделен между Испанией и Португалией.

После того, как латиноамериканским народам удалось освободиться из-под испанского и португальского ига, начался период господства американского империализма, который задержал развитие Латинской Америки. И сейчас еще не все народы Латинской Америки завоевали свободу и независимость.

На этом континенте живет триста двадцать миллионов человек. Сто миллионов из них голодают. Смертность среди детей такая же высокая, как в самых отсталых районах мира. Пятнадцать миллионов детей не учатся в школе.

Многие люди не могут найти работу и живут в нищете. Во многих городах и селах нет ни врачей, ни школ, ни электричества.

Народ должен сам управлять своей страной. Яркий пример тому — Куба. Прошло только шестнадцать лет с тех пор, как была свергнута на Кубе диктатура Батисты, а сколько перемен произошло в стране!

На Острове Свободы все дети сейчас учатся, осуществлено всеобщее обязательное шестилетнее образование, а недавно революционное правительство издало закон об обязательном девятилетнем образовании.

По-другому живет наш народ.

Уругвай — маленькая, но прекрасная страна. Побережье его омывается Атлантическим океаном. У нас целый год тепло, и можно собирать по нескольку урожаев.

В моей стране есть все для того, чтобы страна жила богато. Но этого не происходит.

Многие уругвайцы вынуждены покидать родину, потому что они не могут прокормить семью. Жизнь в Уругвае очень дорогая. Цены на продукты, одежду, лечение, квартиру все время растут. Только за последний год они выросли почти вдвое.

В Уругвае самый высокий уровень грамотности по сравнению с другими странами Латинской Америки. Однако во время последней переписи населения оказалось, что и у нас только одна треть детей до пятнадцати лет смогла закончить шесть классов, и меньше одной десятой — среднюю школу.

Почему такое положение в стране?

Потому что земля, крупные заводы, фабрики, банки принадлежат двумстам богатейшим семьям. Капиталисты думают только о том, чтобы получить как можно больше прибыли, жизнь трудящихся их не беспокоит.

Монополии, главным образом США, вкладывают деньги в промышленность Уругвая и держат ее в своих руках.

В начале XIX века уругвайские патриоты во главе с Хосе Артигасом с оружием в руках боролись против испанского колониализма. Артигас разработал закон о передаче земли беднякам. Он говорил: «Будьте, уругвайцы, такими же просвещенными, как и храбрыми».

«Сильные мира сего» были против программы, предложенной Артигасом. Его выгнали из страны. Он уехал в Парагвай и там умер в нищете.

Теперь демократические и политические силы страны выступили за возрождение идей Артигаса. В 1971 году был образован Широкий фронт. Его возглавил генерал Либер Сереньи. 26 марта 1971 года в центре нашей столицы Монтевидео под звуки фанфар и Национального гимна рядом с государственным флагом Уругвая поднялся флаг артигистов.

Спустя несколько месяцев в стране начались национальные выборы. Каждый третий избиратель в Монтевидео отдал свой голос представителям Широкого фронта.

Но 27 июня 1973 года реакционные силы совершили в стране переворот.

Нынешние реакционные правящие круги позволили иностранным капиталистам вкладывать деньги в уругвайскую промышленность. Это значит, что они, и в первую очередь американцы, будут снова хозяйничать в нашей стране.

Парламент был распущен. Генерала Либера Сереньи арестовали, и он год просидел в тюрьме. 8 мая 1974 года был арестован мой муж Родней Арисменди, первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Уругвая. Но под давлением прогрессивных сил и движения международной солидарности, возглавляемого Советским Союзом, он был освобожден.

От жестоких пыток в застенке умерла руководительница молодежной коммунистической ор-

ганизации, преподавательница университета Нибия Сабальсагарай.

У нас запрещены профсоюзные организации, Национальный конвент трудящихся (так называется в Уругвае объединение профсоюзов) — в подполье, но он организует уругвайских рабочих на борьбу.

Рабочие устраивают забастовки, митинги протеста, первого мая, в день международной солидарности трудящихся, они выходят на демонстрацию.

В Монтевидео и других городах на стенах домов появляются надписи, зовущие к борьбе против реакционной диктатуры.

Регулярно выходит подпольная газета уругвайских коммунистов «Карта Семаналь», несмотря на то, что власти приказали разыскать типографию газеты, арестовать сотрудников редакции.

Коммунистическая партия борется за создание временного правительства, в которое вошли бы представители прогрессивных организаций, патриотических кругов и вооруженных сил страны. Против реакции объединяется весь народ: рабочие, прогрессивная интеллигенция, мелкая буржуазия и даже церковь. Они понимают: надо объединиться, чтобы добиться независимости страны.

У меня всегда вызывает восхищение ваша страна. Я много раз приезжала в Советский Союз, довольно хорошо знаю Москву, была в Узбекистане, Молдавии, Латвии, Сибири.

Я проработала в Уругвае больше тридцати лет учительницей, и понятно, что меня всегда интересует, как живут дети.

Вам, советским детям, наверно, трудно представить, что есть еще страны, где ребята страдают от голода и холода, живут в лачугах, никогда не носили обуви, пальто. Они учатся с трудом, потому что из-за голода и болезней отстают в развитии. Многие, кончив два, три класса, вынуждены идти работать.

Я видела, как о вас заботятся народ, правительство, партия. Забота о детях — это не только сегодняшний день страны, это и день завтрашний.

У меня вызывают глубокое уважение советские люди, ваши отцы и деды. Всего тридцать лет прошло с тех пор, как кончилась Великая Отечественная война. Их героический труд помог залечить раны, нанесенные войной. Такой труд возможен только в свободной социалистической стране, в стране, где хозяин — народ. Через журнал «Пионер» хочется пожелать всем советским ребятам успехов в учении. Растите достойной сменой старшим!

Рисунки А. ДУДКИНА.

Юрия Никулина знают все. И любят тоже все. И все хотят знать о нем всё. Во всяком случае, как можно больше. В «Пионер» пришло много писем от ребят с вопросами о Юрии Никулине. По нашей просьбе у артиста побывал журналист Владимир Шахиджанян.

ВОТ КАКОЙ БЫЛ У НИХ РАЗГОВОР

Корреспондент. Юрий Владимирович, многие ребята хотели бы оказаться на моем месте и спросить у вас: как вы стали Юрием Никулиным? Каким вы были в детстве?

НИКУЛИН. Что я могу сказать о своем детстве? Родился я в маленьком городке Демидове, в Смоленской области. Когда мне исполнилось четыре года, наша семья переехала в Москву.

Что я любил в детстве? Бабушкины рассказы, кино, мороженое. Любил играть в войну, рисовать, читать.

Корреспондент. Когда впервые у вас возникло желание стать клоуном?

НИКУЛИН. Мне исполнилось пять лет, и отец повел меня в цирк. Клоуны запомнились мне больше всего. В ярких костюмах они выбегали на арену, громко спорили, показывали смешные трюки. И так они мне понравились, что я твердо решил: стану клоуном. Пришел домой и тут же потребовал (именно потребовал, а не попросил), чтобы мама мне сшила клоунский костюм. В комбинезоне из ситца в желтый и красный цветочек, в жабо из бумаги я пошел на день рождения к одной девочке. Я вошел в квартиру и вспомнил, что в цирке все смеялись, когда клоун падал. Я сделал несколько шагов и грохнулся на пол. Лежу. Жду смеха. Никто не смеется. Я приподнялся и снова упал. Было больно (я тогда не знал, что падать надо умеючи), но рассмешить мне никого не удалось. Кто-то из взрослых шепотом спросил мою маму: «Ваш мальчик не болен?»

Так на собственном опыте я убедился, что быть клоуном не просто. Мало надеть цирковой костюм, нужно суметь рассмешить людей, а это — нелегкое дело.

Мое первое в жизни выступление провалилось. Но я не сдавался. Когда я был в первом классе, учительница спросила нас: «Кто хочет участвовать в концерте?» Моя рука тут же взметнулась вверх.

Мне дали роль «Горошка». С большим куском картона, на котором был нарисован стручок зеленого гороха, я выступал в номере «Огород». Нас, десятерых мальчиков, выстроили на сцене в ряд, и каждый, сделав шаг вперед, должен был произнести четыре стихотворных строчки об овоще, который он изображал. Настала моя очередь. Делаю шаг вперед и от волнения вместо стихов произношу: «А вот и репка». Зал засмеялся, а я, посрамленный, ушел со сцены. За кулисами учительница, строго на меня посмотрев, сказала: «А ты у нас, оказывается, комик, Никулин». После концерта я сделал два вывода. Первый: быть артистом страшно и трудно. Второй: в школе комиков не любят.

Корреспондент. Учительница рассердилась на вас из-за того, что вы заставили всех смеяться, хотя она-то готовила серьезный литературный монтаж. У вас это получилось нечаянно, или вы все-таки хотели рассмешить?

НИКУЛИН. Тогда я просто забыл текст и со страху выпалил первое, что пришло в голову. Неожиданность вызвала смех. Но мне было приятно, что ребята смеялись. С детства я обожал все смешное, остроумное. Мог часами слушать забавные истории, любил сам пошутить, изобразить что-нибудь комическое.

Но я всегда был против злых шуток. Знал, что шутка шутке рознь. Помню, на уроке один из моих товарищей опустил на учительницу на парашютике живую мышь. Учительница испугалась, от обиды чуть не заплакала. А все кругом смеялись. Главным заводилой розыгрышей на уроках в то время был я, и учительница решила, что это моих рук дело. Наверное, до сих пор так

думает. Сколько я ни убеждал, что к этому не причастен, мне не поверили. Вот и сейчас, много лет спустя, повторяю, что мышь на парашюте я не спускал. Такие шутки я не люблю.

Смех — это прежде всего доброта. Он не должен унижать человека. Можно высмеять человека так, что ему будет неловко, стыдно, может быть, даже жить на свете не захочется. А можно вызвать смех такой, что у всех поднимется настроение, захочется больше сделать в жизни, захочется всех кругом заразить своей радостью.

Корреспондент. Юрий Владимирович, вы проработали более двадцати пяти лет на манеже, что вы можете сказать о профессии клоуна, о ее особенностях? Многие считают, что это очень веселая профессия.

НИКУЛИН. Как-то после представления шел я усталый домой и думал о профессии клоуна. Мысленно я прикинул, сколько клоунов во всех цирках нашей планеты. Оказывается, это редкая профессия: на земном шаре почти четыре миллиарда людей, и только пятьсот из них — клоуны.

Почему люди идут в клоуны? Наверное, чтобы стать клоуном, нужно иметь особый характер, определенные взгляды на жизнь. Я получал письма, в которых незнакомые мне люди спрашивали: «Ну как вы можете заниматься таким унизительным делом — «паясничать»?»

Одна из моих школьных учительниц случайно встретила меня на улице и, узнав о моем решении учиться на клоуна, всплеснула руками: «Ну что вы, Юра? Как вы решились на такое? Клоун — это же несерьезно! Вы же умный человек! Вы хорошо учились в школе!!! Подумайте, пока не поздно, стоит ли унижать себя?»

Я долго размышлял. Может быть, это и вправду унизительно: стараться делать так, чтобы все кругом потешались над тобой?

Нет! Для меня слышать смех — радость, быть источником смеха — гордость для меня. Кто смеется добрым смехом, тот заражает добротой и других.

Помню 1943 год. Война. Я служил в частях Ленинградского фронта. Ночь. Кромешная тьма. Осень не осень, зима не зима: холодно, сыро. Мы идем в соседнюю часть помогать рыть котлованы, в которые надо спрятать технику. Лопат с собою не взяли: рассчитывали, что их выдадут на месте. Прошли шесть километров по размытой дороге под дождем. Наконец — у цели. Нас встретил худой, с изможденным лицом майор. Он тоже, видно, устал и потому раздраженно спрашивает: «Сколько вас?» «Сорок человек»,— отвечаем. «Инструменты есть?» И тут мы чувствуем: сейчас нам попадет за то, что не взяли лопаты.

«Есть! — бойко отвечаю я за всех.— Вот!» — и вытаскиваю из сапога алюминиевую ложку. Хохот вокруг страшный. Майор на секунду застывает. Потом смотрит на меня пронзительным взглядом и вдруг... сам начинает смеяться вместе со всеми. «Ладно,— говорит он,— покормим вас потом. А сейчас за работу. Получите лопаты». Мы работали весело. Котлован выкопали за два часа, а потом нас отлично накормили.

Хорошая, добрая шутка может разрядить напряженную обстановку, снять усталость, погасить готовую вспыхнуть ссору. Вот какой силой обладает юмор!

Медики утверждают, что одна минута смеха продлевает человеку жизнь на день. На каждом представлении клоуны бывают на манеже в среднем полчаса. Так что один спектакль в цирке, если верить медикам (а я им верю), продлевает людям жизнь на месяц. Недаром восточная пословица говорит: «Один клоун, приезжающий в город, дает людям больше здоровья, чем сто ишаков, нагруженных лекарствами».

Моя профессия — смешить каждый день. Во что бы то ни стало вызывать смех у зрителей. Помню, однажды заболел мой сын, совсем еще малыш. Врачи опасались за его жизнь. Я был тогда в Ленинграде, выступал три раза в день, потому что шли школьные каникулы. И все эти дни я думал только о сыне. По нескольку раз звонил домой, в Москву, спрашивал жену о здоровье мальчика. Но я твердо знал, что утром начнется новое представление, на которое придут тысячи ребят и никто из них не должен знать, что у одного из артистов дома горе. И я держался. Помогала актерская техника, веселый настрой зала, который на время отвлекал и заставлял забыть о своей беде.

*Один клоун, приезжающий в город,
дает людям больше здоровья, чем
сто ишаков, нагруженных лекарствами.*

Корреспондент. В каждом классе есть свои клоуны — любители пошутить, развеселить всех. Одноклассники относятся к ним терпимо. Учителя — с осуждением. Ваше отношение к таким ребятам?

НИКУЛИН. В принципе к школьным клоунам я отношусь хорошо. Они умеют пародировать, и так это делают, что удержаться от смеха просто невозможно. У них есть такие способности. Но способностями надо умело пользоваться. Лучше всего их проявлять на школьных вечерах, на праздниках, в крайнем случае на перемене. Но, конечно, не на уроках. Просто жаль бывает горе-остряков, разыгрывающих из себя глупеньких. Дурачиться ради того, чтобы на тебя обратили внимание, вряд ли стоит. Что получается? Ребята подначивают школьного шута: «Изобрази что-нибудь!» Тот поддается. Учителю трудно вести урок, шутнику, конечно, попадает. Те же, кто подначивал, вроде бы оказываются ни при чем. А у класса складывается несерьезное отношение к клоуну: «Он у нас такой... с приветом». Это обидно и даже унизительно: нужно всегда, в любых ситуациях сохранять свое человеческое достоинство.

Корреспондент. Многие ребята «болеют» актерской профессией. Они мечтают стать артистами. Родные же, как правило, считают, что это — несерьезное увлечение. В семье возникает спор. Как бы вы, Юрий Владимирович, посоветовали проверить себя, по верному ли пути идут поиски призвания.

НИКУЛИН. Могу дать только общий совет. Нужно как можно больше читать книг об искусстве: о театре, кино, цирке, эстраде. Непременно надо попробовать себя в самодеятельности (в школе, в Доме пионеров в клубе) и делать там все, что потребует спектакль: шить костюмы, строить декорации, играть, не гнушаясь маленькими ролями, писать тексты для «капустников», заниматься освещением, реквизитом. В искусстве всегда много черновой работы. И еще — стараться как можно лучше учиться, выкинуть из головы такие мысли: «Я буду актером, и физика, химия, математика мне не нужны». В жизни все науки могут пригодиться, а кроме того, именно так можно проверить свою силу воли. Профессия актера требует огромной силы воли, выносливости, терпения.

Я думаю, что каждому мальчику и девочке нужно как можно больше пробовать, искать себя. Есть вожатые, родители, педагоги, выступающие против ребячьей «всеядности». Они ругают тех, кто сегодня занимается в фотокружке, завтра идет в драматический, а через год увлекается радио. Я бы не ругал. Уверен, чем больше человек в детстве и юности испробует, тем раньше он определит свое призвание. Нужно выбирать профессию самую любимую. Иначе потом будет трудно жить. Работа должна быть радостной, приносить удовлетворение.

Корреспондент. Были ли у вас в жизни неудачи?

НИКУЛИН. Конечно. В жизни успехи чередуются с неудачами, плохое настроение с хорошим. Но если веришь в себя и любишь дело, непременно сможешь себя проявить.

Если же говорить о моих личных неудачах, то я навсегда запомнил, как поступал в театральный и кинематографический вузы. Я вернулся в Москву, отслужив семь лет в армии, и решил поступать на актерский факультет. На экзамене один из членов комиссии дал мне такое задание:

— Представьте себе, что вы глухонемой. Как вы попросите у меня молоток?

Я честно включаюсь в роль глухонемого: что-то мычу, тычу себе пальцем в грудь, а затем рукой, сжатой в кулак, делаю движение, будто забиваю гвоздь.

— Прекрасно,— одобряет меня экзаменатор.— А теперь представьте, что вы слепой, и попросите у меня ножницы.

Для большей достоверности закрываю глаза и двумя пальцами воспроизвожу движение ножниц. Слышу ехидный голос:

— Артист должен быть внимательным. Вы же только слепой, а не слепоглухонемой. Можно просто сказать: «Дайте мне, пожалуйста, ножницы».

На этом закончилось мое поступление. Не приняли меня и в театральный институт имени Луначарского и в училище имени Щепкина, безрезультатно я поступал в училище имени Щукина, во ВГИК. Я никак не мог решить, что же мне делать дальше. Может быть, пойти работать, но куда? Но, видно, крепко сидела во мне мечта стать актером.

Прочел я в газете «Вечерняя Москва» объявление о наборе в студию клоунады при Московском цирке и ре-

шил попробовать. Конкурс был большой, но экзамены я выдержал и начал заниматься. В студии состоялся и мой первый в жизни выход на манеж. Роль показалась мне несложной: нужно было выйти и обратиться к ведущему со словами: «А сейчас я покажу вам интересный фокус. Подождите немного, я принесу из-за кулис свою аппаратуру». После этого мне полагалось уйти и появиться снова только к концу номера для того, чтобы опрокинуть на голову одному из клоунов ведро с водой. Я вбежал на освещенный манеж и растерялся: публика сидела по кругу, и куда бы я ни повернулся, все равно оказывался к кому-то спиной. Ужасно невежливо. Я волчком завертелся на месте. Пока крутился, забыл слова. Остановившись наконец против ведущего программу Александра Борисовича Буше, увидел его строгий взгляд и от страха замер. А он, опытный инспектор манежа, сразу все понял и бодро спросил меня:

— Насколько мне известно, вы собираетесь показать нам фокус, но вам надо принести аппаратуру?!

— Да!!! — закричал я в ужасе.

— Ну, тогда идите и принесите, — распорядился Александр Борисович Буше.

За кулисами, ругая и успокаивая одновременно, на меня накинулись артисты. На манеже продолжали номер, я немного отошел, и под конец клоунады, как это и полагалось, вышел на манеж и довольно бойко, с некоторым даже, я бы сказал, шиком опрокинул на голову одному из клоунов ведро с водой. За кулисами меня чуть не побили, потому что ведро я надел на голову не тому, кому нужно. И тогда я понял: сидя за столом в студии, можно изучить досконально все, но без практики клоуном не станешь.

После окончания студии меня приняли в клоунскую группу Карандаша, знаменитого, талантливого артиста. У него я делал все: чистил животных (собак и ослика), смотрел за реквизитом, играл небольшие роли в клоунадах. Здесь я прошел настоящую цирковую школу, познакомился с Михаилом Шуйдиным, который стал моим партнером. И вот уже двадцать пять лет мы вместе выходим на манеж, показывая различные интермедии, сценки, репризы. Вместе с ним мы побывали с гастролями советского цирка в Америке, Австралии, Англии, Франции, Канаде, ГДР, Польше, Чехословакии и во многих других странах. Вместе с ним я объехал и всю нашу страну.

Корреспондент. Юрий Владимирович, на манеже вы каждый вечер делаете примерно одно и то же. Вам не надоедает это?

НИКУЛИН. Скажу откровенно, это тяжело. Иногда нет никакого желания идти на работу. Хочется пойти в кино, в гости или почитать хорошую книгу вместо того, чтобы в тысячный раз выходить на манеж. Но это проходит, как только включаешься в привычный ритм цирковой жизни, гримируешься, одеваешься, готовишь реквизит. Глядя в щелочку занавеса на зрительный зал за несколько минут до начала представления, чувствуешь, как у тебя начинает быстрее биться сердце. Мысленно ты уже там, на публике, которая тебя ждет. А если публика тепло встречает твое первое появление, забываешь, что все это сделано тобой и переделано тысячу раз, и начинаешь работать с полной отдачей, как будто это дебют.

Корреспондент. И последнее, Юрий Владимирович. Нет ли у вас какого-нибудь вопроса или просьбы к ребятам, нашим читателям?

НИКУЛИН. Есть. Вопрос, он же и просьба. Я сейчас начал писать книгу о себе, о цирке, о кино. Она должна выйти в издательстве «Молодая гвардия». И мне хотелось бы узнать, что интересует ребят. Поэтому я прошу

прислать в редакцию журнала «Пионер» ответы на два вопроса.

Первый: что вам хочется узнать о цирке? Второй: о чем бы хотелось прочесть, на какие вопросы получить ответы в рассказах о кино?

ЖДУ ВАШИХ ПИСЕМ, РЕБЯТА.

ВНИМАНИЕ! ЗАРУБЕЖНЫЕ СООБЩЕНИЯ!

Так возвращались ребята в родные города, когда в Северном Вьетнаме наступил мир.

Они сражались вместе с отцами в рядах Народного Фронта Освобождения Южного Вьетнама.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПИОНЕРОВ И ТИМУРОВЦЕВ ВЬЕТНАМА С ТРИДЦАТИЛЕТИЕМ СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ!

На земле Вьетнама установился прочный мир. Республика Южный Вьетнам одержала победу над агрессорами и сайгонским режимом. А по другую сторону семнадцатой параллели, в Северном Вьетнаме, празднуется 30-летие со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам.

Рядом со взрослыми сражались и делили тяготы войны вьетнамские дети. А теперь пионеры-тимуровцы Вьетнама заботятся о ветеранах и инвалидах войны, о семьях погибших, помогают взрослым строить социализм.

Ваши друзья, тимуровцы Вьетнама

Нгуен Ван Сиенг живет в провинции Хайхынг, учится в 7-м классе. За хорошую учебу и отличную пионерскую работу он награжден Почетным знаком Хо Ши Мина. Это высокая награда, и Нгуен Ван Сиенг старается ее оправдать.

Недавно он прочел книгу А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Собрал своих друзей, и все вместе они решили создать тимуровскую команду.

Недалеко от школы живет семья солдата Нгуен Ван Тюйена. На фронте он был тяжело ранен, контужен. И ребята пришли в его дом, чтобы помочь этой семье. Они помогают вспахивать поле, обрабатывают его мотыгами. Сажают рис, а стебли риса сдают потом в мастерские, которые занимаются художественным промыслом. По дому тоже много работы, друзья Нгуен Ван Сиенга выполняют все просьбы. А вечером, когда вся семья и пионеры-тимуровцы собираются вместе, солдат Нгуен Ван Тюйен рассказывает о мужестве и храбрости вьетнамских партизан, о подвигах своих товарищей. Ранен он был во время бомбежки американских бомбардировщиков. Бомба

Пионеры ДРВ в Артеке.

попала в колонну солдат. Взрывной волной его отбросило в сторону, и он остался жив. Но был контужен, тяжело ранен, и врачи опасались за его жизнь...

Нгуен Ван Тюйен говорит, что дружба ребят — самое лучшее для него лекарство.

Боевой агитатор

— «Тимур и его команда» — особая книга, — говорит Чыонг Хонг Зуен, заместитель заведующего отделом пионерских и юношеских организаций комитета комсомола провинции Лай Тяу на севере ДРВ. — Эта книга — боевой агитатор. Она подсказывала нашим пионерам, что делать им во время войны и теперь, когда отгремели бои.

Книга Гайдара «Тимур и его команда» несколько раз издавалась во Вьетнаме, и печатали ее в типографии, которая находилась в джунглях. Вьетнамские ребята очень полюбили ее, и с каждым днем тимуровцев становится все больше и больше на севере и на юге Вьетнама. Пионеры - тимуровцы помогают семьям погибших воинов, инвалидов войны. Собирают хворост, носят воду, присматривают за маленькими детьми. Если школа далеко, провожают малышей в школу. Подготавливают к посеву рис, чистят каналы, по которым на поля проходит вода. Ухаживают за курами, коровами, буйволами. В дни праздников выступают с концертами, устраивают в деревнях вечера памяти героев. Неграмотных учат грамоте.

Тимуровское движение в обеих частях Вьетнама называется движение Чан-Куок-Тоан (по имени маленького национального героя). Но ты видишь, дела тимуровцев Вьетнама очень похожи на дела наших тимуровских отрядов и команд.

ТИМУРОВЦЫ ВЬЕТНАМА — ТВОИ БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ!

Л. СИМОНОВА

Ирина ПИВОВАРОВА

Как я собирала грибы

Пошла я за грибами, —
Корзинку потеряла.
Пока ее искала, —
Косынку потеряла.
Пока ее искала,—
Ленту потеряла.
Пока ее искала,—
Тапочка пропала.

Чтоб мама не ругала,
Пойду искать сначала.

Пока искала тапочку,
Нашла в траве косынку.
Пока искала ленточку,
Нашла в траве корзинку.
А вот и лента с тапочкой!
А рядом —
Три волнушки,
Два беленьких,
Два рыжика
И три больших свинушки!

Эмма МОШКОВСКАЯ

Чернозем

Черная земелька,
а милее нет.
Черная земелька —
белый-белый хлеб!
Черная земелька —
красная морковка,
белая,
спелая
капустная головка,
сахарная свекла...
Помнишь ли урок?
Черная земелька —
белый сахарок!

Что бы, что бы посадить?
Что еще бы посадить?
По дороге черноземной
даже жалко
ходить!

Виктор ЧИЧЕНИН

Дуб

У развилки
Трех дорог
Дуб
До веточки продрог.
Градом бит,
Морозом схвачен
Дуб не стонет
И не плачет.
Дуб могуч
И величав —
Держит
Солнце на плечах.

Андрей ЧЕРНОВ

***

На бульваре
Листвы поредела стена.
Дождь летит.
Мокнет очередь.
Лужи как блюдца.
— Что дают?
— Листопад.
— Листопад?.. А цена?
— Раз нагнуться.

Раим ФАРХАДИ

Гербарий

Желтеют на березе,
Краснеют на осине,
Рыжеют на рябине,
Темнеют на дубке.
Но дует ветер грозный,
Но дует ветер сильный —
И листья закружились,
Мелькая вдалеке.
Ложатся тихо листья,
Лежат на тротуаре
И на тропинках в парке
Тихонечно шуршат...
Пройду среди деревьев
И соберу гербарий,
Который мне подарит
Осенний листопад.

Вперед, Джим!

С. ИВАНОВ

Имка мало чем отличался от двух своих братьев и сестры, которые грелись вместе с ним у мягкого материнского бока. Лапы крепкие, мордочка умная, шерсть черная с серым — все обычно для восточноевропейской овчарки. Только, может, уши чуть внимательней: едва где незнакомый звук — сейчас же поднимаются двумя острыми шалашиками.

Первые полгода его жизни прошли просто и беззаботно. А потом... Имка не помнил точно... его повезли куда-то, повезли... Короче, вместе с сотней других молодых собак Имка попал в школу служебно-розыскного собаководства.

После городского шума и беспокойных городских запахов здесь было на диво тихо и чисто. Пахло только знакомым, собачьим. Имка жил в небольшом домике. Три деревянных стенки, а вместо четвертой — металлическая сетка. Была зима, но Имка совсем не мерз: шерсть у него была преотличная, а потом на полу всегда была свежая солома, и снизу шло очень приятное сухое тепло. (Откуда было знать Имке, что под полом проведены трубы центрального отопления?)

Итак, Имка жил в своем доме и носом слышал (а может, лучше сказать, «видел»?), что в клетках слева и справа тоже живут собаки. Жили они и ничего не знали о своем будущем, и Имка ничего не знал.

А уже начались испытания — как бы вступительные экзамены... Вдруг их стали кормить как на убой! Имка, который никогда не был жаден, и здесь вел себя, так сказать, прилично. А были псы, которые объедались, словно они не овчарки, а китайские мясные собаки чау-чау. Люди в милицейской форме ходили вдоль клеток и внимательно ко всему приглядывались...

Потом собакам совсем перестали давать похлебку. Целых двое суток не кормили! Некоторые псы выли, скулили, царапали решетку. А наш Имка и теперь вел себя «прилично»: нет еды, ну что ж поделаешь, надо, значит, потерпеть!..

Прошло сколько-то времени, и собак в школе значительно поубавилось. К служебно-розыскной работе не годятся псы, которые слишком уж дорожат полной миской!.. Но экзамены были еще далеко не окончены.

Стояла глухая ночь. Дождь со снегом метался над собачьей школой. Вдруг человек (Имка уже немного знал его) вывел Имку на улицу, пристегнул поводок... Имке не то чтобы страшно было, но все же как-то не по себе стало, когда они бросились бежать куда-то в кромешную тьму... Вдруг на пути их неожиданно распахнула пасть черная яма — она была еще чернее самой черной ночи. И человек прыгнул туда. Имка на короткие полсекунды вздрогнул всем своим собачьим сердцем. Но тотчас — была не была! — прыгнул вслед... И ничего не случилось, лапы мягко спружинили. «Вперед! Молодец, Джим!» — крикнул человек, и они опять побежали. Имка, ободренный его ласковым и требовательным голосом, скакал уже впереди!

И новое препятствие — вода. А где другой берег? Да разве в ночи разберешь! «Вперед, Джим!» И снова пес сумел одолеть свой страх, прыгнул вслед за Хозяином, поплыл, вытянув вперед морду и прижав уши, чтобы вода не наливалась. «Ну, молодец! Молодец!» — говорил Хозяин, когда они выбрались на берег. Джим (теперь уж не Имка!) с удовольствием отряхнулся. Ему радостно было слышать твердый ободряющий голос этого человека, Хозяина. Только с настоящим Хозяином можно выпутаться из таких передряг!

Теперь они шли спокойно. Кажется, и ветер стал тише, кажется, и дождь со снегом перестали. Хорошо

было трусить потихоньку, высунув язык, и чувствовать только свежий ветер да запах Хозяина!

Тропинка, по которой они шли, была совсем узкой. А слева и справа черными тучами высились голые зимние кусты... Вдруг в нос Джиму ударил какой-то новый запах — тревожный, чужой. Но сообразить как следует или тем более что-то сделать пес не успел. Да он и не знал, что нужно делать. «Ба-бах! Ба-бах!» — хлестнули из кустов резкие и оглушительно-злобные звуки, вместе с ним взметнулись вспышки огня. Джим остановился как вкопанный. Ужас объял его!.. Но он не поджал хвост, не побежал, а весь ощетинился, прижавшись к ноге Хозяина, и издал глухое, грозное рычание...

Такие испытания Джим проходил не раз и не два. Но всегда он оказывался молодцом! Наверное, таким уж он родился — с неукротимым и смелым сердцем бойца, с огромной верой в правильность поступков человека, Хозяина, которую он унаследовал от миллионов и миллионов своих предков из древнего рода собак.

А занятых домиков в школе оставалось все меньше и меньше. Наконец их осталось совсем мало. Собак, не прошедших испытания, отправляли назад, к прежним хозяевам или на менее почетную и ответственную работу. Из сотни «абитуриентов» едва ли осталось десять! Да, жесткий отбор. И, наверное, кое-кому он показался даже жестоким. Но что же поделаешь? Такова уж служба!

У Джима и его новых товарищей по школе начались занятия. Сначала их обучали примерно тому, что должны уметь и все «штатские» собаки, пришедшие на специальную площадку (такие площадки есть едва ли не в каждом городе): псы учились выполнять команды «Сидеть!», «Лежать!», «Ползти!», «Ко мне!», «Апорт!» Их учили преодолевать барьеры, ходить по бревну, прыгать через ямы... Со всем этим Джим и его товарищи управились примерно за месяц. И еще они крепко-накрепко привыкли слушаться своих хозяев, поняли, что в этом их собачье счастье и главный собачий долг!

Потом началось настоящее учение... Хотя, конечно, и в «первом классе» были элементы специального. Например, простая собака обычно не умеет через двухметровый барьер или четырехметровую яму перемахнуть, а Джим умел. Но все же, как говорится, «это службишка, не служба. Служба будет впереди!»

Однажды Хозяин вывел Джима на площадку, повертел перед его мордой варежку, отдал ее стоящему рядом человеку и строго попросил: «Ищи!». Джим не знал этой команды, он внимательно посмотрел на Хозяина. «Ищи, Джим!» Что это значит? Чего хочет Хозяин? Пожалуй, что таким же голосом он приказывал: «Апорт!» Джим неуверенно подошел к тому человеку, у которого была варежка, взял ее зубами, опять по-

Рисунок
И. КРАСУЛИНА.

*Вот он, Джим,
со всеми
своими наградами.*

смотрел на Хозяина. «Молодец, Джим!» — сказал Хозяин и дал псу кусочек мяса... Так и шла потихоньку тренировка. Человек с варежкой отходил все дальше, дальше. Потом вместо варежки были другие предметы... Потом Джиму только давали понюхать предмет и прятали... Где? А вот бегай, ищи!.. Джим бегал по огромному полигону и нюхал, нюхал. А в его памяти крепко-накрепко сидел запах того предмета, который надо было отыскать... Все это, конечно, происходило не так быстро, как здесь написано. И все же Джим делал хорошие успехи. Он умел уже, понюхав предмет или место (клочок земли, ступеньку, подоконник), бежать потом по следу человека, который раньше держал этот предмет в руках или стоял здесь. А след то вился понизу, то, сдунутый ветром, висел в воздухе невидимой манящей паутинкой. Джима это не смущало. Он мог даже бежать в нескольких метрах от запаха, но ни на секунду не выпускал его из... нюха!

А жил он по-прежнему в своем домике, где всегда ждала его сухая подстилка на теплом полу и в положенные часы — миска супа. Набегавшись за день, Джим с удовольствием хлебал его. И ничего не знал он про то, какие пиры иной раз устраивают себе простые псы, когда хозяева бросают им хорошую кость!.. Ах, что за наслаждение — хорошая кость! Это же — настоящее собачье пирожное!.. Но Джиму и его товарищам никогда не давали костей. От костей у собак зубы тупятся и болят. А для служебно-розыскной собаки зубы — это оружие. И оно должно быть острым и грозным!

Итак, Джим мог теперь, если понадобится, найти потерянную вещь. И мог найти человека по оставленной им вещи или по оставленному запаху. Вам, конечно, понятно, что это мог быть за человек, которого надо было искать с собакой,— преступник! А вот Джиму это еще не было понятно. И это ему должен был объяснить Хозяин...

Они вышли на площадку. Впереди Джим увидел какую-то странную фигуру — неповоротливого человека, который смотрел на них. Джим невольно насторожился. И тотчас почувствовал, что насторожился и Хозяин. Они подошли ближе к той фигуре, и она стала делать непонятные, раздражающие Джима движения. Джим невольно зарычал. И вдруг Хозяин крикнул: «Фас!» — и подтолкнул Джима. А зловещий человек в этот момент как раз замахнулся. Пес оскалил зубы, прыгнул и вцепился в выставленную вперед правую руку своего врага!..

Упражнение это повторялось раз за разом. Джим уже отлично знал, что «Фас!» — это значит «Вперед», и зубами мертвой хваткой впивайся в ненавистную правую руку...» Джима тренировали именно на правую руку: ведь как раз в ней бандит обычно держит оружие — нож или пистолет... Наверное, вы уже догадались, что «врагом» Джима был покуда инструктор. А чтобы Джим действительно не прокусил ему руку, инструктор надевал специальную куртку. Она брезентовая, под брезентом пятисантиметровый слой войлока. А сверху рукав обшит еще кожей — зубы-то у служебно-розыскных собак крепкие, острые, а челюсти мощные — что тиски!..

Один за другим убегали школьные деньки. Джим уже научился брать след, обнаруживать и обезвреживать преступника. И вот... и вот началась работа.

Если б Джим умел рассказывать, он бы многое нам порассказал! Например, о том, как однажды он вместе со своим Хозяином патрулировал ночью в парке. Было тихо и тепло, и комарики скучно зудели — прямо как в настоящем лесу.

И вдруг Хозяин увидел, как из темной аллеи, воровато озираясь, вышли двое. В руках у одного подозрительный куль. «А ну-ка, постойте, граждане!» Однако те двое не то что не остановились, а, наоборот, бросились бежать. «Стой!» Хозяин побежал за ними, Джим несся рядом... Вдруг один из беглецов резко остановился, рука его скользнула в карман. «Фас!» Секунда, вторая... Бандит вскрикнул от боли — из руки его с тяжелым стуком выпал пистолет!.. Не ушел и второй, ведь Хозяин (он был старшиной милиции) отлично знал приемы боевого самбо.

А был и такой случай. В отделение милиции позвонил постовой, голос несколько растерянный: «Такое дело... Обратилась ко мне иностранка. Говорит, потеряла очень дорогую брошку... Где потеряла? Да в парке!» Через пятнадцать минут Джим и его Хозяин были на месте происшествия. Пес приветливо обнюхал растерянную даму в огромной шляпе и принялся за дело... Прошло еще минут пятнадцать, за это время Джим принес два металлических рубля, три пуговицы, и (иностранная гостья сказала «Ах!») из огромной улыбающейся пасти Джима сияла всеми цветами радуги брильянтовая брошь!

...Мы говорим: собака — друг человека. И это правильно! Только давайте после знакомства с Джимом немного уточним эту формулу: собака — друг хорошего, честного человека!.. А что касается преступника...

Преступнику не уйти!

Академия домашних волшебников

Уже осень. Но сегодня день совсем летний, жаркий — первое сентябрьское воскресенье. Марина сидит в тени ивы на берегу канала, выставив на солнце свои чернющие, загорелые ноги, и лениво смотрит на проплывающие баржи и катера.

Полдень. Синее небо, синяя вода, синие деревья... Вода звенит, воздух звенит, ива звенит... Диннннь-доон-ди-н-н-н...

— Почему звенит ива? — вслух спросила Марина и закрыла глаза. — Звенит... странно...

— Звенит, ...но не странно, — пропел кто-то насмешливо в самое Маринино ухо и тихонько провел по щеке.

— Это ты! — улыбнулась Марина и подставила левую ладонь, никто на свете не может так чуть насмешливо, но совсем не обидно сказать, как умеет Калинка. — Я гребла два часа на лодке, а теперь ленюсь немножко... Посиди со мной...

И Калинкина ладошка утонула в Марининой загорелой руке, и обе они счастливо засмеялись — ничего нет на свете прекраснее встречи друзей, даже если они виделись всего неделю, день или час назад. А Марина с Калинкой не виделись целых семнадцать дней с того самого пира на весь мир, что устроили Лёка, Марина, Алеша, Боб и Наташа, сестра Боба в честь окончания труднейших Калинкиных экзаменов и ее поступления на высшую ступень Академии.

Чего только они тогда не наготовили! И мороженое (между прочим, трех сортов: сливочное, шоколадное и земляничное), и трюфели (между прочим, с ореховой начинкой), и слоеные пирожки с яблоками, и пирожное «картошка», и, конечно, хворост, и любимые Калинкины печеньица с лимонной корочкой, и мусс из черники, и молочные коктейли, и лимонад. Это все сладкое — на десерт. А вначале был настоящий праздничный обед: очень вкусный капустный салат с яблоками и зеленью, маринованные пикули, кабачковая икра, рыба в маринаде, бульон с гренками, фаршированный перец, котлетки под томатным соусом и чудо вкусности — картофель с грибной начинкой.

Но самым удивительным был салат из листьев одуванчика и крапивы, приготовленный Калинкой из листьев совсем нежно-весенних, апрельских. И откуда она их только взяла в конце августа. Но ведь это Калинка!..

Ребятам этот салат показался вкуснее всего, и Лёка сказала, что весной, в апреле и мае, будет делать его каждый день. Тем более что он очень полезный.

А что понравилось Калинке? Пирог с вишнями и сбитыми белками — тот, что приготовил... Боб Сухарев. Как он был доволен, когда Калинка сказала, что ей очень понравился пирог!

— И не только пирог, — добавила она тихонько. — Я всегда верила и надеялась... — сказала она еще тише, чтобы слышал только Боб.

Боб и сам понимал, как он изменился с того самого мартовского утра, когда Калинка проверяла его знаменитыми сосульками. Бобу даже кажется, что тогда был и не он, Боб, а какой-то другой, совсем неинтересный ему теперь человек — враль, хвастун, неумейка и лентяй. Но вот о чем Боб задумался, так это о Калинкиных словах: «Я всегда верила и надеялась...». Честно говоря, Бобу частенько казалось, что Калинка и не замечает его, а оказывается, совсем не так. Может быть, и Боб-то изменился только оттого,

что Калинка верила и надеялась. Всегда!!!

Пир был удивительный: веселый, вкусный. Танцы, игры. А все, что ребята приготовили, кроме, правда, перцев и рыбы в маринаде, пирога с черникой и слоеных пирожков с яблоками, в разное время было записано в заветной Лёкиной тетрадке. Лёке очень хотелось бы записать и все остальное. Но не будешь же спрашивать за столом, как это Калинка готовила салат или как это Бобу удался пирог. Неинтересно совсем за праздничным столом заниматься такими разговорами. Но потом Лёка обязательно все запишет. А пока в ее заветной тетрадке появилась только одна страничка: «Перец, фаршированный мясом и овощами». Потому что этот перец она готовила сама. И придумала сама.

Необходимо: десяток сладких болгарских перцев, 400—500 граммов мясного фарша, 3 хороших морковины, 2 больших головки репчатого лука, 3—4 помидора, пучок зелени, 150 граммов сметаны, 3 ложки подсолнечного или топленого масла.

Еще необходимы: сковородка и широкая низкая кастрюля.

Что предстоит сделать: сначала обмоем в холодной воде все овощи, очистим их, а из перца вынем зерна, промоем снова в холодной воде. Приготовим фарш, начиним перцы фаршем. Приготовим помидорно-сметанный соус. Зальем перцы соусом и запечем их в духовке или потушим на огне.

А делать это надо так: очищенные перцы присолим слегка внутри и сверху и отставим пока в сторону, чтобы заняться фаршем.

Фарш готовится из мяса, моркови, лука, зелени петрушки.

Ставим сковородку на средний огонь, наливаем ложку подсолнечного масла или 1/2 топленого, шинкуем мелко одну луковицу, опускаем в разогретое масло...

Лук, если хочешь, чтобы блюдо, в которое его добавляешь, получилось вкусным, требует особого внимания. Лук не должен быть пережаренным на сильном огне, темным или тем более черным — вся душистость и острота исчезнут. Лук не должен на слабом огне раскиснуть в масле и превратиться из короля кухни в бледную промасленную мочалку. Хорошо поджаренный лук — золотистый, чуть подрумяненно розоват, хрустяще сочен и душист! Для этого огонь должен быть средней силы; сковородка разогретой, но не перегретой, масло горячим, но не чадящим; масла достаточно, но не слишком.

...Лук розов и душист. Ссыпаем его на тарелку, а его место на сковородке (не забудь добавить масла) занимает мелко шинкованная, стружкой, морковь. Присаливаем ее чуть и чуть подсахариваем. Морковь слегка подтушиваем на сковородке, без румянца, до полуготовности, все время ворошим вилкой, всего минут 5. И присоединяем к луку на тарелку.

А сковородка снова отправляется на средний огонь. Добавляем масла и опускаем туда мясной фарш. Но не жарим его, а тоже подтушиваем до полуготовности минут 5—7. Все время ворошим, разминаем вилкой. Чуть присолим. Снимем с огня, добавим лук и морковь, тонко нарезанную зелень — укропа, петрушки, мяты, сельдерея, кинзы — по собственному вкусу, можно любую смесь или какую-либо одну травку. Пробуем! Вкусно? Вкусно, только, пожалуй, чуть, самую крошечку, приперчим и чуть присолим. Фарш должен быть душистый и сочный...

...Теперь наполняем перцы фаршем и складываем их в кастрюлю, в один ряд...

Соус готовим на той же сковородке. Опять сначала обжариваем лук, совсем мелко-мелко шинкованный, как порозовеет, добавляем мелко рубленные помидоры, пусть вместе потушатся минуты 3—4. Снимем с огня, добавим туда сметану, 1½ стакана воды, немного зелени, посолим, посахарим, хорошенько размешаем. Попробуем, капнув с ложки на левую ладошку... Вкусно!..

...Заливаем перцы соусом и ставим под крышкой в духовку. Огонь сильный, минут на 15—20, а потом крышку снимем и минут 8 пусть подпекутся, чтобы образовалась корочка. А можно перцы не запекать в духовке, просто потушить на конфорке на среднем огне. Крышку надо закрыть плотно, но внимательно следить за ог- →

нем, чтобы соус не «убежал» или, еще страшнее, не пригорел.

Вязаный жилет для Боба, размер 44

Расход шерсти одного, двух или трех цветов — 300 г.

Спицы — 3—5 мм.

Прежде чем начать вязать жилет, надо определить, какое количество петель надо набрать (жилет мы начинаем вязать снизу). Набор количества петель зависит от толщины спиц, шерсти и от плотности вязки.

Расчет петель: вначале свяжем небольшой образец на 25—30 петель высотой 4—5 см той вязкой, которой будем вязать жилет. Например: образец в 24 петли в ширину равен 8 см, значит 24 : 8 = 3 петли на 1 см. Цифры не округляем, чтобы избежать неточности. Помним, что после глажения вязка растягивается.

Теперь приступаем к вязке. Обмерим окружность бедер, рассчитаем и наберем нужное количество петель.

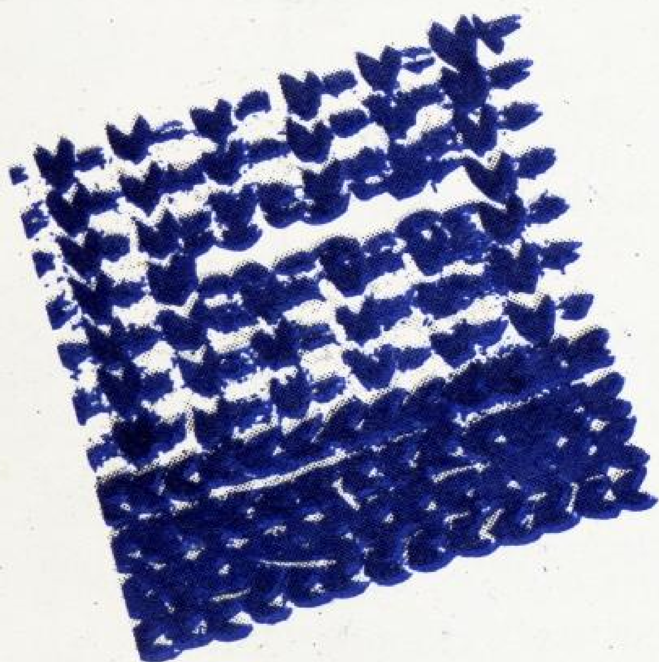
Если внизу вывязать широкую модную резинку, то все 11 см вяжем резинкой 2×2 или 2×3, если хотим узкую резинку, то 6 рядов провяжем резинкой 1×1 или 1×2.

Если вяжем жилет на застежке, то вяжем полотнище без боковых швов.

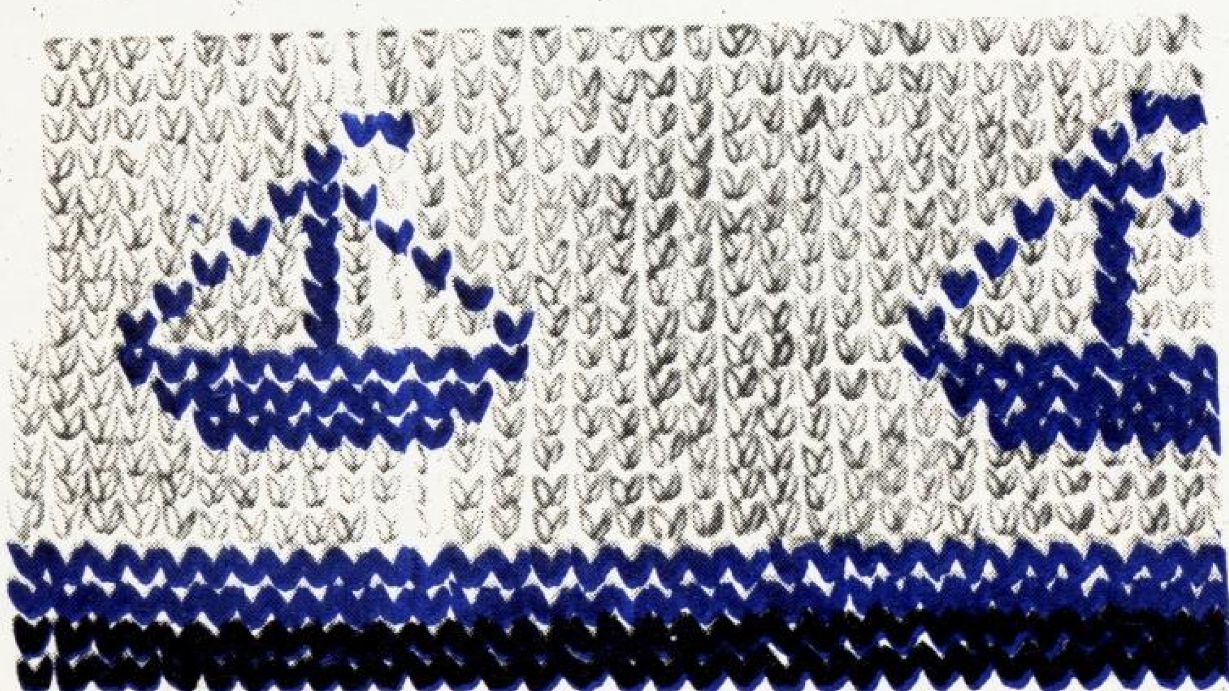

После резинки вяжем жилет вашей основной вязкой, это может быть чулочная вязка (ряд лицевых петель, ряд изнаночных) или резинка другого вида.

Довязав до проймы, вывязываем линию проймы, плеча и горловину. Соединяем плечевые швы и обвязываем пройму и горловину, а если жилет на застежке, то и планку резинкой (6 рядов 1×1). На планке не забудем вывязать петли.

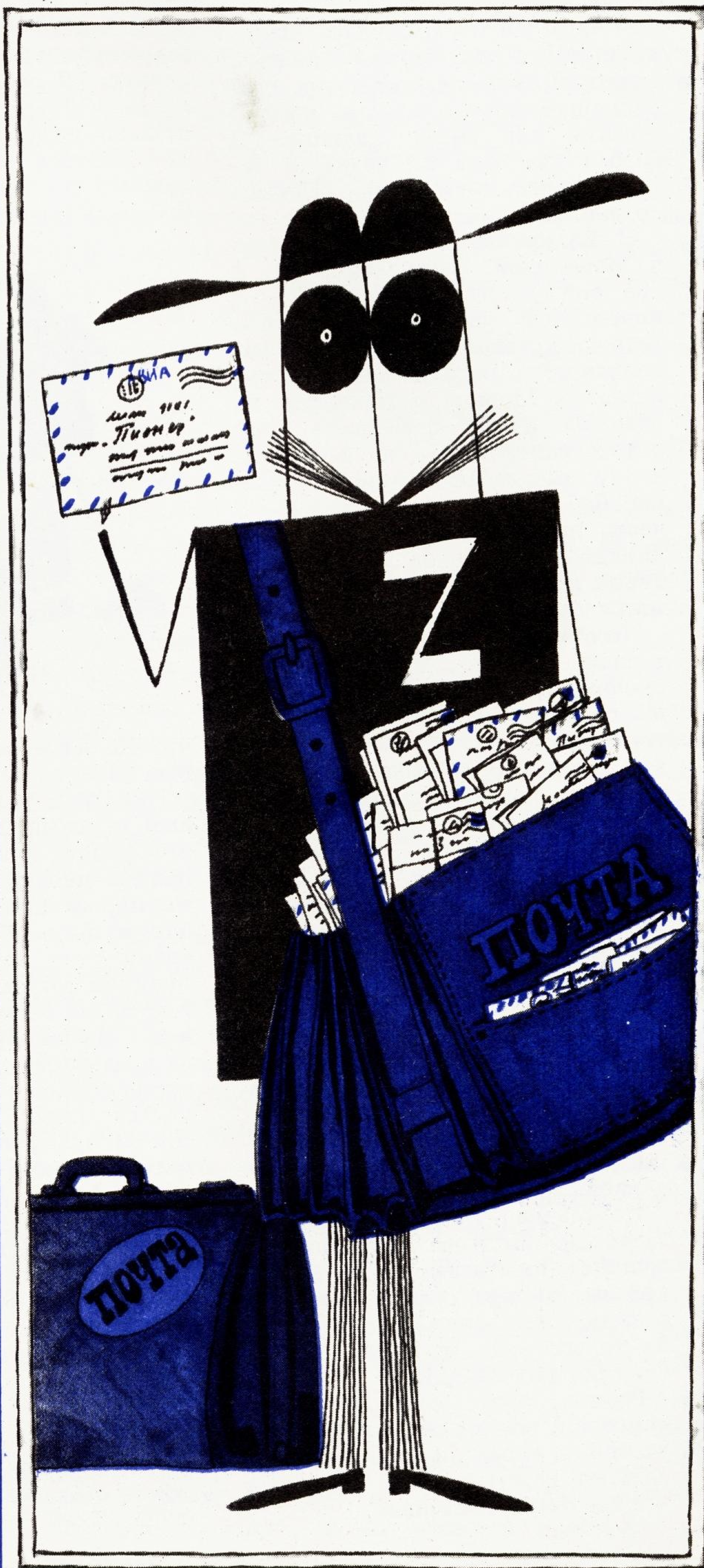

Выстираем жилет, отгладим через марлю, смоченную в слабом растворе уксуса, и пришьем пуговицы. Жилет можно вязать однотонный, или полосатый из 2—3 разного цвета ниток, или пестрый, соединив две нитки: контрастные (красную и черную) или близкие по тону (темно-коричневую и светло-коричневую). Не обязательно брать нитки одной толщины.

ШЕСТАЯ

А. ОРЛОВ

ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

УДАЧИ И ПРОСЧЕТЫ

Здравствуй, строгое жюри,
Ты мне радость принеси!
Я задачи порешал
И ответ тебе прислал.

Меня зовут Сергей Масляков, математику обожаю, учусь в шестом классе.

Пос. Анциферово,
Новгородская область.

Полторы тысячи ребят прислали решения задач Шестой олимпиады. И почти все письма толстые и содержательные. Победителей очень много! Все они получат Наградные листы Трех Неизвестных и книги по математике (которые мы советуем тщательно изучить).

Среди участников много наших старых знакомых. Восьмиклассница **Аня Воронова** третий раз участвует в олимпиадах Трех Неизвестных. **В угличской школе № 5** вот уже несколько лет действует математический кружок, о котором мы писали. А **Надя Трошкова,** староста этого кружка (ее задачу мы печатали в 1973 году), учится в Ленинградском политехническом институте.

Рады сообщить, что в городе **Вологде** в нескольких школах работают «Клубы встреч с Тремя Неизвестными». Приветствуем новых друзей Икса, Игрека и Зета!

А теперь возьмите ручку, бумагу, условия задач (напечатаны в февральском номере журнала) и их решения (напечатаны в майском номере). Мы разберем типичные ошибки и отметим удачные, красивые решения. В путь!

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

СОБАКИ, ПРИСЛАННЫЕ ИЗ НОВОСИБИРСКА

Ай-яй-яй, многие забыли, что нам нужны не только ответы, а полные решения. И еще замечание: некоторые занялись только подбором и, конечно, смогли найти всего одно решение. Поздравляем тех, кто сумел логически разобрать все возможности.

СДЕЛАЙ САМ

Вот что пишет победитель Олимпиады восьмиклассник из Киева Борис Каплан: «Задачу можно переформулировать так. Сколько раз нужно оторвать карандаш от бумаги, чтобы начертить фигуру, изображенную на рисунке, не проходя два раза карандашом по одной и той же линии и в точках К и Р не поворачивая (хотя, впрочем, последнее замечание на решение никак не влияет). Данная фигура имеет восемь нечетных узлов (иначе говоря, восемь узлов, из которых выходит нечетное число прямых). Теорема Эйлера гласит, в частности: «Фигуру, имеющую более двух нечетных узлов, нельзя нарисовать карандашом, не проходя два раза по одной линии и не отрывая карандаш от бумаги». Значит, для решения задачи нужно как минимум $8/2 = 4$ куска проволоки». Молодец, Борис, что догадался переформулировать задачу!

Еля Шитова тоже хорошо справилась с задачами и даже прислала в редакцию кубик, правильно сделанный из цветной проволоки.

F B E K D L P H A C 4 см

ВОСЕМЬ НЕВЕРНЫХ

В этой задаче основное — правильно понять, что требуется сделать. Некоторые сначала выписывали числа, удовлетворяющие условию а) потом — условию б) и так далее. И на этом останавливались. Были и другие ошибки. Вот, например, как понять, что неверно утверждение е): «n делится на 3, но не делится на 6»? В одной работе говорится, что в этом случае «число не делится на 3, но делится на 6». Правильная формулировка, конечно, такова: «или n не делится на 3, или n делится на 6», поскольку условию е) удовлетворяют только натуральные числа 6К—3, К = 1, 2, 3,...

МЫ ЕДЕМ ЕДЕМ ЕДЕМ...

Основное — доказать, что покрышки необходимо поменять местами на середине пути. В нашем решении («Пионер» № 5) сначала показано, что больше чем 18 750 километров автомобиль пройти не сможет, а затем описан способ, позволяющий проехать именно 18 750 километров. **Изящное объяснение прислал победитель олимпиады Лев Певзнер (5-й класс, Комсомольск-на-Амуре):** «Чтобы проехать 75 000 километров, нужно 8 покрышек: 5 на заднее и 3 на переднее колесо. А у нас есть две покрышки, то есть в 4 раза меньше. $75\,000 : 4 = 18\,750$, то есть автомобиль может проехать 18 750 километров». А в подробном решении **победителя олимпиады Рауфа Измаилова (6-й класс, Баку)** показано, что если сменить покрышки через X километров, то автомобиль сможет проехать столько километров, каково минимальное из чисел X и 9 375.

Не надо думать, что, если в условии предлагаются два вида ресурсов, всегда лучше брать их поровну. Вот вам задача. «Звездолетчик Люся ведет корабль на Тау Кита. Баки вмещают А единиц энергии (в соответствии с формулой Эйнштейна $E = MC^2$ энергию можно измерять в килограммах). Горючее может быть либо ядерное, либо фотонное. На килограмме фотонного можно пролететь 2 парсека, а на килограмме ядерного — 1 парсек. Сколько и какого горючего взять, чтобы явиться к цели с максимальным запасом энергии?» **Ответ «поровну» неверен.** Надо брать фотонное горючее, а ядерное — только для взлета и посадки.

2 СЛИШКОМ МНОГО ДВОЕК 2

Ребята прислали нам два типа решений: одни доказывали, что каждое число больше сумм всех меньших его степеней двойки; другие—равенство, где сумма подчеркнутых чисел равна сумме зачеркнутых, сокращали на наименьшую встречающуюся степень двойки и получали с одной стороны четное число, а с другой — нечетное. Но, увы, иногда ограничивались лишь числовыми примерами, без общего доказательства...

А ДО ВЕРШИНЫ ДАЛЕКО...

Одна из самых трудных и кропотливых задач. Ученики младших классов иногда решали ее опытным путем — проводили эксперименты, пытаясь «нащупать» условия, когда рассматриваемое множество является пятиугольником, точкой и т. д. Правильно делали! Эксперимент — рассмотрение нескольких конкретных треугольников — может помочь выдвинуть гипотезу. Но доказать ее для всех треугольников сразу можно только с помощью математических рассуждений.

СУММА ЦИФР СУММЫ ЦИФР

Иногда ребята ограничивались примером: все цифры числа А — девятки. Очень широко распространено такое ошибочное рассуждение: «Наименьшая сумма цифр числа А — это 9, а наибольшая $9 \times 1975 = 17\,775$. Значит, $9 \leqslant a \leqslant 17\,775$, тогда $9 \leqslant \leqslant в \leqslant 27$ (27 — это сумма цифр числа 17 775) и $9 \leqslant c\ 9 \leqslant$, то есть $c = 9$». В этом рассуждении предполагается, что если число X меньше числа У, то и сумма цифр числа X меньше суммы цифр числа У. Но это неверно! Достаточно рассмотреть пример: $X = 9$, $У = 10$, X меньше У, но сумма цифр числа X, то есть 9, больше суммы цифр числа У, равной 1.

О ДРОБЯХ

Целая россыпь ошибочных рассуждений. Вот несколько примеров. «Конечно, такого натурального числа n, при котором дробь была бы сократима, не существует, так как сама формула $\frac{2n^2-1}{2n+1}$ не упрощается». Ну и что? Формула $\frac{15}{2n+1}$ тоже не упрощается, но дробь эта при $n = 1$ и $n = 2$ сократима.

«Дробь несократима, поскольку $2n^2-1$ — всегда простое число». Действительно, если $n = 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8$, то $2n^2-1$ равно соответственно 7, 17, 31, 49, 71, 97, 127. Это простые числа. Однако при $n = 9$ будет $2n^2 - 1 = 161 = 7 \times 23$ — составное число.

«Числитель дроби независимо от n будет четным, а знаменатель нечетным. А такие числа, как мы знаем, несократимы». Во-первых, у дроби 9/18 числитель нечетен, а знаменатель четен, но дробь сократима на 9. Во-вторых, знаменатель действительно всегда нечетен, а числитель четен при нечетных n и нечетен при четных n. «Нечетные числа, как мы знаем, не сокращаются». Опровергающий пример: 9/15.

Решение победительницы олимпиады Марины Берлянт (5-й класс, Днепропетровск) практически совпадает с нашим («Пионер» № 5). Есть и другие правильные способы решения.

НА ЛЕДЯНОЙ АРЕНЕ

Победитель олимпиады Игорь Кива (6-й класс, Уфа) пишет: «Данные квадраты полностью конгруэнтны. Значит, при прямолинейном движении каждый квадрат «автобуса», закрывая какую-то часть квадрата с узором, открывает совершенно идентичную часть другого квадрата. При этом общая площадь частей кругов, закрытых «автобусом», меняться не будет».

СНИМАЕТСЯ КИНО

Наш старый знакомый победитель олимпиады Саша Мирлин (Ленинград, 6-й класс) получил обобщение на случай любого числа отражений M (M не обязательно простое). Пусть K — число делителей числа M, отличных от него самого и от единицы. Число путей равно $\frac{M-1}{2} - K$, если M нечетно, и $\frac{M}{2} - K$, если M четно. Молодец! Всегда нужно стараться обобщить задачу, посмотреть, где еще работает примененный при решении метод рассуждений.

НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ

Олимпиада лягушатника:

Сережа Макаревич (3-й класс, Минск), **Алена Оларь** (3-й класс, Калараш, МССР), четвероклассники **Аня Кузнецова** (Миасс), **Вадим Банит** (Черновцы), **Илья Мучник** (Москва), **Вера Шумилина** (Вышний Волочек), **Виталий Рерих** (Дубна, Московской обл.), **Боря Мускат** (Уфа), **Оля Тинякина** (Свердловск), **Юрий Николаевский** (3-й класс, Харьков).

ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Александр Михайлов (5-й класс, Москва), **Сергей Арафаилов** (7-й класс, Лениногорск), **А. Хрусталев** (8-й класс, Москва), **Николай Семакин** (8-й класс, Можга, Удмуртской АССР), **Алексей Каплан** (5-й класс, Сумгаит), **Ольга Шарапова** (7-й класс, Ташкент).

НАШИ ПРИЗЕРЫ

Очень многие ребята хоть и справились не со всеми задачами,

но зато решения у них без единой ошибки! Вот несколько фамилий наших призеров:

ОЛИМПИАДА ЛЯГУШАТНИКА

Первоклассники **Дима Набутовский** (Новосибирск) и **Вадик Дворников** (Москва), **Андрей Сихарулидзе** (3-й класс, Корсаков, Сахалинской области), третьеклассники **Наташа Банникова** (Киров), **Александр Самородницкий** (Нежин, Черниговской области), **Рита Сорк** (Талдом, Московской области), четвероклассники **Игорь Грешнев** (Миасс), **Сергей Грищенко, Вика Дмитренко** (Таганрог), **Андрей Маркианов** (Щекино, Тульской области), **Леня Гузман** (Киев), **Евгений Меламуд** (Николаев), **Алла Николаенкова** (Новосибирск), **Вадим Черкасенко** (с. Баратовка, Николаевской области), **Света Сидорова** (Москва), **Галина Юхно** (Макеевка), **Вера Старовойтова** (Гомель), **Андрей Журавлев** (Тула).

ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Пятиклассник **Валентин Конак** (Новая Каховка), шестиклассники **Анатолий Подловченко** (Солнцево, Московской области), **Яков Зейдельман** (Уфа), **Александр Прокудин** (Коломна), семиклассник **Сережа Казаков** (Ижевск), **Андрей Шадриков** (Серпухов), **Юрий Степанов** (9-й класс, с. Дмитриевка, Саратовской обл.) и многие другие.

Поздравляем всех ребят! Вы умеете много и успешно работать и работать без ошибок!

По поручению жюри А. Орлов.

В майском номере журнала мы не смогли напечатать решения всех задач Олимпиады и обещали сделать это в следующих номерах. Выполняем свое обещание.

ДОКАЖИ, ЧТО ЛУЧШЕ НЕЛЬЗЯ

1. Если вершина куба, через которую проходит кусок проволоки, не совпадает ни с одним его концом, то этот кусок проходит по двум из трех ребер, примыкающих к вершине. Поэтому в каждой вершине куба находится конец, по крайней мере, одного куска проволоки. Вершин восемь, поэтому необходимо не менее $8:2=4$ куска. А из четырех кусков проволоки можно многими способами сделать модель куба (это видно, например, на рисунке в майском номере).

2. Сначала следует доказать, что путь шайбы — правильный вписанный многоугольник. Пусть O — центр катка, M, N, P, Q — четыре последовательных отражения от борта. Углы MNO и ONP равны (угол падения равен углу отражения). Так как окружность симметрична относительно прямой (ON), то $|MN|=|NP|$. Углы ONP и OPN в основании равнобедренного треугольника ONP равны, значит, и углы MNP и NPQ равны. Отсюда уже следует, что путь шайбы — правильный вписанный многоугольник, выпуклый или звездчатый (все его стороны равны и углы тоже равны).

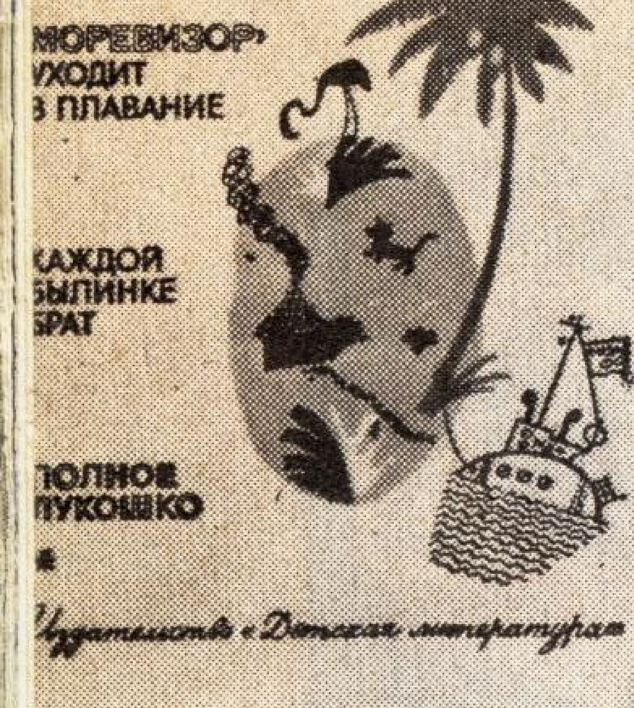
Докажем, что существует только три различных правильных семиугольника — именно те, которые показаны на рисунке к задаче «На ледяной арене» в майском номере журнала. В самом деле, хорда AB стягивает дугу $\alpha°$ ($\alpha=360/7$). Шайба, отразившись от борта в точке A и затем еще в шести точках, вернулась в точку A, совершив вокруг центра катка O один или несколько полных оборотов. Но не более трех, так как «поворот» шайбы вокруг O от одного отражения до другого меньше 180°. Если шайба совершила при этом один оборот, то одна сторона семиугольника стягивает дугу $\alpha° = \left(\frac{360}{7}\right)°$, если два оборота, то $2\alpha° = \left(\frac{2\cdot 360}{7}\right)°$, если три оборота, то каждая сторона семиугольника стягивает дугу $3\alpha° = \left(\frac{3\cdot 360}{7}\right)°$. Других возможностей нет.

Такие же рассуждения показывают, что существует в точности $\frac{P-1}{2}$ различных вписанных многоугольников с числом сторон, равным P (P — любое простое число, большее 2).

НЕИЗВЕСТНЫЕ — МОСКВИЧАМ

Начинается учебный год в Вечерней математической школе при Московском математическом обществе, сотрудники которой ведут отдел «Встречи с Тремя Неизвестными». Идет набор в группы 5, 6, 7, 8-го классов. Хотите попасть? Позвоните во второй половине сентября по телефону 291-85-72.

Здравствуйте, Надежда Августиновна!

Наверное, это письмо я должен был отправить Вам по почте. Но потом я подумал, пусть его напечатают в журнале «Пионер». Почему? Постараюсь объяснить.

Мы познакомились с Вами, Надежда Августиновна, лет двадцать назад в редакции «Пионерской правды». Когда Вы появились в редакции, нам, молодым газетчикам, рассказывали, что уже в юности Вы были одним из самых одаренных журналистов, что Вы всегда верите в людей, верите в добро. Впрочем, в последнем, то есть в том, что Вы человек жизнерадостный и добрый, я очень скоро смог убедиться сам...

В «Пионерской правде» стали появляться очерки, статьи, заметки за подписью: Н. Надеждина. Все, что писали Вы, было умно, талантливо и благородно. Мы тогда не могли разгадать Ваших «секретов», но многим из нас захотелось писать, «как Надеждина». Не скажу, что у нас это всегда получалось. Но, во всяком случае, мы старались. И слова «материал написан по-Надеждински» звучали для нас как самая высокая похвала...

А потом была напечатана повесть «Я вижу море». И мы полюбили смешного мальчишку Дениса Кутикова, одного из тех неудачников, которые часто оказываются без вины виноватыми. Но, видно, так уж устроена жизнь, что такие люди, как Денис, в конце концов обязательно побеждают и, пройдя сквозь невзгоды, остаются верными своей мечте. Хороший парень этот Ваш Денис Кутиков! И, честное слово, похож на Вас, Надежда Августиновна. Впрочем, на кого же еще ему быть похожим?..

Спустя много лет в руки мне попала удивительная книжка. Несколько чистых страниц перед заглавным листом сплошь были исписаны ребячьей рукой, детским почерком, размашистым, уверенным, стремительным, нетвердым, с буквами, клонящимися в разные стороны. Тут были подписи ребят из Киева и из Приморского края, из Ленинграда и Алма-Аты, из Москвы и из маленького удмуртского села. И то и дело среди подписей попадалось: «Отряд имени Лары Михеенко», «Дружина имени Лары Михеенко», «Школа имени Лары Михеенко».

Книжка эта называлась «Партизанка Лара». Прочел и понял, почему ребятам захотелось написать слова благодарности. По крупицам собрав все, что можно было узнать о юной героине, расстрелянной фашистами в 1943 году, Вы как бы дали вторую жизнь этой замечательной девочке...

А потом были книги о природе. О деревьях и грибах, о зверях, птицах и рыбах и даже о картошке, огурцах и капусте, про которые, кажется, и писать-то нечего да и незачем. Но оказалось, надо писать и есть что рассказать о них. Только нужно делать это «по-Надеждински».

От Вас я узнал про мухоловку-пеструшку, которая живет в Москве, на Бульварном кольце, и собирает троллейбусные билеты, чтобы выстлать ими свое гнездо. Вы рассказали мне о допотопной рыбе с красивым названием латимерия, которая считалась вымершей, а потом вдруг выяснилось, что мальчишки на Колюрских островах чистят жесткой чешуей этой рыбины свои велосипедные камеры. Кто бегает задними ногами вперед. Сколько лет майскому жуку. Зачем волки и лисицы воруют арбузы. И даже о том, что королевский гепард развивает такую скорость, что за ним не угонишься и на «Жигулях»,— обо всем этом я узнал из Ваших книжек. Но не это главное. Главное, чему Вы учите своими книжками,— смотреть на мир добрыми глазами Человека, любить все живое и защищать его.

В сентябре у Вас день рождения. Юбилей. Вы хорошо поработали, Надежда Августиновна. Ваши книги изданы на двенадцати языках. Поздравляю Вас с юбилеем! Пожелать хочу только одного: здравствуйте, Надежда Августиновна! Здравствуйте, то есть будьте здоровы, как сад, как лес, как океан, о которых Вы так добро рассказываете.

Уверен, что к моему поздравлению присоединятся сотни тысяч Ваших читателей, поэтому посылаю это письмо не по почте, а в журнал «Пионер», с которым у Вас большая дружба.

Искренне уважающий Вас

А. ХМЕЛИК.

«Сейчас вы удивитесь...»

Есть неписаное правило: в журналах печатают рецензии на те книги, которые вышли недавно — в этом году или, на худой конец, в прошлом. А здесь будет рассказ о книге, которая вышла более двадцати лет назад и с тех пор выходила не один раз и издавалась на разных языках. И все же как всякая хорошая книга — она новая. Вы читали книгу Льва Успенского «Слово о словах»?.. Нет? Значит, для вас это новая книга. И сколько поколений читателей ни будут являться в библиотеки в поисках интересной книги, для всех «Слово о словах» будет новинкой. Она не устареет и не забудется. Представьте себе, как должен быть счастлив писатель, которому удалось создать хотя бы одну такую книгу!

Одна из глав «Слова о словах» начинается так: «Сейчас вы удивитесь...»

Нет ничего странного, когда мы удивляемся, читая про заморские земли, про диковинных животных или про необыкновенные приключения. Но писатель Лев Успенский заставляет нас удивляться тому, что мы все, казалось бы, хорошо знаем, — нашему собственному языку, нашей речи!

В детстве мы часто спрашиваем, откуда взялось то или иное слово. Потом мы привыкаем к своему языку (не случайно он называется «родным», и учебник такой есть— «Родная речь») и перестаем замечать эту нашу чудесную способность говорить и понимать говорящего, как не замечаем, например, нашей способности дышать.

Ну, а все-таки откуда взялся язык? Отчего и как научились люди говорить?

На все эти вопросы, пожалуй, нигде не найдешь лучшего, самого понятного и точного ответа в книге Льва Успенского.

Говорят «дар речи». «Но никто не «дарил» людям эту чудесную способность — язык,— пишет Л. Успенский.— Гордый человек сам создал его для себя...»

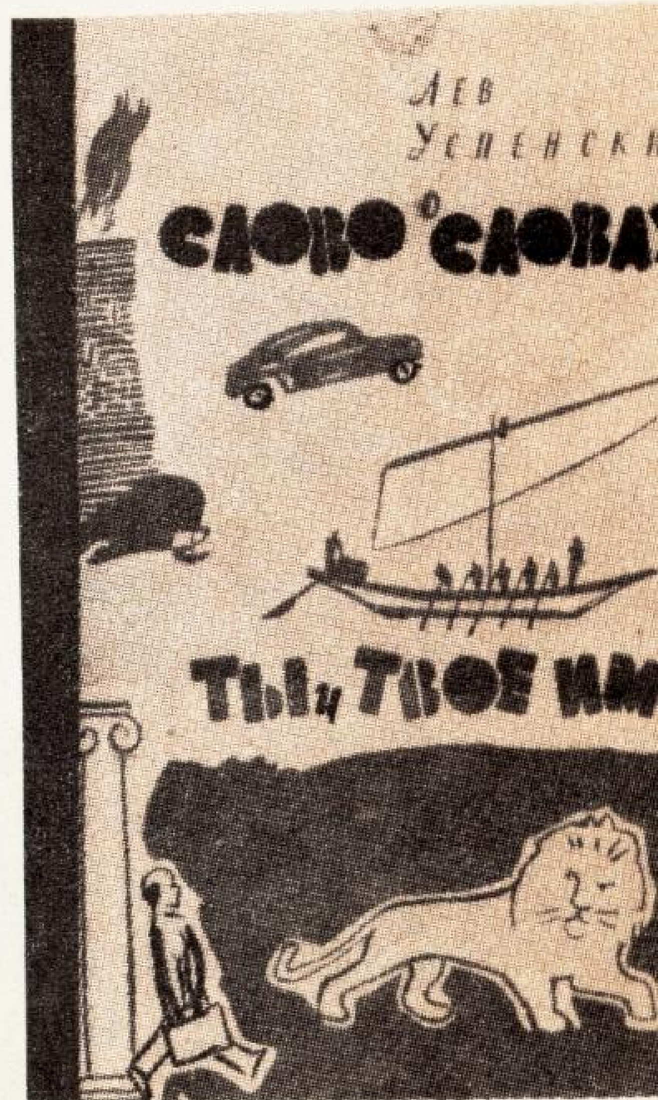
Оказывается, не только человек создал речь, но и язык создавал человека таким, какой он есть, сделал его разумным. Первые слова появились потому, что человек трудился; первые человеческие мысли появились потому, что человеку надо было работать. Труд, разум и слово — «три соучастника великого дела» — сотворения человека. Без слова люди не могли бы работать вместе, без слова люди не могут думать, но и само слово не появилось бы, если бы не было труда и мысли. Труд, разум и слово появились вместе и существуют только вместе.

Но отчего люди говорят так, а не иначе? Почему у грузин слово «мама» означает «папа», а у чехов слово «черстви» значит — «свежий»? Отчего у финнов неимоверно длинные, с нашей точки зрения, слова, а у англичан, наоборот, как правило, короткие?

Это все исследует «одна из увлекательных наук мира — наука о языке»,—пишет Лев Успенский и рассказывает об этой науке. Его книгу можно назвать научно-популярной, то есть такой, которая в популярной (доступной для всех) форме рассказывает о достижениях науки.

И книга эта стала открытием. Она открыла для огромного числа людей новую область интересного — область языка и языкознания... Так когда-то, в конце прошлого века, французский астроном Камил Фламмарион открыл... нет, не новую звезду или комету, а всю астрономию! Всю астрономию для всех людей открыл он, когда написал книгу «Популярная астрономия». С тех пор все стали смотреть на небо и на звезды другими глазами — звезды стали понятнее нам и как бы доступнее.

Примерно то же самое сделал и Лев Успенский. В его рассказах слова — как звезды. Они светятся, гаснут, вспыхивают, соединяются в созвездия, восходят и заходят, рождаются, умирают и возрождаются... Разве не удивительно, что слово «самолеты» было при Петре I, а во времена Бориса Годунова существовала фамилия Велосипедов? Не было велосипедов, а Велосипедов был! И разве не интересно, что существует «геология» слова и «анатомия» слова и что можно отчасти предсказать, как будет развиваться язык? Конечно, интересно. Вот почему эту книгу читают уже много лет и всегда будут читать.

Льву Васильевичу Успенскому исполнилось семьдесят пять лет. У него много книг, пойдите в библиотеку и спросите книгу Льва Успенского. Нельзя предсказать, какая книга достанется вам, но любая будет в удовольствие. Это предсказать можно.

С. СОЛОВЕЙЧИК

ФЛАГ-КАПИТАНЫ

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола.

ПОВЕСТЬ

Окончание.
Начало в № 5.

Вечером Сережа, неловко усмехнувшись, заговорил с дядей Витей.

— Я даже не понимаю, чего вы вчера так на меня рассердились. Подумаешь, хотели по старой памяти собраться всем отрядом... Только все равно ничего у нас не получается, никого не собрать.

Дядя Витя обрадовался. Он даже не стал это скрывать.

— Вот и хорошо! Приятно, когда здравая мысль побеждает сумбурное трепыхание чувств. Кстати, Сергей, нам пора думать о билетах. Меня торопят.

— Я же до первого июня в школе занят, — испуганно сказал Сережа.— До двадцать пятого мая уроки, а потом еще практика.

Дядя Витя покровительственно улыбнулся.

— Насчет практики я договорюсь с директором. Не все ли равно, где получать трудовые навыки? Выпишу тебе справку, что ты работал на раскопках.

— Ура! — громким шепотом крикнул Сережа. И кинулся в другую комнату.— Папа, ты мне дашь свой рюкзак? Мы через неделю — в Севастополь!

Потом он пошел к себе и, не зажигая све-

Они прожили у моря всего шесть дней, и впереди был почти месяц.

Рисунки С. ТРОФИМОВА и А. ГРИШИНА.

та, бухнулся на диван. Радость разливалась в нем, как тепло. Путешествие, которое еще недавно было таким далеким, почти сказкой, придвинулось вплотную. Оно уже почти началось. Ведь неделя — это пустяки. Едва хватит времени, чтобы собраться!

В полумраке поблескивала над Сережей трехгранная шпага. Желтой точкой горел на гарде отблеск уличного фонаря. Сережа не мог разглядеть надпись, но словно видел ее.

СЕРГЕЮ КАХОВСКОМУ—ОТРЯД «ЭСПАДА». СМЕЛОСТЬ И ЧЕСТЬ.

«Я ни в чем не виноват,— сказал Сережа шпаге.— Я никогда не изменял отряду. Я не трусил и не обманывал. Мы все, флаг-капитаны, держались до конца. А сейчас об измене и говорить нельзя, потому что отряда нет».

И тут он вспомнил Димку в школьном коридоре. Его лицо. Его шепот: «Я так и знал...»

Но отряда же и правда нет! Можно собрать группу, можно назвать себя флаг-капитанами, а что дальше?

Ведь он, Сережка, в самом деле держался до конца. Даже Олег сказал: «Бесполезно» — и уехал. А он еще держался. Разве мало пришлось хлебнуть? Гибель «Эспады», отъезд Олега, смерть Иванова. И потом еще в школе... Эта дурацкая двойка за четверть по поведению. Главное, ни за что.

У него оставалась одна радость — белый город у моря. И если бы у Сережи эту радость отобрали, он не смог бы жить от тоски.

Кузнечик, завистливо вздыхая, дал адреса знакомых мальчишек. Митя очень просил узнать, стоит ли в Севастополе трехмачтовая баркентина «Кропоткин» и не собираются ли ее пустить под ресторан, как многие другие парусники.

Отец готовился к очередной командировке и однажды, оставшись с Сережей наедине, вдруг прижал его к себе и глуховато сказал:

— Опять мы врозь. Хоть бы раз вместе куда-нибудь съездили... Жизнь бестолковая.

— Ну что ты, папа! На будущий год вместе в тайгу поедем. Я подрасту.

— Ты с Виталием особенно не спорь,— предупредил отец.— Я смотрю, у вас кое в чем взгляды на жизнь очень уж разные. Ты его не перевоспитаешь. Он тебя — тоже. Да не провались там в какой-нибудь подземный ход. А сделаешь научное открытие — пиши.

— Я и так буду писать,— пообещал Сережа.— Ты, главное, не скучай...

Дядя Витя принес из магазина черный скрипучий чемодан с медными пряжками.

— Тебе, Сергей.

— У меня же рюкзак!

— Рюкзак—это чушь,—наставительно сказал дядя Витя.— Мы не в джунгли едем. Истинная романтика не в рюкзаках, штормовках и патронташах, а в поисках и творческой работе мысли.

Сережа обиделся за отца. За его штормовку, болотные сапоги и рюкзак. Дядя Витя понял.

Сережа взялся укладывать в чемодан дорожное имущество.

— Я не говорю об охотниках, геологах и прочих лесных людях. Там рюкзаки не атрибутика, а необходимость.

«То-то же»,— подумал Сережа.

Ожидание путешествия—это уже радость. Сборы — тем более.

Сережа взялся укладывать в чемодан дорожное имущество.

Конверты и бумага: всем надо будет написать. Общая тетрадка для дневника. Фонарик: ночи на юге темные даже летом. Нож— папа отдал свой, заслуженный. Шорты, рубашки, новенькие кеды, пружинистые и легкие. Джинсовый костюм — тетя Галя вчера подарила, специально для путешествия. Отличный костюм с молниями, кожаными нашивками и петлями для широкого ремня. Может, прямо сейчас и надеть? Нет, жара на улице.

Сережа подошел к окну. Май едва перевалил за середину, а солнце — как в июле. Успевшие загореть малыши гоняют на зеленом пустыре мяч. Горластая Дзыкина орет на них, оберегая свою клумбу. Вырвала из земли стебель прошлогоднего репейника, кинулась за ребятишками.

«А, ну ее,— подумал Сережа.— Все равно не перевоспитаешь».

Как подумаешь о Севастополе, так от радостного нетерпения начинает прыгать сердце.

Дядя Витя заглянул в комнату.

— Нам пора, коллега.

И они отправились за билетами в кассу предварительной продажи.

Был воскресный день, да еще такое тепло. Казалось, что праздник на улицах. А может быть, просто настроение было праздничное у Сережи. Он готов был шагать до касс пешком через весь город. Идти по нагретому асфальту, нырять в тень тополей, улыбаться навстречу веселым людям, останавливаться

у автоматов с шипучей газировкой, разглядывать в зеркальных витринах магазинов товары, а заодно и свое отражение.

Но прошли всего два квартала. Дядя Витя сказал, что время дороже денег, и пришлось дождаться троллейбуса.

В троллейбусе было просторно: видно, не многим хотелось в такой день трястись на колесах. Дядя Витя устроился у открытого окна и развернул польский журнал. Там была статья о кладах, найденных на юге Франции.

— Какая досада,— сказал он.— С польским языком у меня не очень. А пока у нас эту статью опубликуют, три года пройдет.

Сережа вежливо помолчал в ответ.

Он сидел рядом с дядей Витей и представлял, что троллейбус — это самолет на взлетной дорожке. Сейчас он наберет скорость и у него вырастут крылья. Троллейбус по наклонной линии взмоет в воздух и, накренившись, пойдет описывать круг над городом.

Вот удивятся люди! Вон те две тетки с большими сумками, наверно, перепугаются и закричат, что это хулиганство. А ребята обрадуются. Вон тот маленький мальчишка (наверно, третьеклассник) с глазами, похожими на черные большие ягоды, обязательно обрадуется. И его белобрысая сестренка тоже.

Но троллейбус не взлетал, пассажиры не удивлялись и не радовались, вели себя спокойно. Только светлоголовой девчонке не сиделось. Она локтем толкнула брата. Громким шепотом спросила:

— Саша, ты билеты купил?

— Конечно. Ты же видела.

— Ты один купил.

— А сколько надо?

— Мне тоже надо.

— Тебе же шесть лет.

— Ну и что? Мне послезавтра семь будет.

— Послезавтра и куплю.

— Ну, Сашка... Жалко?

— Вот не хватит денег на кино, будешь знать...

— А у меня пять копеек есть.

Она разжала пальцы и показала пятак.

— До чего упрямая,— сказал Сашка и взял деньги.

Троллейбус покачивало, и мальчик пошел к передней кассе, хватаясь за спинки сидений. У самой кассы грузно сидели на скамье для инвалидов и детей две женщины. У одной из них сумка стояла в проходе. Мальчик зацепил большой блестящий замок на сумке.

— Ходют тут,— довольно громко заявила тетя.— Не сидится им... Сперва билеты брать неохота, а как увидют контролера, поскорее бегут...

Мальчик ничего не сказал. Оторвал билет и шагнул обратно. Сумка металлическим языком опять зацепилась за его штанину.

— Ты что, ослеп совсем!— заголосила тетя.

Сережа видел только ее затылок, укрытый косынкой, и мясистую левую щеку. Но уже знал точно, что она похожа на Дзыкину. Такие все чем-то похожи друг на друга.

Мальчик дернул ногой, сумка отцепилась и закачалась.

— Не ставили бы в проходе,— спокойно сказал мальчик и пошел к сестренке.

— Ишшо учить будет! Не ставили б! На башку тебе ставить? Ишшо в школе учится, пионер, наверно! Билет-то оторвал без денег!

Глаза-ягоды у мальчишки сделались большими, а худенькое треугольное лицо побледнело. Он остановился и сказал все еще спокойно:

— Как это без денег? Не слышали, что ли, как звякнуло?

— Звякнуло! Всякая железяка звякать может! Где твои деньги? Ну, где?

— В кассе,— сказал мальчик.

— В кассе?— Она вытянула шею, заглядывая под прозрачную крышку кассового ящика, и обрадованно подскочила.— Где? Смотри, где?

— Все они такие,— включилась соседка.— Их воспитывают, а им хоть бы что...

Тетушка вдруг ловко извернулась и ухватила мальчика за локоть.

— А ну, иди сюда! Где твои деньги? Пустая касса-то! В милицию тебя, там разберутся.

«Вот дрянь»,— подумал Сережа.

Дядя Витя мельком глянул на зашумевших пассажиров и опять погрузился в статью.

Что значила троллейбусная стычка по сравнению с величием мировых культур!

Тетка тащила мальчика к кассе. Тот пытался вырвать локоть и не смог.

— Да ладно, чего привязалась к мальцу,— раздались голоса. Но никто не встал.

«Почему не встанут? Почему не заступятся?» — отчаянно думал Сережа.

— Они и вправду так,— сказал кто-то.— Денег не бросят, а билеты рвут. Вот у меня теща водителем работала...

— Да бросьте вы, не все же такие. Мальчик-то симпатичный, он не будет...

Уже со слезами мальчик сказал всем людям:

— Я же не виноват, что деньги сразу в кассу ускочили!

И сестренка его, поднявшись с сиденья, крикнула:

— Он даже не четыре копейки бросил, а пять!

Этот крик словно сорвал предохранитель. «Пять!» — отдалось в Сереже. Так же, как раньше. Как в те дни, когда, готовясь к боевому броску, давал себе стартовый отсчет: «А Севастополь?»

Тетка не пускала мальчишку.

— Пусть докажет! Я видела, что не бросал!

«Четыре!»

Девочка заплакала и побежала к брату.

Пассажиры зашумели сильнее, но Сережа теперь не слышал шума. Все еще надеясь на что-то, он глянул на дядю Витю. Но тот был закрыт журналом, как стеной.

«Три!»

Девочка попыталась оторвать толстые теткины пальцы от брата, но та оттолкнула ее плечом.

Кто-то поднимался с сидений. Но проход к передней кассе был еще свободен.

«Два! Один...»

И будто со стороны он услышал свой голос:

— Не трогать!

ЭПИЛОГ

Барабанщики, марш!

Мраморные колонны разрушенной базилики — древнего храма в Херсонесе — кажутся с моря белыми свечками. Словно кто-то расставил их среди желтых камней. А море — синее-синее, и лишь у самого борта лодки оно как бутылочное стекло. В этом зеленом стекле висят медузы, похожие на большие прозрачные пуговицы. А ближе к берегу сквозь воду просвечивают бурые и косматые, как шкуры мамонта, водоросли. Они качаются туда-сюда вслед за волной.

Ялик, стуча мотором, шел вдоль берега и постепенно подбирался все ближе к скалам. Наконец человек, сидевший на корме, сказал:

— Хватит. А то тюкнемся килем о камни.

Другой человек, молодой и веселый, поддержал его:

— Точно. А ну, десантируйтесь на берег. Тут глубина по колено... Эй, лодку перевернете!

Два мальчика охотно гаркнули «ура» и с борта прыгнули в море.

Глубина оказалась не по колено, а выше пояса.

— Ой-ой-ой!—завопил темноволосый мальчишка с острыми лопатками под белой сетчатой майкой. И обернулся к шлюпке.— Ладно, Сашенька, припомним! А еще брат... Я вчера весь вечер штаны гладил!

Старший брат с шутливым раскаянием сложил на груди ладони.

— Ей-богу, не виноват. Здесь рефракция, преломление света в воде, а я не учел. Казалось, что совсем мелко.

— Рефракция...— проговорил братишка.— Знаю я вас, физиков...

Другой мальчик сказал:

— Саш, это он не из-за штанов. Это он боится, что письмо для Наташки в кармане размокнет.

Он тут же заработал полновесную порцию соленых брызг и, хохоча, кинулся к берегу, чтобы спастись от более страшной мести.

— Генка, Сергей! К обеду будьте дома, а то тетя Лиза вам покажет! И не лазьте на глубину! — крикнул Саша мальчишкам. И ялик стал уходить.

По камням они выбрались на узкий галечный пляж в тени желтого ноздреватого обрыва. Отыскали местечко, куда из-за каменистой кромки берега падало солнце. Скинули шорты и разложили на солнышке. Генка вынул из кармана мокрый, сложенный вчетверо листок, выразительно глянул на Сережу, развернул бумагу и расстелил на камне, придавив уголки голышами. Сквозь изнанку листа проступали чернильные буквы.

Было еще раннее утро, и на пляже стояла влажная прохлада. Зябко передернув плечами, Сережа стал выжимать на себе подол рубашки.

Генка сказал:

— Жди теперь, когда все высохнет...

— Можно выжать и надеть,— предложил Сережа.

— Ага! И ходи потом в жеваном.

— Все равно к концу дня и штаны и рубаха всегда мятые,— рассудительно заметил Сережа.

— Это у тебя. Потому что карманы набиваешь.

Сережа промолчал. Встал на колени и запустил руки в мелкие камушки.

Это лишь на первый взгляд казалось, что на берегу простая галька. На самом деле прибой перемешал с обломками камней обточенное бутылочное стекло, кусочки мрамора от херсонесских дворцов, сухие крабьи клешни, позеленевшие пуговицы с якорями, мелкие ракушки, автоматные гильзы, человеческие кости и осколки древних амфор. Куда ни шагни — находка.

Правда, сейчас Сережа не подбирал все подряд. А в первые дни карманы у него просто трещали. Саша даже посоветовал ему надевать длинные штаны, подвязывать у щиколоток веревочками и полностью загружать трофеями штанины.

Смех смехом, а вот и сейчас попался осколок горлышка от кувшина. Сверху выпуклый ободок, а под ним волнистый узор.

— Ген, смотри...

Генка с вежливым интересом посмотрел и признал, что находка стоящая. Потом со вздохом сказал:

— Давай уж выжмем да оденемся. Не сидеть же до обеда.

Минуты через три по лестнице, вырубленной среди желтого песчаника, они выбрались наверх. Здесь уже начинался зной. Нагревались глыбы развалин, в сероватой, с мелкой россыпью желтых цветов траве заводили песню кузнечики. Пахло сразу водорослями, теплой травой и сухой пылью древних камней.

Ребята поднялись на холм к сигнальному колоколу, висевшему на квадратных каменных столбах.

— Ого... — сказал Сережа.

На зеленой от старости кромке колокола кто-то белой краской написал:

НАТАША

Вчера еще надписи не было.

Можно было бы спросить Кузнечика: «Не твоя работа?» Но нет уж, хватит дурацкой шутки насчет письма.

Гена тоже увидел надпись. Глянул на Сережу и промолчал.

Они сели на фундамент дома, в котором две тысячи лет назад жил не то винодел, не то гончар.

Распахнулась перед ними громадная синева. На краю этой синевы маячил одинокий сторожевик — он казался крошечным и прозрачным. Донеслась еле слышная перекличка горнистов: в Северной бухте на боевых кораблях поднимали флаги.

А впереди был бесконечный день, полный веселого солнца, плеска воды, неожиданных событий и удивительных находок...

Генка неловко завозился на камне, вытащил из кармана мокрый помятый листок. Развернул на колене и прикрыл его ладонями.

— Письмо я вчера еще отправил,— сказал тихо.— А это... Это я сочинил так... Про нас...

Сережа чуть встревоженно молчал и ждал. Генка был какой-то очень уж серьезный.

— Это песня? — спросил наконец Сережа.

— Нет... Это просто стихи, наверно. Ну, не совсем стихи. Я не знаю, что получилось.

— А можно? — Сережа нерешительно потянулся к листку.

Генка вскинул обеспокоенные, почти жалобные глаза.

— Смеяться не будешь?

— Я? — искренне удивился Сережа.— Когда я смеялся?

— Да... А над письмом...

— Ген,— испуганно сказал Сережа.— Я же так, по глупости. Ну, язык подвернулся... Ну, я же не знал, что ты обидишься...

Генка молчал, покусывая губы.

Сережа зажмурился и сказал:

— Кузнечик, прости...

Генка словно встряхнулся.

— Да ты что! Я же не поэтому. Боюсь... я. Ты уже спал, а я писал, писал. Коряво получилось. Хотел, чтобы хорошо, а... Ну, бери.

Он сам положил Сереже на колени обмякший прохладный листок. Сережа увидел лиловые расплывшиеся строчки:

Над крепостью старой качнулась звезда,
Хотя была тишина.
И все еще людям грозила беда,
Всеобщая, как война...

Тревога мягко накрыла Сережу, словно холодная тень. Генка писал о сказке — немного запутанной и странной. Она придумалась, когда ехали в Севастополь. Но это была не совсем сказка, потому что речь шла о Генке и Сереже. Будто они вдвоем попали в старинный город у моря — знакомый и в то же время фантастический. И вдруг Сережка исчез. Словно обиделся на Генку непонятно за что. Он ушел, не оглянувшись, вдоль бесконечного пляжа, затерялся среди людей. А люди были встревожены, и предчувствие близкой беды проносилось по улицам, как порывы предгрозового ветра. Это предчувствие задело и Генку, но больше всех тревог мучило его одно: где Сережка? Куда он ушел? Почему ушел?

Опустевшими пляжами, заросшими улицами, по каменным плитам и лестницам, на которых шуршали сухие листья, Генка шел, шел и добрался к вечеру до старой крепости. И там на каменном козырьке стены он увидел Сережку. Забрался к нему, встал сзади и чуть сбоку. Спросил тихо:

— Зачем ты ушел?

Сережка обернулся. Сначала вздрогнул, а потом узнал Генку и улыбнулся. И сказал:

— Вот хорошо. А я шел, шел, потом оглянулся, а тебя нет. Думал, ты тоже идешь, а тебя нет. Забрался сюда и стал ждать. Я знал, что ты придешь.

И вечер сделался обычным вечером, за которым приходит спокойная ночь, а потом хорошее солнечное утро. И стало ясно, что предчувствие беды — пустой страх из-за глупых выдумок и нелепых слухов. Потому что, когда встречаются друзья, несчастья отступают и прячутся с глаз...

Вот об этом были Генкины стихи.

Сережа не знал, как они написаны — коряво или, наоборот, звонко и отточенно. Он просто увидел странный город, ощутил Генкину тревогу и тоску. И обрадовался встрече. И даже в горле заскребло, когда прочитал:

...Теперь, когда мы снова вдвоем,
Закрыты пути беде.
И мы с Сережкой вдоль моря бредем
По щиколотку в воде...

— Ты это так написал... Лучше, наверно, нельзя... Или, наверно, можно, но для меня лучше не надо... Генка...

— Что?

— Не знаю... Просто «Ген-ка»...

И они засмеялись.

Это было настоящее счастье: сидеть рядом с лучшим другом Кузнечиком, впитывать плечами горячее солнце, видеть море и знать, что хоть через минуту можешь с разбегу кинуться в волны, уйти, как в сказку, в голубую глубину.

Но счастье не бывает полным. И через пять минут Сережа сказал:

— Митьку бы еще сюда. И Димку...

— И Данилку. И всех наших,— поддержал Генка.

«И Наташу»,— мысленно улыбнулся Сережа.

— Может, когда-нибудь повезет, чтобы все вместе... — добавил Кузнечик.

«Может, и правда повезет»,— подумал Сережа. Ведь и ему повезло. Прямо как в сказке.

...В тот день, после случая в троллейбусе он проводил мальчишку и его сестренку до самого кинотеатра. На вокзал с дядей Витей он, конечно, не поехал. Потом он ушел к Генке и пробыл там до ужина.

Виталий Александрович Вяткин — бывший дядя Витя — уехал в тот же вечер. Он взял в кассе только один билет, себе.

Сережа не стал с ним прощаться.

Из своей комнаты он слышал, как тетя Галя сказала брату:

— Изверг ты. Ведь он же еще ребенок...

— Не ребенок,— сказал дядя Витя.— Он сумел выбрать себе путь. Пускай и отвечает.

«Только не перед тобой»,— подумал Сережа.

Папы дома не было. Он вернулся поздно, после дядюшкиного отъезда. И тогда все узнал. Он молча притянул к себе Сережку, положил ему на голову большущую ладонь, слегка взъерошил волосы. Они стояли так в полутемной прихожей, и Сережа думал, что с отцом ему в жизни очень повезло. А отец, видимо, решал, как же теперь быть.

И в этот момент случилось то, что можно считать чудом, а можно—самым обыкновенным делом. У дверей позвонили, и оказалось, что пришел Саша.

Никогда раньше он не приходил к Сереже.

Конечно, в первый миг Сережа удивился и встревожился: что-нибудь с Генкой?

— Да все в порядке,— сказал Саша, поймав Сережин взгляд. И обратился к отцу:— Вы уж извините за странный и поздний визит. Хотел сначала по телефону, да так, думаю, лучше.

— Это Саша, Генкин брат,— объяснил Сережа.

— Ну так проводи гостя в комнату,— сказал отец.— Очень рад.

— Я, собственно, не к Сергею, а скорее к вам,— нерешительно проговорил Саша, когда его усадили на стул.— Есть один вопрос... Говорят, Сережа с дядюшкой собирался в Севастополь...

— Сорвалось,— сказал отец.

— Да, знаю... Пока не сорвалось, хотел я им с Генкой, с братцем моим, сделать нечаянную радость. У меня там работа, в командировку собираюсь. Думал, возьму брата, а в Севастополе они встретятся. А теперь что?.. Может, мне их двоих забрать? Сам-то я буду занят, но у меня товарищ там есть, а у него мама. Она бы присмотрела...

Вот тогда, честно говоря, Сережа не выдержал. Он торопливо ушел в свою комнату, вцепился в клинок на стене и прижался лбом к тонкому холодному железу. Еще не хватало разреветься при Саше.

— Пойдем на раскопки. Может, уже начали работу,— сказал Сережа.

И они пошли в западную часть Херсонеса, где ленинградские студенты раскапывали храм десятого века. Но студентов еще не было. Сережа и Генка не торопясь побрели среди травы, среди зарослей дрока, в которых лежали каменные плиты и обломки колонн. Вышли на центральную площадь у разбитого бомбами Владимирского собора.

В этот ранний час в Херсонесе было пусто. Лишь у крытой галереи, где выставлены для зрителей необъятные глиняные вазы — пифосы, мальчишки встретили человека. Крепкий невысокий человек в зеленых шортах бодро шагал, будто катился им навстречу. У него была коричневая лысина, круглый загорелый живот и курчавые плечи.

Вздрогнув, человек остановился, изумленно посмотрел на ребят. Даже рот приоткрыл: собрался, наверно, о чем-то спросить. Но они обошли его с двух сторон, будто стоявший на дороге пифос. А потом засмеялись и мимо белого домика с антенной, по каменной лестнице, побежали к морю.

Они схитрили в этот день: позвонили тете Лизе и сказали, что обедать не придут, поедят в столовой. Потом позвонили в лабораторию Саше и его другу Алику, чтобы те не беспокоились. А потом, не тратя времени на столовую, купили по три пирожка и махнули на катере в Инкерман. Там у самого берега стоял полуразобранный старый тральщик. Они вплавь добрались до него и полдня играли там с мальчишками, с которыми Генка был знаком еще в прошлом году.

В сумерках они добрели до Симферопольской улицы, до двухэтажного дома, где жил с матерью Алик.

Гудели ноги, сосало в желудке, горели от солнца плечи. Но сильней усталости была радость. Потому что все еще только начиналось. Они прожили у моря всего шесть дней, и впереди был почти месяц.

— Полуночники,— сказала тетя Лиза.— Вот я вас...

— Бродяги,— сказал Саша, который играл с Аликом в шахматы.— Засажу под арест на трое суток.

— Но мы же звонили, что не потонули, не потерялись и вообще никуда не пропали,— жалобно сказал Генка.

— Сейчас будут врать, что обедали и ничуточки не хотят есть,— проницательно заметил Алик.

Сережа хотел возразить, что на такое нахальное вранье они с Генкой не пойдут. Но тут в коридоре длинно и беспорядочно затрезвонил телефон.

— Междугородная! — воскликнул Саша и бросился к двери.

Сережа слышал, как он торопливо сказал в трубку:

— Слушаю... Да, что? Да, правильно. Кто? Да, здесь...

И вдруг крикнул в открытую дверь:

— Сергей! Это тебя!

— Папа? — тревожно спросил Сережа.

— Да нет, не папа. Говори...

Сережа взял трубку и услышал непонятно чей, но знакомый-знакомый голос:

— Ты слушаешь? Это я. Я по порядку, чтобы скорее, а то разговор дорого стоит. Мама с папой уехали, а нам жить целый месяц, а денег мало. Во-первых, у меня есть камера, значит, можно снимать дальше.

— Стоп,— сказал Сережа.— Это кто?

— Это я, Данилка. Ну, флаг-капитан Вострецов... Ты слушай скорей, а то Юлька ругается, что долго говорю... Во-первых, она подарила мне камеру «Спорт». Хорошо работает, только надо часто батарейки менять. Значит, можно доснимать мушкетеров. Андрей Гарц в лагерь не поехал специально, чтоб сниматься...

Сережа увидел будто наяву растрепанную Данилкину голову, веснушчатый нос и неунывающие глаза. Он замахал в открытую дверь, подзывая Генку. Тонкий Данилкин голосок звенел отчетливо и громко. Сдвинув головы, Сережа и Генка слушали вдвоем.

— Во-вторых, Стаська заболел, и его привезли из лагеря. Он теперь поправился, но отец к нему опять прискребается, Натка в деревне, а какой адрес, я не знаю. Стаська и Нок ночуют у меня.. Что делать?

— Я откуда знаю?— сказал Сережа.— Что еще?

— В-третьих, Митька нашел на берегу старую шлюпку. Можно сделать корабль, только надо ее вывезти. Лена сказала, что достанет машину. А пока помещения нет, можно у них во дворе чинить...

— В каком дворе? Какая Лена? — почти взмолился Сережа.

— Лена из райкома. Она приходила, нас искала... Ей Олег про нас написал. Шлюпка, конечно, гнилая, но Митька говорит...

В трубке раздались треск, писк, хрипы, короткие гудки.

— Алло! — заорал Сережа.— Алло, Данилка! Ну где ты?!

И снова прорезался Данилкин голос, еще громче и отчетливей:

— В-четвертых, появился клуб «Легенда». У них тоже фехтование. Звали к себе Митьку и Димку, но они сказали, что не пойдут. Тогда эта «Легенда» вызвала нас на соревнование. По стрельбе и по рапире...

— Кого нас?

— Ну, нас, «Эспаду»! Что им сказать? Когда вы приедете?

— Когда? — переспросил Сережа. Не мог же он сказать, что через месяц.

Данилкин голос зазвучал удивительно серьезно. Даже печально.

— Ну, ребят я соберу. А капитаны? Я, Митька да еще Димка. Ты же видишь, сколько всяких дел... Когда вы приедете? Можно завтра?

— Данилка, ты здоров? — спросил Сережа.— Завтра. За три тысячи километров.

— Самолетом же...

— А знаешь, какие очереди за билетами?

— Ну, постарайтесь! Ладно? Вы постараетесь? Алло! Ты слышишь?

Сережа еще слышал Данилку. А тот его — уже нет. Потом Данилкин голос угас, и короткие гудки зазвучали громко и непреклонно.

Очень близко Сережа увидел Генкино лицо. Кузнечика можно было не спрашивать: в глазах у него была уже дорога.

Саша стоял рядом.

— Что?— сказал он.— Заиграли трубачи тревогу?

— Не трубачи, а барабанщики,— отозвался Генка.— Саша... Тут ничего не поделаешь. Только вот как быть с билетами? В кассу не пробьешься... Ну, чего ты так смотришь? Да не бойся, мы не выпадем из самолета!

— Не выйдет, друзья,— сказал Саша.— Никуда вы завтра не поедете...

— Саша! — сказал Генка.

Саша серьезно продолжал:

— Билеты не проблема. Говоря по секрету, я могу их забронировать через заводоуправление. Но есть один очень важный вопрос.

— Что? — откликнулся Генка.

— Какой вопрос?— настороженно спросил Сережа.

— Это не секундная вспышка? Не каприз? Вам очень надо туда? Очень-очень?

— Да, командир. Очень,— ответил Сережа.

— Очень,— сказал Генка.— И мы будем ждать тебя там. Через месяц. А нам надо завтра.

— Послезавтра, капитаны,— решил Саша.— Я своей командирской властью дарю вам еще один морской день.

...Они прожили у моря целых шесть дней, а завтра их ждал еще один. Длинный день, полный солнца, синих волн и радостных находок. День в удивительном городе, где смешались дома и корабли.

А потом...

А потом все опять: «Барабанщики, марш!»

КОНЕЦ

СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ

Играем в теннис!

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Задайте мальчишке или девчонке вопрос:

— Играешь в теннис?

Обязательно получишь рикошетом вопрос:

— В малый?

— Нет, в настоящий, большой.

— Ну-у, в королевский теннис? Ну-у, это очень сложно. Корты, ракетки...

Корты, ракетки... Но зато игра-то какая интересная. Красивая. Крепкая. Развивает ловкость, силу, выносливость, подвижность.

Идет по улице человек с ракеткой, и невольно каждый прохожий на него оглянется — хорошо идет человек, стремительно, легко, изящно. И глаза у человека веселые, решительные. И весь он собранный, ладный. Залюбуешься!

Научиться играть в эту королевскую игру может каждый. А вот хорошо играть в теннис может не каждый. Как высокий рост нужен баскетболисту, длинные руки пловцу, крепкие ноги футболисту, так и для тенниса наилучшие качества: хорошая координация движений (молниеносно поворачиваться на мяч), хороший глазомер (уследи за вертким, пулей летящим мячом), отличная реакция (в долю секунды оценить обстановку и успеть навстречу мячу в любую часть площадки). Хороший теннисист — быстр, обладает сильным, экономным ударом и, конечно, смел...

Но, между прочим, история спорта знает превосходных баскетболистов обычного среднего роста, знает и не очень-то длиннoруких пловцов и щупловатых футболистов... Между прочим...

Играть в теннис можно научиться и без тренера — ребята подскажут, сам додумаешься,— но скорее всего упустишь основное, азбучное, и будешь играть неверно и от этого плохо. Только тренер подскажет точный и самый близкий путь к настоящей красивой игре.

Мы решили спросить мастера спорта СЕРГЕЯ ЛУКАШИНА, одного из самых молодых тренеров известной в теннисном спорте сочинской спортивной школы молодежи — СШМ,— показывающей прекрасные результаты на чемпионатах страны:

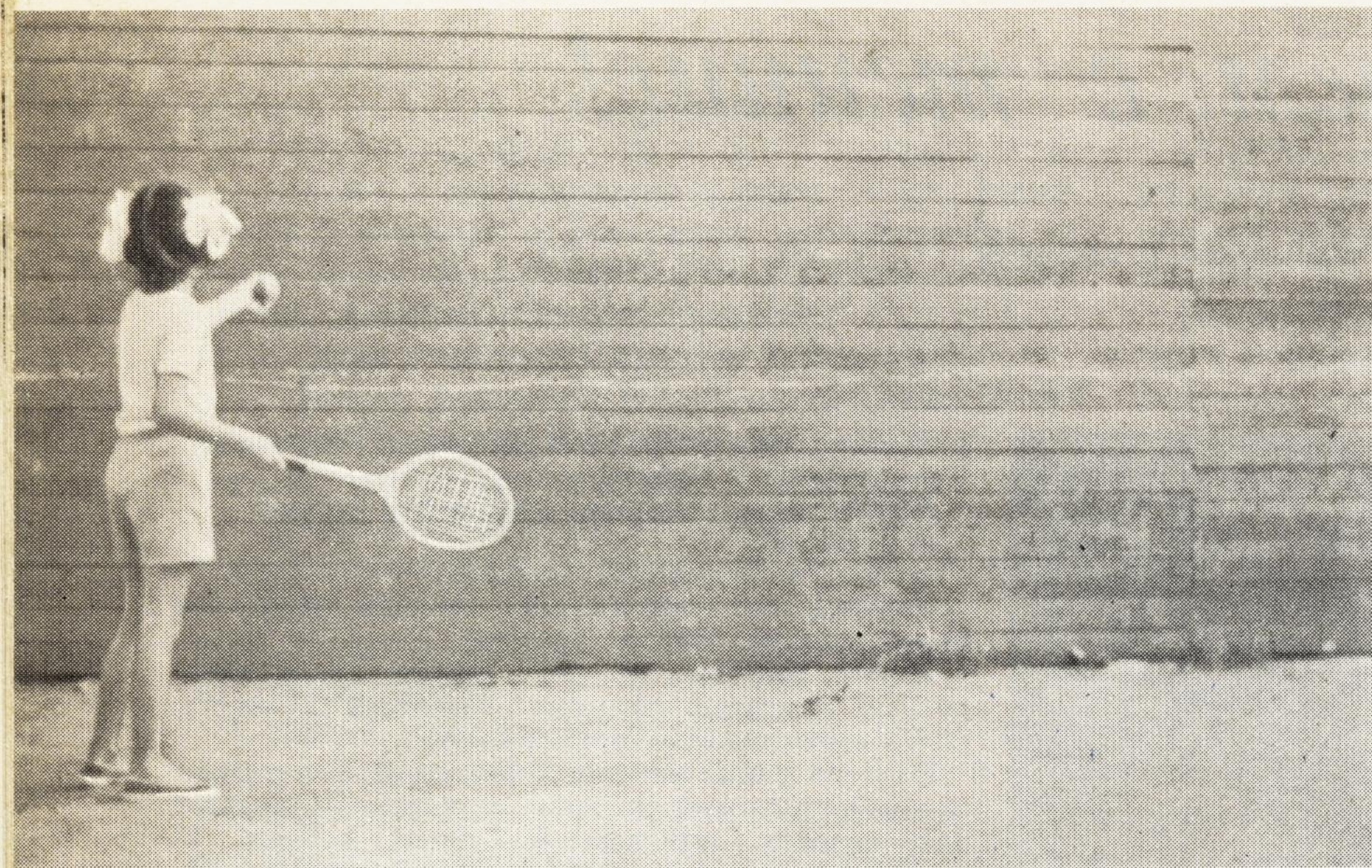
«ЧТО ДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКУ, ЕСЛИ ОН ЗАХОТЕЛ ИГРАТЬ В ТЕННИС?»

Захотел человек играть — значит, будет играть.

Только учеба—дело кропотливое. Принимаем в нашу школу всех желающих. Новый набор бывает в сентябре. Обычно записывается весь класс. А на площадку приходят уже не все. Через несколько занятий смотришь — еще поредели ряды. В конце концов остаются только самые трудолюбивые. Начались тренировки — пропускать нельзя, ни по какой самой, казалось бы, уважительной причине. Разве только, если заболел.

Но если правильно и толково, без перегрузок, тренироваться, то и болеть не будешь—играешь-то на

Вот она, стеночка, вот она, ракеточка. Начнем?

Ракетку ощущаешь, не тяжела ли? Не напрягайся, будь свободнее, естественнее. Представь себе, что это не ракетка, а просто твоя правая рука стала тяжелее и длиннее.

Мяч прыгает и прыгает на ракетке 18... 35... 100 раз.

воздухе. Сколько двигаться приходится! Сон после игры прекрасный. Теннис учит собранности, быстроте. И уроки станешь делать быстрее, и ощущать себя сильным, ловким далеко не последнее дело. А удовольствие от игры какое!

Кто-то думает: «Большое дело! Был бы корт да ракетка. Лупи себе по мячу, он сам допрыгнет». Не допрыгнет. Попробуй, перебрось ракеткой мяч через сетку, да отбей ракеткой неуловимый мяч, да еще следи за противником, и сумей заставить его не взять посылаемый тобой мяч...

Теннисисты играют только в белом — белые шорты или юбочка, белые майки, белые носки и белые теннисные туфли. Почему теннисисты такие франты? Да потому, что если игрок пестро, ярко одет, он отвлекает внимание, а внимание, все внимание приковано к мячу — только успевай парировать удары.

А теннисные туфли? Они должны быть хорошо, удобно пригнаны по ноге. И кроме того, настоящий теннисный корт песчаный, отлично утрамбованный, и к тому, кто отважится пройтись по нему в обычных башмаках с каблуками, теннисисты относятся, как к варвару — обувь должна быть на плоской подошве, чтобы не оставить следов. Ямка на корте может стоить сломанной ноги: игрок ведь только и думает о мяче, под ноги смотреть некогда...

Прежде чем выходить играть на корт,— кстати, можно играть не только в одиночную игру (один против одного), но и в парную (двое против двоих),— надо не одну недельку покрутиться с мячом на площадке рядом с кортом: просто пожонглировать мячом, подбрасывать его ракеткой или пере-

Говорим, играй, мол, в белом, а девочка в темном тренике. Но она играет не на корте, а рядом, да и не играет, а только начинает, примеривается к игре.

брасывая друг другу на расстоянии в несколько шагов, или даже без ракетки, ударяя мячом о землю и ловя его попеременно то левой, то правой рукой. Зачем это делается? Чтобы приучить свои глаза всегда видеть мяч.

А потом игрок тренируется у стенки, как бы играет со стенкой. В это занятие тоже можно внести разнообразие: играть с близкого или более далекого расстояния, давая мячу стукнуться о землю или отбивая сразу. Главное, надо стремиться выдерживать заданный ритм: удар — стена — земля — удар. Ритмично, без рывков. Стена учит собранности.

И еще с первых дней игрок должен знать, как надо держать ракетку. Выбор ракетки по весу — очень важный момент: легкая ракетка не дает сильного удара, тяжелая — может повредить, даже травмировать руку. Ракетка должна удобно покоиться в руке, быть как бы ее продолжением. Она усиливает удар по мячу. Видел, как акробаты прыгают на батуте, пружинистой сетке? Во много раз выше, чем просто отталкиваясь от пола. Так и в теннисе. Струны, натянутые на ракетке,— это батут для мяча, придающий ему бо́льшую направленность и силу полета.

Очень важно правильно держать ракетку, без этого не может быть настоящей игры. Ракетка состоит из ручки и головки. Головка — обод, на котором натянуты струны. Ручку ракетки игрок сжимает, как руку товарища при рукопожатии, держит ракетку как молоток, краем обода к земле, чтобы головка ракетки была выше ее ручки.

И даже у стенки надо стремиться бить по мячу правильно, не залетать к птицам и не бить по ногам, а на высоте своего пояса, бить уверенно и свободно. Удар по мячу похож на шлепок. После удара ракетку отпускать не надо, еще какое-то мгновение вести ракеткой мяч в том направлении, куда хочешь послать его. Мяч не отбиваешь, а направляешь.

Чтобы осуществить красивый удар, принимай мяч только центром ракетки (край обода всегда смотрит в землю). Почему надо, чтобы мяч попадал в центр ракетки? Потому что там сравнительно меньшее натяжение струн, чем у края, и мяч получает лучший толчок.

Нет лучшей музыки для теннисиста, чем удивительный певучий звук струн, отбивающих мяч. И эта музыка звучит только тогда, когда мяч попадает в центр ракетки!..

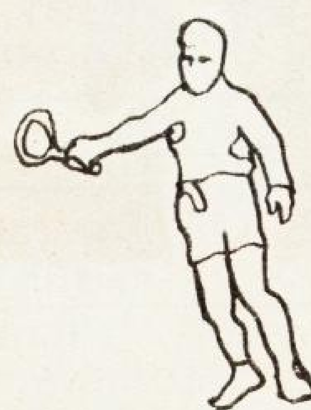
Моряку при расставании желают «шесть футов под килем», летчику — «чистого неба», я желаю вам, друзья: «Поющей ракетки»...

Это уже настоящая игра:
«Все удары знаю: справа, слева,
с отскока, с лета...
Противник, к сетке!»

Дорогие друзья!

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Каждый из нас придумал немало мудреных, замысловатых игр и задач, и, представьте себе, мы получаем тысячи писем с правильными ответами.

Просто невозможно перечислить все города и села, поселки и деревни, откуда приходят письма. Нам пишут ученики всех классов — от первого до восьмого, а иногда и девятиклассники, и мы всем этим письмам радуемся и читаем их так же внимательно, как вы читаете странички «Ума палаты».

Ваши ответы помогают нам лучше понять, какие задачи вам особенно понравились. Кажется, будто вы сидите вместе с нами в редакции и ищете оригинальные решения, подсказанные вашим воображением и фантазией. И, знаете, иногда третьеклассники и четвероклассники находят более простые и четкие ответы, чем, скажем, восьмиклассники.

Старшеклассники порой составляют сложные уравнения, без которых прекрасно можно обойтись. Помните твердо: НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ И ВООБРАЖЕНИЕ — вот те «глаза», которые должны быть широко открыты, когда вы входите в «Палату».

Мы не можем ответить на все ваши письма — их слишком много,— но мы всегда с нетерпением их ждем.

ДЕД БУКВОЕД, ЖИВЖИВКА, КАПИТАН ПЕРО, ЛУПА И ПИНЦЕТ.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
О. [illegible]. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секре[illegible]арь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Техническ[illegible] редактор В. П. БОРИСОВА. Макет А. М. ГРИШИНА.

Адрес для п[illegible]сем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/[illegible] 1975 г. А 00886. Подписано к печати 4/VIII 1975 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. [illegible],24 учетно-изд. л. Тираж 1 540 000 экз. Изд. № 2001. Заказ № 838.

Ордена Ленина и [illegible]дена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ГДЕ и КОГДА?

*ЧЕТЫРЕ КАДРА ПЕРЕД ВАМИ,
ВЫ ИХ ДОЛЖНЫ РАССТАВИТЬ САМИ
И ВЫ УЗНАЕТЕ ТОГДА,
ГДЕ ПРОИСХОДИТ ЭТА СЦЕНА.*

*НЕ ТОЛЬКО ГДЕ, НО И КОГДА.
Я ПЕРЕСТАВИЛ ИХ МГНОВЕННО.
НО — Я ОТКРОЮ ВАМ СЕКРЕТ —
ТАКИХ МАШИН ПОКА ЧТО НЕТ!*

Кар-на-вал

*Веселый, шумный
карнавал,
Народный
праздничный
обычай!
Но ты, надеюсь,
отыскал
На этих марках
пять различий?*

ОТВЕТЫ

НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

Марка Деда Буквоеда
Из букв, которые входят в слово «Гренландия», можно составить названия таких стран: Дания, Англия, Иран. А если употреблять буквы по нескольку раз, то еще и Индия, Ирландия, Гренада, Гана.

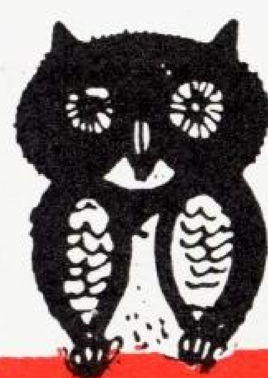
Нигерийский почтальон
Почтальон находится в пункте x. Он идет в направлении z.

Велосипедный кросс
На велосипеде медвежонка едет зайчонок.

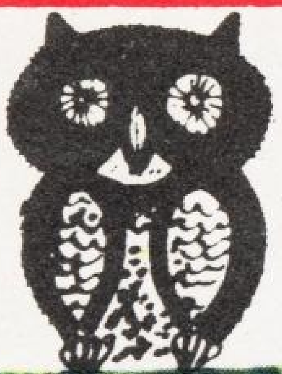
Капитан Перо ищет помощника
В группе может быть тринадцать стрелков, вооруженных двадцатью девятью стрелами. Либо двадцать девять стрелков, у каждого из которых по тринадцать стрел.

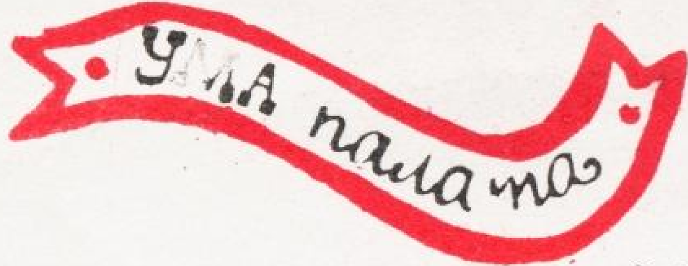
СПАСИБО! Всем ребятам, приславшим мне свои «Наброски».

Живживка

окончание «Палаты Ума» на четвертой странице обложки

начало на 80 стр.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

— Что ты распелся? — спросил учитель математики у Живживки.— Разве можно петь на уроке?

— Моя песня к месту — она математическая! — возразил Живживка,— вот послушайте:

Два, пять, пятьдесят,
Вычесть год рождения,
Плюс семнадцать двадцать пять —
Вот и все решение!

— Какая тут математика! Это просто бессмысленный набор слов!

— Вовсе нет! Эти слова наделены математической силой! Вот напишите, пожалуйста, на листе бумаги, какого размера ботинки вы носите. Мне не показывайте! Умножьте это число на два, прибавьте к произведению пять, умножьте сумму на пятьдесят, вычтите год вашего рождения, прибавьте число 1725. Скажите, что у вас получилось в итоге? Теперь я скажу вам, какой размер ботинок вы носите и сколько вам лет!

А вы, ребята, тоже можете воспользоваться этой математической песенкой. Докажите, что здесь нет никакой «магии».

СУРИНАМСКИЙ ГУСЬ

Белый гусь из Суринама
Целый год твердил упрямо:
— Не хочу сидеть в пруду,
Континент свой обойду.
Ничего не стоит мне
Побывать в любой стране!
Он домой вернулся важный:
— Все я страны посетил
И притом, учтите, дважды
Ни в одну не заходил!
КАРТУ ВЗЯВ, ПРОВЕРЬТЕ
СТРОГО,
НЕ ПРИВРАЛ ЛИ ГУСЬ
НЕМНОГО.

Рисунок А. БОРИСОВА

Цена 25 коп.
Индекс 70694.